

С
П
ПРОЗА

84(2Рое-Рус)
К 1083

Станислав Юрченко

ТАЁЖНЫЙ РОДНИК

Станислав Юрченко

ТАЁЖНЫЙ РОДНИК

Стихи, поэмы, проза

080651-2

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
экз.

2004 г.

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

KO

ББК 84 (8-Рос-Рус)6
✓ Ю83

Юрченко С. Г.

Таежный родник. Стихи, поэмы, проза

Литературно-художественное издание

Юрченко Станислав Георгиевич

ТАЕЖНЫЙ РОДНИК

Стихи, поэмы, проза

Рисунки автора

В предисловие новой книги С. Юрченко «Таежный родник».

В привычной будничной суете, в нескончаемой чередке размеренной трудовой жизни северян нередко приходится удивляться людям, без остатка отдающим себя не только своей любимой профессии, но и своему активному досугу, своей творческой фантазии. Советский район — бесценный кладень народных талантов, самодеятельных композиторов и музыкантов, мастеров прикладного искусства, художников, писателей, поэтов, настоящих представителей творческой интеллигенции.

Творчество Станислава Юрченко давно известно не только в районе, но и далеко за его пределами. Северные Гимны, посвященные человеку труда, лесному краю, своей малой Родине, поражают своей простотой, изяществом, искрометным сибирским юмором и душевной теплотой. Именно поэтому стихи и проза писателя востребована самой широкой читательской аудиторией.

И совершенно не случайно, справедливо то, что на одном из административных зданий районного центра сегодня начертаны поэтические строки Станислава Юрченко о времени и о себе, о судьбе, о прошлом и настоящем, и о прекрасном будущем города Советский, столице Советского района, который дал путевку в жизнь многим талантливым людям таежного края.

Глава Советского района

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'A. N. Rasokovalov', written in a cursive style.

А. Н. Расковалов

Юрченко Станислав Георгиевич, родился в городе Кривой Рог, Днепропетровской области, 18 июня 1948 г. Член Союза писателей России, автор пяти книг поэзии и прозы. По профессии инженер-строитель, живет и работает в г. Советский, Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа, кавалер Ордена «Знак Почета».

Автор благодарит Администрацию Советского района Тюменской области и лично Главу администрации Расковалова Андрея Николаевича за содействие в издании этой книги.

ТАЕЖНЫЙ РОДНИК

*Друзьям, живым и уже ушедшим
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Почерневший от времени сруб,
через край ледяною водою
ключ струится, прощаясь со мною,
воспаленных касается губ.

Возвращаясь не раз, и не два
из недолгих таежных походов,
заезжал я испить эту воду
непрерменно с друзьями сюда.

Раззадориться, и серебра
окатиться расплавленным слитком,
сбросив потную энцефалитку
на смолистую кожу ствола.

Шевелились песчинки на дне,
танцевали меж солнечных бликов.
А от хохота, шуток и криков
становилось спокойнее мне.

Помню все это, будто вчера.
Здесь всегда, как рукою, снималась
утомленного тела усталость
и души беспокойной хандра.

А сегодня, за древностью лет,
я все реже тебя навещаю,
и все чаще навеки прощаюсь,
одиноким встречая рассвет.

В ожиданье неясной беды
вижу снова знакомые лица
собрались возле сруба напиться
родниковой, югорской воды.

После стольких туманов и стуж
жизнь почти завершив, понимаю,
что тепло ваших искренних душ
нас на грешной земле сохраняет.

Слава Богу, родник до сих пор,
как живой, из-под берега дышит,
а сосновый, серебряный бор
точно так же ветвями колышет.

9.12.03 г.

Когда мне хочется прилечь,
груз нажитого сбросить с плеч,
мое проклятье —
строка, пропетая любя,
примерит тут же на себя
чужое платье.

И бросив краткое — дурак! —
дверь распахнув в кромешный мрак,
уйдет без звука,
меня оставив не у дел
переживать, что не успел
стереть гадюку.

И продолжается в укор
с самим собою вечный спор,
уж вы поверьте —
чиркнул, не думая, пером
то, что не высечь топором
до самой смерти.

Еще аукнется, сынок,
все, что прокукарекать смог
на этом свете —
усвоив заданный урок,
читатель подобьет итог
в расходной смете.

Одних — поднимет до небес,
другие будут на развес —
различье — в чине.
Но, кто-то, помяная мать,
вновь станет, мучаясь, писать —
все — как доньше.

Тяжел строки неверной вес
с хорошей рифмою и без —
нюансы тонки.
Еще страшнее, если вдруг
в ней вместо мысли просто звук
пустой и звонкий.

30.08.03 г.

Отпущенья грехов не проси —
груз неверия гирей висит.
Каждый столб верстовой на Руси
над сгоревшей душой голосит.

Дух сомнения — в нашей крови,
отрицание — бес в бороде,
потому — что-то снова горит,
или тонет в холодной воде.

Побелевшие кости в полях
никого не уверили в том,
что хранима родная земля
православьем святым и крестом.

И ее никогда не сотрет
величаяя поступь веков,
славу русским просторам поет
звон серебряный колоколов.

Вековечные ели в обхват,
запах скошенных трав на лугах,
синь небес — Богородицы плат —
над Россией воздет на руках.

31.08.03 г.

АРТИСТ

Холодный ветер и песок
рвет пожелтевшую афишу,
а я стою и снова слышу
звучанье юных голосов –
у самой рампы, на краю,
в глаза восторженного зала
то, что душа во мне связала,
я с упоением пою.

Как оглушительен и чист
оркестра звук под облаками,
и с побелевшими висками
красив до чертиков флейтист.
И всхлипы верхней ноты «ля»
дрожат, вибрируют у свода,
даря иллюзию ухода
в благословенные края.

Безудержен короткий век –
не вечны хрупкие творенья,
успеха чудные мгновенья.
Но бесконечен человек –
в упорных поисках пути
на незнакомых перекрестках
и на сценических подмостках
в желанье снова превзойти.

Гремит аплодисментов шквал.
Я возвращаюсь для поклона,
глухие сдерживая стоны
и ощущая, как устал.
Но, если Божьего огня
еще достанет на дорогу –
я вам опять спою, ей богу.
Запомните таким меня...

30.08.03 г.

НЕ ГРУСТИ

Если черные тучи хмурятся,
ветер листья метет по улице,
если плечи твои сутулятся,
груз обиды нести невмочь —
значит, чувствуешь каждой клеткою:
он ушел — что страшнее этого,
он ушел — и пора рассветная
превратилась в глухую ночь.

Не грусти.

В жизни все случается,
если что-то не получается,
не заламывай рук отчаянно,
 удержи погребальный стон.
Завтра встретят глаза лучистые,
и спокойное небо чистое,
и поймешь, прозревая, истину:
просто, он был — совсем не он.

Не грусти.

Эти дни закончатся,
 снова жить и мечтать захочется,
продолжение — в многоточии
после горьких, финальных строк.
Пусть дожди на планету падают,
 пусть горит, не сгорая, радуга,
и, надеждою новой радуя,
расцветает любви цветок.

30.08.03 г.

ЛЮБИМЫМ

Нам дарят жизнь, и свет, и первый звук,
баюкают, крестить приносят в храмы
прекрасные, единственные мамы,
пройдя сквозь череду страстей и мук.
Они — для нас, как весь огромный мир.
А невзначай ударимся, играя —
губами наши слезы утирают
и ограждают от недобрых сил.

До той поры, пока придет она,
возникшая внезапно, как дорога
в пустыне, предназначенная Богом,
приветливая спутница — жена.
Другие, повзрослевшие дела
в водовороты жизни нас бросают,
но от внезапной гибели спасают
негромкие участия слова.

Старая, в ожидании разлук
и встреч, по дому ходим осторожно,
прислушиваясь чутко и тревожно.
В дверь раздаётся долгожданный стук —
и силы возвращаются, ей-ей,
и сердце под грудиной меньше стонет,
когда щекой касаешься ладони
уже подросшей дочери своей.
Живут, оберегая и храня,
три любящие женщины меня.

29.08.03 г.

ОСЕННИЙ ЮГАН

Тихо падает лист —
круг, другой над осенней водою,
над брусничной поляной
меж сосен столетних — туман.

По-осеннему мглист
оглушает своей тишиною,
заплетаясь, как пьяный,
в таежных урманах Юган.

Отраженный в воде,
перевернут прибрежный подлесок,
обнаженной косы
языки наползают на плес,
и в седой бороде
мха, клочкасто свисающей с веток,
бриллианты росы,
как следы подсыхающих слез.

Разгорается день.
Облака подгоняя с востока
ветерок шевелит
медь листвы у дрожащих осин.
В пятнах солнечных тень
крон зеленых, взлетевших высоко,
над землею парит
и колеблет небесную синь.

28.08.03 г.

РОДНОМУ ГОРОДУ

Смотри, как складывалась жизнь.
И пусть нас тронули седины —
плечо в плечо, в строю едином
мы проходили рубежи.

Не все сложилось и не вдруг —
но если был намек надежды,
без промедления и прежде
ты шел на выручку, как друг.

Как три десятка лет тому,
к тебе нас, лишь отъедем, тянет —
любовь старинная не вянет
не исчезает, как в дыму.

В рисунке улиц каждый дом
стоит незыблемою вехой
и сопричастность человека
к твоей судьбе в тебе самом.

На фоне этих разных лет
она не выглядит иначе,
и та же трудная задача —
в себе себя преодолеть.

28.08.03 г.

СЮЖЕТ О ЖЕНСКИХ РУКАХ

Стоит зима белым-бела,
дома заснеженные в шапках.
Вчерашний лед упруго-шаткий
сегодня тверже, чем скала.
Горит свеча и вальса звуки
твои натруженные руки
вдруг превращают в два крыла.

Как упоительно легки
крылами ангела на плечи
мне лягут в этот зимний вечер
две самых дорогих руки,
слагая на волнах скольженья
любовь в начале предложенья
и поцелуй — в конце строки.

Мы убеждаемся не раз,
какая в них таится сила,
что из огня нас выносила
почти сжигающего нас.
И как участливо нежны,
когда цветные дарят сны,
прикрыв зрачки усталых глаз.

Пусть за окном опять зима
колышет саваном метели —
твои объятия сумели
согреть меня сильней вина.

И тая белым снегом в них
я обессилено затих.
Ну, как тут не сойти с ума?

Прикосновенья нежных рук
рождают и слова, и звук.

28.08.03 г.

-080651-2

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

ДОРОГА ДОМОЙ

Возвращаюсь усталый,
на круги своя возвращаюсь.
Зноем в иллюминатор —
давно надоевший закат.
Я с тобою, Тунис,
ни о чем не жалея, прощаюсь,
как приятно к знакомым местам
возвращаться назад.

Здесь — почти что зима,
ветер мокрые листья гоняет,
и вот-вот над домами
проявится зябкий рассвет,
и объятья открытые
вряд ли меня ожидают —
все равно я лечу
предвкушеньем свиданья согрет.

Смена жизненных вех —
не сложнее, чем смена погоды,
наших троп и дорог
на планете огромной не счесть.
Нас не учат почти ничему
расстоянья и годы,
к сожалению, в этом
печальная истина есть.

Как к груди материнской,
к истокам своим припадая,
ощущаю подспудное,
вязкое чувство вины,
и почти умиравший вчера
тот же час воскресаю —
нету лучше лекарства,
чем воздух родной стороны.

Исчезает пространство и время
видением зыбким.

И привычно-приветлива
даже на фоне дождя
ясноглазая прелесть
загадочной русской улыбки,
что у трапа ночного
встречает, как брата, меня.

*Монастир — Кольцово,
31.08—1.09.03 г.*

ПЬЕСА ДЛЯ ОДНОГО

Открыт сценарий — боже мой, опять! —
любовь, измены, ревность — полный бред.
Мне эту чушь приходится играть,
себя преодолая, много лет.

И всякий раз заучивая роль
ловлю себя на мысли: ну зачем
мне эта нескончаемая боль,
проросшая из образов и тем.

Здесь радостей обычных — ни на грош,
лишь изредка нормальное лицо,
а в хрустале изысканном вельмож
подкисшее, дешевое винцо.

Шут, как эрцгерцог, в мантию одет,
поруваны достоинство и честь,
и чередует вычурный сюжет,
как водится, презрение и лесть.

Страстей неутоленных круговерть,
убогое фрондерство высших сфер,
вершит финал — трагическая смерть,
или обычный пошлый адюльтер.

Не торопись отчаяться, остынь —
неразделимы в пьесе «янь» и «инь».
Уходят примадонны, но пустым
не станет место главных героинь.

Так и играю, перевоплотясь:
то нежный обольститель, то тиран...
Как только рвется призрачная связь —
звонок... поднятый занавес... пора...

27.08.03 г.

Огоньки уходящего поезда
потускнели, исчезнув меж звезд.
Несомненно, в движении кроется
нерешенный, назревший вопрос:
что первичнее — песня на выдохе,
или прозы степенная статья,
и кому тяжелей — тем, кто выехал,
или тем, кому выпало ждать?

Шар земной так нескладно устроенный —
мир неласковый, как повелось.
Суеتمدимся без толку, а стоит ли,
если все полетело вразнос?
Пораженный какою причиною
вдруг распался наш слаженный дом —
что вчера представлялось вершиною,
оказалось едва ль бугорком?

В этом круге сомнений волнующих
и уверенно-праведных дел
с личным мнением сообразующе
каждый выбрал себе, что хотел.
И одни — в небесах, словно ангелы,
а другие — увязли в грязи.
Впрочем, ангелы падают.
Мало ли
падших ангелов в этой связи?

27.08.03 г.

СТУПЕНЬ

Вторична смърть, бессмертье — изначально.
Подходит время подводить итог —
становится никчемным и банальным
наш вечный выбор целей и дорог.

И, оглядевшись, вдруг поймешь — отныне
твое предназначенье на земле,
шагнув за грань, ведущую к вершине,
ступень грядущим вырубить в скале.

Что после нас — все остается людям —
и в этом, несомненно, есть резон.
Им, отыскав опору, легче будет
раздвинуть до пределов горизонт.

Они пойдут вперед и точно так же
сильнейший, след торя, в который раз
возьмет твою ступень и тихо скажет:
«Спасибо вам, что думали о нас».

Творением незыблемым, последним
свое существование продлив,
мы не исчезнем в сумерках бесследно,
незримо оставаясь среди живых.

27.08.03 г.

МАМЕ

Широка на причуды память —
и чем дальше, тем все видней —
образ рано ушедшей мамы,
четкий контур далеких дней:
детский садик, подружка Таня
и полуденный, сладкий сон,
одевание со слезами —
мальчик мучается с чулком!

В первый класс, как других, за руку
привела: «Не шали, сынок!»
После завтрака, утром мука —
чистка ваксой своих сапог,
с буквой «ша» на гербе фуражка
и армейский ремень отцов.
«Будь готов, пионер!» — отмашка.
Строем, дружно: «Всегда готов!»

На вокзале со мной прощаясь,
слез никак не могла сдержать,
и писала мне, что скучаешь,
что не можешь ночами спать.
А в балке на скрипучей койке
я, читая их, засыпал —
на далекой, таежной стройке,
где дорогу свою искал.

Завертевшись и пары строчек
за год даже не написав,
принимал, приезжая, молча
укоризну в твоих глазах.
В милых женщин не раз влюблялся,
насидевшись в лесной глуши,
сам не веря, вернуться клялся,
но покаявшись, вновь грешил.

Годы шли — матерел, работал,
убеждаясь уже не раз —
как ребенку, твоей заботы
не хватает порой сейчас
Все вернуть бы, что было с нами,
и почувствовать, где-то там,
рук заботливых прикасанье
к побелевшим уже вискам.

Все уносит с собою Лета.
И мазками ложась на лист
дорисует картину эту
с блеском мастера жизни кисть.
А в рисунке ее детали
неприметны, но так точны,
вдруг возникшие моментально
вспышкой света в глаза из тьмы.

26.08.03 г.

* * *

Как следствие прожитых лет,
нам мудрость дана от природы,
и самые яркие годы
оставили в памяти след.

В отмеренный срок, а не вдруг,
мы ляжем, как прочие, в землю,
но мало, кто молча приемлет
логически замкнутый круг.

Лукавим себе невзначай,
что в жизни еще только вечер,
и слово короткое «вечность» —
приятнее слова «прощай».

Но время бесстрастно бежит —
не влево, не вправо, а прямо.
И лист пожелтевший упрямо
на тоненькой ветке дрожит.

23.08.03 г.

ТУНИС

На этом берегу
далекого Магриба,
где пляжные пески
белее, чем снега,
звучат в душе моей
тоскливые верлибры
и снится по ночам
осенняя тайга.

Вот так вот и живем —
все мечемся куда-то,
пытаясь отыскать
благословенный рай,
но вновь зовет к себе
угрюмо-диковатый,
лежащий меж болот
и грив сосновых край.

Неприхотлив и прост —
он дорог мне, конечно,
теплом знакомых рук,
причастием к судьбе.
И, если повезет,
я здесь останусь вечно,
с дождями растворяясь
в его обской воде.

Пушистый сон цветов —
у среза пня подснежник
пробивший талый снег
напомнит обо мне.

Ну, а пока живу,
испытывая нежность
к бескрайней и родной
югорской стороне.

Озер зеркальных гладь
и запах прелой хвои —
удачи редких рифм,
истоки новых тем.

А здесь меж пыльных пальм
и зелени левкоев все,
вроде, хорошо,
но как-то не совсем.

23.08.03 г.

ПОД ШУМ ДОЖДЯ

Из туч возникший наконец
молотит дождь свинцом по стеклам,
и рвет поводья ветер мокрый,
как ошалевший жеребец.

Необъяснимость чувств и слов
таких пронзительных до дрожи
рождает заурядный дождик
в звенящей музыке ручьев.

Роняет капли на траву
листва березы, словно плачет —
все это что-нибудь да значит,
как все намокшее вокруг:

проселок потемневший, где
сомлев нахохлились домишки,
в штанах закатанных мальчишка,
вдруг пробежавший по воде,

соседа дочь в наряде «ню»,
белье собравшая с забора,
и огород у косогора
почти засохший на корню.

А небо, землю возлюбя,
дарует существу в награду
несущий свежесть и прохладу
всего лишь мерный шум дождя.

22.08.03 г.

ПОЛЕТ

Бросаю молча доску и стило,
едва услышу низкий рев турбины.
И снова поднимаюсь на крыло,
несущее к сверкающим вершинам.

Весь мир простерся ниже облаков —
неразличимы очертанья карты.
Я превзошел дорических богов,
едва подняли трап, с минуты старта.

Здесь на Олимпе, расстегнув ремни,
в томлении и неге дремлют в креслах,
забыв о вечном, боги, а они
так просто не летают, как известно.

В сиянье звезд, пронзая небосклон,
летит наш челн сквозь вихри мирозданья,
я бронзовею, словно Аполлон,
от грозного величия сознанья.

Мирской соблазн души не шелохнет,
взгляд в суть вещей, суров — не дрогнет веко.
...Но в этот миг кончается полет
и нужно превращаться в Человека.

22.08.03 г.

В дни, когда щемит в груди,
в дни печальных поражений
нас несет воображенье
сквозь туманы и дожди.

Позабыть пытаюсь вновь
тусклых будней повторенье
снова верим в воскрешенье
слова вечного «любовь».

Невесомо и легко
эти крылья за плечами
нас бессонными ночами
поднимают высоко.

В оглушительной тиши
мы парим, раскинув руки —
отголоски странных звуков
долетают до вершин.

Зазвучит в душе, как знать,
чувством искренним рожденный
тот напев, который ждем мы,
не надеясь услышать.

Одиноки и пусты,
веры мучеников вроде,
входим мы, как в храм Господень,
в мир возвышенной мечты,
в мир, где ноты и стихи
слились в гимны и кантаты.

...Где грешили мы когда-то,
не пугаясь за грехи.

22.08.03 г.

ВАЛЬС ОСЕНИ

Ветер листья в ладонях уносит
на кондинском крутом берегу.
Золотая югорская осень
акварелью накрыла тайгу.

Пятна света на зелени хвои
и игра ее полутеней —
дань безвременью, а остальное
живо вечно от самых корней.

И пока я живу в этом мире,
каждый жест твой ловлю, каждый знак,
голубою озерною ширью
не могу надышаться никак.

Поцелуй твои невесомей
набежавшей на берег волны,
здесь, под крышею звездною, в доме,
где с тобою повенчаны мы.

Если кто неожиданно спросит:
что дороже мне в этом краю? —
золотую югорскую осень
в разноцветном платке подарю.

Встреч с тобой и разлук нам хватало.
Знает только туманный рассвет —
сколько осеней мне миновало,
ну, а вовсе не весен и лет.

22.08.03 г.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Редкие удачи ловите!
Искрой — наяву ли, во сне —
сотканый из солнечных нитей
зайчик пробежал по стене.

В складках штор запутался ветер,
разыгрался резвым щенком.
Воспарил по-летнему светел
в легких облаках небосклон.

Завитком на белом — твой локон,
легкое дыханье в тиши,
запахом цветочным из окон
дарит очищенье души.

Дом расправит плечи со стоном,
хлынет звук лавиной с круч.
И твоя улыбка знакомо
вспыхнет, словно солнечный луч.

Дрогнут, просыпаясь, ресницы,
«дорогой!» — прошепчут уста.
И пойму, что снова мне снится
счастье, что доньше искал.

21.08.03 г.

ОКНО

Когда темно,
горит свечой надежд знакомое окно,
я узнаю его среди множества давно,
в ночи мерцает путеводною звездой.
Оно со мной,

когда тоска
стреляет ноющею болью у виска
и сердце сжалось для последнего броска
за ту незримую черту — предел всех бед.
Где меркнет свет

твоей любви.
Ее, как лист опавший, в воздухе лови
послушный жаркому желанию в крови,
успей, пытаясь защитить, к груди прижать.
Кто может знать,

когда она
вторично будет в этом мире рождена,
каким судьей суровым признана вина,
да и к чему — событий вспять не повернуть.
Нелегко путь

моих надежд,
в них ветер юный упоителен и свеж
и невесом прозрачный шелк твоих одежд,
где на песке земных дорог — прожитых лет
заносит след.

Из пустоты
волнуя сердце распускаются цветы
и к пониманию красоты и чистоты
я возвращаюсь под знакомое окно, когда темно...

21.08.03 г.

ФОРТУНА И ФЕМИДА

Разбавив прошлое винцом
о днях растраченных не плачу.
Фортуна с каменным лицом
мне, как всегда, сулит удачу.

Фемида пальчиком грозит,
ей что — она же — правосудье:
мне прегрешений не простит.
Плевать!
Когда все это будет.

Я этих двух занятных дам
всегда немного опасался.
Фортуну с горем пополам
однажды даже попытался.

Но повернувшись вдруг спиной
она с улыбкой мне сказала:
«Мой мальчик, чтобы быть со мной
одной удачи слишком мало.

И если ты еще разок
ко мне полезешь беспардонно,
тебе моя подруга срок
отмерит быстро и законно».

Ну, думаю, мадам, шалишь!
И шасьт к Фемиде под окошко —
проснись любимая, услышь! —
но услышали только кошки.

И полуночный их концерт
был не воспринят — это точно!
А утром получил конверт
с повесткой — в суд явиться срочно!

С тех пор идут мои дела:
стараний много — толку мало.
Фортуна — мать! — не помогла,
но и Фемида не прибрала.

19.08.03 г.

ДОРОЖНЫЙ РОМАНС

Этих нот, этой осени звуки
так знакомы любому из нас.
Под вагоном колес перестуки
исполняют старинный романс.

В этом вечном и странном движенье
пятен света и тьмы за стеклом
наших искренних чувств отраженье
в промежутке меж явью и сном.

Завтра встретят чужие вокзалы,
суета незнакомых людей.
Помню, ты на прощанье сказала:
«Возвращайся, любимый, скорей!»

Дни и ночи безумно листая
поражений и жалких побед,
не замечу, как в небе растает
глаз твоих исцеляющий свет.

Но однажды на темном перроне
промелькнет силуэт за окном —
одинокую скрипкой застонет
безымянный романс о былом.

Изначальные вздрогнут истоки,
как небесный шифон голубы...
Слишком часто бывают жестоки
и обманчивы карты судьбы.

19.08.03 г.

АЛЬФА И ОМЕГА

Пределы судьбы обозначив
на карте скитаний опять,
мне жизнь непростые задачи,
смеясь, предлагает решать.

В константах — неласковый ветер
суровой Югорской земли,
твой смех серебристый и дети,
которые вдруг подросли,

лохматые кедры над тишью
таежных речных берегов,
друзья, что ушли не простившись,
кривые ухмылки врагов.

А функции — наша дорога,
до звезд бесконечный полет,
утраченный рай и тревога
за юных, уплывших вперед,

забытых побед отголоски,
провалов и шумных пиров,
проросшие в небо березки
на месте столетних боров.

Я нынче — почти что философ,
но, кажется, боги правы:
чем дальше — тем больше вопросов
и меньше ответов — увы...

18.08.03 г.

СЫНУ

Земля покрытая болотами —
юдоль кочующих ветров,
где за крутыми поворотами
лишь пламя новых факелов.

Вдоль речек оспинами вырубки,
потеки нефти на стволах.
Какие мы, однако, выродки
в своих обыденных делах.

Родства не помня и отечества
лес косим, словно ковыли,
что дела нам до человечества
и нашей матушки-земли,
до нас уже почти загаженной,
расхристанной до черноты.

Однажды внуки наши скажут нам:
какие были мы скоты.

Давай, мой сын, посадим дерево,
пускай одно лишь — но навек.
Всем мрачным выводам не верю я —
природе нужен человек.

Не зря, мой мальчик, стали снова мы
победы мерить на весах.
Пусть после нас боры сосновые
вершины спрячут в небесах.

19.08.03 г.

ЗИГЗАГИ

Я помню, как падали в пропасть
вчерашние символы веры,
как быстро менялись местами
понятия «правда» и «ложь».
Летел обезумевший поезд
по нашим натянутым нервам,
(где все пассажиры — мы сами),
куда и зачем — не поймешь.

Мы песни задорные пели,
свергая бесстрашно короны,
и кровь наша лентою черной
на шпалах оставила след.
Но, вот, тормоза зазаскрипели
и, дернувшись, встали вагоны
на станции грязной и темной
с приличным названьем «Рассвет».

И те, кто привел нас, сказали,
что завтра все будет иначе:
сытнее похлебка на ужин
и слаще забористый квас.
На станции мы переспали,
а утром голодные клячи
на шатких телегах по лужам
в грядущее вынесли нас.

Грядущее тусклым и серым,
как выяснилось, оказалось,
и многие спились от горя,
хлебнув на студеных ветрах.
Вчерашние символы веры
опять на амвоны забрались,
им наши вожатые вторят,
окраску сменив на гербах.

История — хитрая девка,
все выдаст на блюдечке, кроме
простых повторений спирали,
что в бездне межзвездной парит.
Колонны и правых и левых
толпятся на скользком перроне,
а поезд в грядущие дали
опять под парами стоит.

апрель 2003 г.

* * *

Надломленный твоим непониманьем,
отточенным презреньем хлестких фраз,
я горечь мимолетного свиданья
пытаюсь пережить в который раз.

Отгородившись от людей и мира,
в обители своей замкнув уста,
готов тот час же нового кумира
бесстрашно возвести на пьедестал.

Но лишь намек надежды осторожной
мелькнет в твоей улыбке, как-то... вдруг,
мне кажется, я все отдам, что можно,
за нежное прикосновенье рук.

Вчерашнее страданье обветшает,
обида время лечит — это так...
И мне уже ничто не помешает
тебе навстречу сделать первый шаг.

март 2003 г.

РЕКВИЕМ СОБАКЕ ПО ИМЕНИ КИРЬЯН

Умер старый пес.
И громче стали
стоны стен разошедшихся в ночи.
Серую тоскою и печалью
тянет от нетопленной печи.

И, казалось, убыло всего-то
ничего.
Но не забудешь дня,
тех минут, когда встречал с работы
лай собачий, радостью звеня.

Помню все: как крошечным комочком
сын принес тебя, расстроив мать,
как визжала от восторга дочка,
с куклами укладывая спать,

как будил нас по утрам негромко,
требуя пустить на первый снег,
как скулил пронзительно и тонко,
обижаясь, словно человек.

И уже подросший, с сединою,
ласковым щенком смотрел в глаза,
умоляя к речке взять с собою,
так, что был не в силах отказать.

Становилось веселее, что ли,
даже если жизнь наперекос:
ты мгновенно всяческие боли
отгонял, лизнув в замерзший нос.

Годы шли.
Мы вместе постарели,
не заметив этого почти.
Но все так же преданно смотрели
в мир твои лиловые зрачки.

До сих пор — оглянешься невольно
на калитку, уходя... а, вдруг?..
Умер старый пес.
И стало больно,
будто умер самый близкий друг.

3.10.03 г.

НА АРАНТУРЕ

Знаешь, давай помолчим —
вслушайся в звуки природы.
Отсвет небесной парчи
лег на озерные воды.

В эти минуты острей
чувствуешь раннюю осень.

Цепкие пальцы корней
к звездам взметнувшихся сосен
тонут на кромке песка
в зелени трав и соцветий.

Как отшалившие дети
волны стихают, устав.

Щука ударит хвостом,
птица встряхнется понуро —
так погружается в сон
вязкая гладь Арантура,
лунной дорожкой дрожа,
не предвещающая ненастья.

И замирает душа
от ощущения счастья.

6.10.03 г.

НИЩИЙ

Смеется ветер в городских ущельях,
бросает снег в глаза, а в сердце холод.
Бегу, спасая душу, в подземелья,
саркомою съедающими город.

И в ожиданье душной электрички
останусь одинок и обездолен —
в толпе незрячих изменить не волен
закостенелых страхов и привычек.

Себя до слез пронзительных жалея,
мечтая, въеду в черный зев прорана,
где паруса далекие алеют
в широтах незнакомых океанов.

Где правят солнца длани, проникая
в чертоги тьмы сокрытые от мира,
где краски благородного порфира
на белых крыльях ангелов играют.

В видениях бесплотных и прекрасных
витаю, как ребенок, без опаски,
не веря до конца, что это — сказки,
что жизнь куда сложнее и опасней.

Но выходя по темным переходам,
наткнусь впотьмах на нищего калеку,
и вдруг пойму: ненастная погода —
всего лишь дань родившемуся веку.

Что здесь другим бывает и страшнее —
косою смерть, смеясь, сметает груды,
не разбирая: кто есть кто.

И с нею
не справишься беспечно, как с простудой.

И в тот же миг метель забьется тише,
в руках исчезнет дрожь, в глазах похмелье.
Покажется, что стал немного выше
и даже как-то, вроде бы, сильнее.

Стыдясь себя, монету молча брошу
и побреду искать свою дорогу
по савану текущему пороши
прозревший и очистившийся к Богу.

9.10.03 г.

ОКТЯБРЬ

Лес застыл в оцепененье.
Подморозило до хруста.
У дорог остекленели
блюдца луж.
Свежо и пусто
между голыми стволами,
что вчера еще шумели,
заметая между нами
золотистую метелью
неприметные тропинки.
Как теперь найти дорогу
от распахнутой калитки
до знакомого порога?
Боязливая пороша
не спеша залижет раны
и следы.
Никто не может
предсказать судьбу.
Что странно —
эту истину простую
знал и я, судьбой играя,
а теперь один токую
по над пропастью, у края.
Но природы перепады
подают намек надежде —
и бросаюсь, как и прежде,
на привычные преграды
безрассудно.
А, иначе,
жизнь покажется постылой.
И пускай октябрь плачет
безысходно и уныло.

14.10.03 г.

Было ли это?
Было.
Падал осенний лист.
Выли ветра уныло,
свет над землею стылой
сумрачен был и мглист.

Дымно чадили свечи
в храме мирских утех.
Ели по-человечьи
кутали зябко плечи
в белый небесный мех.

Плача, пластинка пела
в комнате за стеной,
и разметалось тело
в кипени простынь смело,
негу даря и зной.

Тени крестами пали
окон на гладь стены.
В танце любви дрожали
звезды в небесной шали
крадущейся зимы.

Руки тянул навстречу,
падая в душный жар,
но ускользали плечи
и, отрицая вечность,
таял ночной угар.

С первым лучом зарницы
горько пойму опять:
губы, дыханье, лица —
все это только сниться.
Утро.
Пора вставать.

15.10.03 г.

* * *

Странные бывают повороты
жизненных тропинок и дорог:
то крутые скалы, то болота,
то подъем на горку, то нырок.

И качаясь на руках фортуны,
словно на верблюде меж горбов,
то поем любовь весталок юных,
то скулим печально у гробов.

Каждый день — находки и утраты,
гром триумфа и позора гром,
все спешим, торопимся куда-то,
не соображая, что почем.

А когда согнет годами плечи,
помятая то и дело мать,
вдруг пойдем убогие, что нечем
было эту землю удивлять.

22.10.03 г.

КАРТИНА

Неподражаемо чисты
штрихи эпох давно забытых,
что откровенно и открыто
несут картоны и холсты.
Картины сказочный удел —
дарить событий отраженье,
где мастер красками движенье,
остановив, запечатлел.

Здесь, на безмолвном полотне
скрипят полозья, скачут кони,
и долетает звук погони
сквозь хлопьями летящий снег.

Поверх соломы на саях
раскинута медвежья полость,
и ямщика пропитый голос:
«Гони, залетные!..»

Звенят
прерывисто, тревожа слух,
три колокольца под дугою,
и дева нежною рукою
сметает с шапки белый пух.

В разрывах туч луна струит
свет серебристый над поляной,
как образ, верой осиянный,
в дрожащем воздухе парит.

Ах, тройка!

Вынеси, спаси
все, что случилось между нами —
порыв души и сердца пламень —
всегда ценились на Руси.

...Очнись от сладкого вина
забытых чувств и откровений,
неясных образов и теней
коснувшись.
Эти времена
еще придут ко мне во сне
порой ненастной и угрюмой,
где я с красавицею юной
останусь жить на полотне.

23.10.03 г.

РЫБАЛКА В ПРЕДЗИМЬЕ

Сурово бор насупил брови,
седые космы мха на елях.
Последний луч осенний ловит
лазурь небесной карусели.

Застыли прибереги речки,
зеркальным льдом покрылись плесы.
Холодной шалью лег на плечи
основых грив туман белесый.

Поблекнув, выцвели картины,
а лишь вчера еще летели
в потоках теплых паутины
и листья на осинах рдели.

Изменчива природа.

Ныне

в ее чертах — другие грани.
Но не позволит впасть в унынье
костра трепещущее пламя,

друзей веселых шумный гомон,
ухи с дымком горчащий запах,
вкус Сашкиного самогона,
короткий сон на хвойных лапах.

А утром чай душистый, крепкий,
и горизонта тусклый росчерк,
и свежий ветер гнущий ветки,
всю ночь проспавший, между прочим.

Да, что нам, закаленным, ветер —
жизнь превосходна отчего-то.
Собрать улов, проверить сети —
всего на полчаса работы.

И радоваться, как впервые,
почти килограммовой щуке,
да чувствовать, что вдруг заныли
озябшие до боли руки.

Согреть ватин фуфайки волглой,
присев у углей раскаленных.
И догадаться удивленно,
что этот снег уже надолго.

27.10.03 г.

Разгулялся я по свету, Боже мой,
разыгрался — сам себя не узнаю,
потеряв надежду встретиться с тобой,
балансирую опасно на краю.

Шаг неверный — и костей не соберешь,
а когда-то забирался на канат.
Я сейчас скорей на клоуна похож.
Заблудился.
Сам, конечно, виноват.

Подросли, наверно, наши тополя,
сын, не видевший папаши, повзрослел.
Все мои печали скоро отболят,
успокоюсь одиноким не у дел.

Но однажды постаревший и седой
постучу привычным стуком в нашу дверь,
ты откроешь и не узнанный тобой
я войду, как в тот волнующий апрель.

Оробею, сам не знаю почему,
раньше голову носивший удаю.
Ты, прислушиваясь к сердцу своему,
спросишь голосом охрипшим: «Вам кого?».

Погляжу в глаза, не зная, что сказать,
ты заплачешь, узнавая.
А в тиши
заколдованные двадцать лет назад
вдруг пойдут давно стоявшие часы.

27.10.03 г.

МОНОЛОГ В ТУРЕЦКОЙ ХАРЧЕВНЕ

Жгучей раки хватил стакан.
Продышался.
Еще налей!
Что лопочешь мне, басурман,
уроженцу донских степей.

Здесь все лучшее?
Эк, хватил!
На конфеточку, пососи.
Вот анисовку Петр любил,
а царем был всяя Руси.

Ну, а ваш, как его, султан —
только чай, да еще шербет.
Дай горилки ему стакан:
долбанет в полный рост — и нет!

И к тому же держал гарем:
разных жен, как в стаде коров.
Все, молчу...
Этих скользких тем
не касаемся.
Будь здоров!

Здесь, конечно, куда теплей,
но тепло и у нас в Крыму,
и базар, как у нас, ей-ей,
только говора не пойму.

Сакли — хуторских хат бедней:
кучи камня и камыша.
Во дворе не видать свиней,
да и в сакле той ни шиша.

Ты не дуйся, свое — родней
и привычнее.
А у вас
море нашего посиней
и ядреней с изюмом квас.

Что касаемо ваших баб,
Тут, действительно, не попрешь.
И, хотя я на баб не слаб —
с непривычки бросает в дрожь.

Показать умеют пупок,
круглолицы, с кулак глаза.
Погоди, ты куда, сынок?
Пей, Ахметка, кому сказал!

Ба, да ты, милый мой, потух,
слов не вяжешь: все — ик, да ик!
С русским пить — нужен русский дух,
а турецкому — не в протык.

28.10.03 г.

То печальные песни на тризне,
то ликующий свадебный хор —
так и в нашей несчастной Отчизне:
то излишки, то снова разор.

И стране, как всегда, угрожают,
словно Киев спаливший Мамай,
две беды: когда нет урожая,
или — если опять урожай!

Все привыкли, что к светлому завтра
поводырь поведет все равно,
и козырная, старшая карта
ляжет светлым пятном на сукно.

Ан не вышло!
Не так все сложилось —
рухнул мир, обещавший навек
предоставить кисельную милость
у молочных, как водится, рек.

Вот и давимся коркою, или,
обокрав, наслаждаемся властью.
Ну, а если кого посадили,
так затем, чтоб не лаял на власть.

Распинаются в ящике дяди,
все стараются нам доказать,
что живут они принципов ради,
а не просто попить и пожрать.

Кто сумеет сейчас, как когда-то,
в те ушедшие дни, где-то там,
от бича отличить демократа
и от леди — ночную мадам.

И шатаются пьяные люди
между берегом этим и тем,
достоверно не зная, что будет,
отчего,
почему
и зачем.

28.10.03 г.

МОЛИТВА

Захотелось пожить широко и легко,
но к престолу грехи не пускают.
Продвигаюсь нетвердо по грани веков,
по дороге нехоженной, к краю.

На щебенке разбитые ноги саднит,
ноет тело, смыкаются веки,
кровью небо плюется, и даже гранит
кровоточит, как плоть человека.

Как спасения жду: поскорей бы снега
эти раны мои зализали,
и терзает застывшую душу тоска,
истекая на землю слезами.

Дуют злые ветра на пороге зимы
и сквозь тучи не видно просвета.
Если мне повезет, дотяну до весны
и едва ли до нового лета.

Из-за дальнего леса, на бледном коне
гость пожалует в саване драном...
Ангел Божий, когда я исчезну в огне,
помолись обо мне окаянном.

29.10.03 г.

К ИСТОКАМ

Поезд шумно причалит к перрону.
Полон веры и мыслей благих
торопливо шагну из вагона
в пряный запах осенней тайги.

Тает медленно в сумраке эхо,
по таежным распадкам дробясь:
я вернулся опять! — я приехал! —
слава Богу, что ты дождалась!

Не могу надышаться простором
и красою земли и воды:
к югу тянутся степи и горы,
ближе к северу — вечные льды.

Русь, как девушка, в вышитом платье
и кокошнике выше бровей.
Проступают на дымном закате
купола деревянных церквей.

Вижу в облаке древние лики,
реки крови, да огненный брод,
и голодный опять, но великий,
переживший эпохи народ.

Эх, Россия, тебя ль не ломали,
не пытали на дыбе кнутом?
Затуманены в прошлое дали,
да и стоит ли снова о том?

Только, кажется, стоит поведать,
свет нелегких ответов пролить
на причину вопроса «Что делать?»
и, конечно, вопроса «Как жить?».

В наших вечных и вздорных идеях
от столицы, до самой глуши
и таится иголкой Кащея
состояние русской души.

Но, как зерна проросшие в поле,
как в пустыне палящей цветы,
пробиваются думы о воле
и о доле счастливой мечты.

Тьмы египетской было в достатке,
но и дней осиянных — не счесть.
Утвердилось весомо и кратко:
Бог, Отечество, Вера и Честь!

Пусть до звона натянуты жилы
и уставшие руки болят,
но пока эти символы живы,
будет жить и родная земля.

Нам с тобою скулить не пристало
обреченно.

И даже во сне
я молюсь, чтоб терпенья достало
и тебе, дорогая, и мне.

29.10.03 г.

Их подсчитают штабисты подушно,
в папки подколют листы без затей...
А по вселенной к беде равнодушной
матери ищут пропавших детей.

Им никогда до конца не поверить
в гибель мальчишки в стране без войны,
и, до конца не смирившись с потерей,
видеть цветные, счастливые сны,

где сыновья их никак не взрослеют —
детских занятий обыденный круг:
школа — сольфеджио — корью болеют —
плачут — влюбляются в юных подруг.

...Папки ложатся пластами в архивы
и превращаются в землю и прах.
Где вы, пропавшие, может быть живы?
Горло сжимает бессилье и страх.

И неустанно все женщины мира,
верные званию высокому — Мать,
в джунглях Анголы, в предгорьях Алжира
не перестанут искать и искать.

Горы Кавказа, пески Эритреи —
там, где под небом убийство и кровь,
трое от боли и горя немеют:
Вера, Надежда и с ними Любовь.

31.10.03 г.

ЭТЮД

Контур образа.
Движенье.
Свечки гаснущее пламя.
Полутени.
Полудрема.
Воздух, пахнувший весной.
Словно ангельское пенье,
прошуршавшее над нами —
скрип полов ночного дома,
перебранка за стеной.

Кто-то пьяненький кому-то
объясняется негромко,
бормоча во тьму пустое —
не хватило, видно, дня.
В эти редкие минуты
убаюкивает тонко
чувство светлого покоя
посетившее меня.

И тепло твоей ладони,
и упругость юной кожи,
свежий ветер в занавеске
из открытого окна —
все привычно и знакомо,
лишь немножечко тревожит
неожиданно и резко
наступившая весна.

4.11.03 г.

Мое больное поколение
наелось праведных основ,
приняв, как светопреставленье,
свободу совести и слов.

И словоблудием нас потчуют
сполна паханы и вожди,
и местной выделки, и прочие,
вот только совести не жди.

Все нити с пошлым прошлым порваны,
листы анкет — белей снегов,
но что-то пишут в дело органы —
никто не знает, для чего?

В госдумовской столовке праздники
отражены в стекле зеркал —
резвятся шалые проказники,
забыв, кто их сюда послал.

И те, партийные, кондовые,
презрев грозивший им insult,
лелеют мысль почти бредовую
про новый курс и новый культ.

Нам подарили конституцию
для сырых, нищих и старух,
но расцветает проституция
от безработиц и разрух.

Из красных стали мы лиловыми,
но выжившим — не до красы,
а узколобые, да новые,
топырят пальцы и усы.

Гуляй, избранники фартовые,
опохмелившись поутру!
А Русь опять, как баба вдовая,
стоит и мерзнет на ветру.

5.11.03 г.

ЖАЛЕЯ ВАС, ИЛИ МОНОЛОГ БЫВШЕГО ЧЛЕНА ПАРТИИ

Я заслужил признание, и чин,
и даже орден, никому не нужный.
И в жизни, как-то, не было причин
скулить в жилетку с жалобой досудей.

И все бы шло нормально, как у всех,
слегка непритязательно и мило,
но верно говорят: кружит успех,
неправильно оценивает силы.

Старался не грубить, но так уж вышло —
я повредил любимую мозоль
кормящему меня, который выше,
как будто сыпанул на рану соль.

В лицо дыхнуло гибельным свинцом,
я был низвергнут и убит, не скрою,
а бронзовость, покрывшую лицо,
сменила бледность павшего героя.

Я выжил, сам собой переболев,
поднялся кое-как врагам назло,
перетерпев, не выпавши в отсев,
да и с женою тоже повезло.

А те, кто мной тогда повелевал —
кто в желтом доме сник, кто на коне.
Но я свободен, я на них плевал,
они сегодня не прикажут мне!

Пусть кто-то стал богаче и знатней,
взлетел наверх, удачу оседлав —
я счастлив тем уже, что стал умней,
бесстыдство ваших принципов познав.

Хожу, куда хочу и с кем хочу,
пишу, что Бог внушил, а не король.
В стихах своих над вами хохочу,
вершителей играющими роль.

И узнаю все те же антраше
в знакомом цирке.
Трудно изменить
повадки зверя, ставшие уже
второй натурой.

Ариадны нить
не выведет вас к свету и добру,
про совесть и сочувствие — забудь!
И если, что сказал не по нутру —
пардон, месье, прожуйте как-нибудь!

Отбросив зависть, словно пыль веков,
став веселее и моложе что ли,
живу опять красиво и легко,
до слез жалея вас за вашу долю.

6.11.03 г.

* * *

Девчонка юная
сажает деревце:
лопата с комьями —
едва поднять!
Копает, тужится
и ей не верится,
что будет саженец
плоды давать,
в ту пору дивную,
когда бедовая
в объятья бросится
своей судьбы,
где белым облаком
плывут вишневые,
уже подросшие
давно сады.

Старик дряхлеющий
сажает дерево,
роса соленая
в седых усах,
и что посажено
оно не первое
и что — последнее,
он знает сам.

Осенний день давно
к закату тянется,
ночная иволга
в лесу поет.
Он здесь под деревом
навек останется
и потому старик
не устает.

7.11.03 г.

ЭМИГРАНТ

Черта подведенная, словно граница,
как шрам рассекающей землю межи:
однажды решившись, он смог, и, как птица,
покинул родимой страны рубежи.

Здесь сестры остались, и брат параличный,
и мать на заросшем погосте, в земле.
Он не сомневался, забыв о величье
поставленных целей и всякой муре.

В далекой, богатой стране он забудет
квартиру в «хрущобе» и жалкий оклад,
красотку найдет с силиконовой грудью,
и что-то напишет, и станет богат.

Но как-то в порту сан-франциского Рога,
увидев под флагом родным пароход
и речь услышав, неожиданно вздрогнет,
и что-то под сердцем внезапно кольнет.

И в жаркую ночь, где бессонница правит,
когда в темноте не закроешь глаза,
все снова вернется — и щеку оплавит,
скатившись беззвучно и горько, слеза.

10.11.03 г.

* * *

Амба! Прошлое вышло в тираж,
обеспечено домом и пенсией,
потихонечку ходит по лесенке
на второй, не высокий этаж.

И стучит по асфальту палкою
разом выцветшее и жалкое.

Настоящее носит костюм,
и участвует в разных собраниях,
высоко ценит хватку и знания,
и, конечно, недюженный ум.

Настоящее брезгует прошлым,
в чем становится скучным и пошлым.

И ревнуют, почти как влюбленные,
эти двое друг друга с пристрастием
за эпоху, уже разделенную
болтовней несусветной и баснями.

Но грядущее видеть, не скрою,
не умеет ни то, ни другое.

10.11.03 г.

Он умер почти,
но сумел возвратиться назад
от крика хирурга
в пропахшем карболкою зале.
Он даже не смог испугаться,
и смерти глаза
ему, почему-то,
провалом в земле показались.

Из пропасти веяло дымом,
палило огнем,
он сделал три шага
и ноги увязли в трясине.
Седой старикашка с веслом,
изможденный и синий,
сказал монотонно и тихо:
«Ну, что, поплывем?»

И тут он услышал,
как будто сосед за стеной
его разбудил
и позвал самогона отведать:
«Давай, просыпайся мужик!
Ну, давай же, родной!»
И он возвратился.
Нельзя же обидеть соседа.

А темная Лета,
как грязный, заросший ручей,
забитый до верха
накопленным прахом и илом,
текла между жизнью случайной
и смертью ничьей,
текла, не спеша, через вечность
и крепко смердила.

10.11.03 г.

* * *

С мыслями о Боге и душе
зимний день становится короче,
и длиннее северные ночи,
толком надоевшие уже.

Каждый год тяжел, как в гору шаг,
с каждым годом четче пониманье
страшного секрета увяданья,
ожиданья смерти не дыша.

Только так нельзя, не нужно жить —
Парки нить тянуть из мрака вяло.
Быть статистом — это слишком мало,
просто человеком надо быть!

Ошибаться — в этом право есть,
ушибаться — если встал неловко,
а с утра, задравши хвост морковкой,
верить в завтра, как в благую весть.

Старость, на минуту опоздай
на ушедший от перрона поезд,
хоть на пару лет отсрочку дай,
дай закончить начатую повесть.

10.11.03 г.

СЮЖЕТ

Рассказ написан.

Простенький сюжет:

она осталась брошенной с сыном,
а он, не протрезвевшая скотина,
пусть будет проклят до исхода лет.

Сюжет — конечно прост, банально прост,
но в нем, почти как в жизни, отразились
герои, что от злобы заразились,
и чем, увы, гордятся в полный рост.

Не обнажая широты души,
и не прощая даже там, где нужно,
себя жалеют долго и натужно,
размазав сопли, словно малыши.

Как падший ангел на иконостас
взлетев, грозят с проклятием вернуться.
А нужно только тихо улыбнуться,
глядишь, и он не выпьет лишний раз.

10.11.03 г.

ЕВРЕЙСКИЕ СТРАДАНИЯ

Жалею,
что не родился евреем
я на холмах Галиллеи,
там, где скитался Христос,
что бабка моя — бурятка,
где-то в капустных грядках,
деда любя, для порядка
мне подарила нос.

Мило,
если б все просто было,
но беспощадно была
жизнь меня много лет.
Эти пинали и эти,
в место больное метя,
и насмехались дети,
камни бросая вслед.

Ноне,
с носом таким в Хевроне
стал бы давно в законе
и над законом встав.
Но вместо этой доли,
от недоумья что ли,
пудом давился соли
в наших родных местах.

Странно,
но повзрослел я рано
и затянулись раны,
шрамов рубцы храня.

И здоровенным носом
массу решив вопросов,
круто поднялся — просто
он не подвел меня.

Смею
думать, что будь евреем,
был бы счастливей, верю —
можно евреем стать.
Ну, а поскольку смесь я,
то в этой самой взвеси
пара еврейских песен
будет всегда звучать.

Только
знаю, что мало толку
вдоволь намявши холку
деньги иметь и дом.
Да и боюсь — однажды
кто-то по-русски скажет:
«Гад, ты!», по морде смажет,
и обзовет жидом.

11.11.03 г.

Мы летим параллельным курсом,
даже скорость у нас одна,
между нами темно и пусто —
берегов не видать и дна.

И спешим мы к единой цели,
о несбывшихся днях грустя:
не смыкаются параллели
на евклидовых плоскостях.

Отзывается сердце стоном,
и несет в неизбежность рок
нас...
на полке, что вдоль вагона,
и на полке, что поперек.

17.11.03 г.

МУЗЫКА

Тапер играет на похоронах,
ничуть не хуже — на веселой свадьбе,
на танцплощадке — заработка ради,
а помянув покойного — в кустах.

Он — человек держащий инструмент —
орудие, не больше, в этой драме,
кусок холста в позолоченной раме,
запечатлевший избранный момент.

Так и живет среди звучащих нот,
не в силах оторваться от клавира,
да и к чему ему богатства мира,
когда поет труба, или фагот.

Одаривая женщин и мужчин,
живущих ныне и уже почивших,
искусство — первородное причин,
его для чувств высоких породивших.

Его не снять, как старое пальто,
оно незримо в воздухе витает.
...Все движется из ничего в ничто,
а музыка живет и обретает.

18.11.03 г.

* * *

Что дается годами —
лучше вовсе не знать.
Дети — сами с усами,
им на старость плевать:
и на наши повадки,
и на наше кино.
Огородные грядки им —
до лампочки.
Но,
если мышцы играют,
значит — крылья, и в путь!
Старость тоже летает,
только низко, чуть-чуть.
Пашет, правда, не шибко,
да все больше песок,
а грехи и ошибки
собирает в мешок,
тащит в гору устало,
закусив удила.
«Если б молодость — знала,
если б старость — могла!»

18.11.03 г.

* * *

Жизнь, как ни странно — краткое мгновенье,
мелькнувший образ дня, почти, что сон —
от яркого восхода дня рожденья
до сумерек банальных похорон.

Горит свеча несбыточных желаний
дрожащим, неуверенным огнем,
и чем быстрее мы ее сжигаем,
тем искренней и яростней живем.

Две плоскости дверного полотна
совсем не делят мир на тот и этот,
и ниточка багрового рассвета
моим, увы, закатом рождена.

19.11.03 г.

ОТКРОВЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЯ

Эти песни на старый мотив,
что поют днем и ночью с экрана,
понимаю всегда, как ни странно,
лишь в стакан граммов двести налив.

Тет-а-тет с головою вождя,
и вплотную к груди депутатки —
узнаю вдруг, что наши порядки
неминуемой смертью грозят.

Что пора все вокруг поменять:
этих членов — на этих и этих,
и, что чистую правду на свете
можно только от этих узнать.

Мне совет, не стесняясь, мурло
про свою незавидную долю,
что святую, народную волю
он пронес, так, что ноги свело.

Но товарищи и господа
не снискали доверия. Знаю,
что дорогу, ведущую к раю,
мне укажут опять не туда.

Перебьюсь и без них как-нибудь,
постараюсь не сгинуть до срока —
засыпаю у бабьего бока,
наплевав на высокую суть.

Пусть зовут — хоть в совки, хоть в хлысты —
накось-выкусь, не стану со страха,
очумев, рвать на ближнем рубаху
и валить на погостах кресты.

Жаль, но всем не удастся уплыть
в изобилие, что тут судачить.
Если мы не умеем иначе,
значит, сирые — так тому быть!

Проживаю, тяну, копошусь,
сыт почти и почти что доволен —
я чихаю с моих колоколен
на опять одуревшую Русь.

24.11.03 г.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Благоухали в отблесках зарниц
посаженные прошлым летом розы.
А я губами трепетными слезы
снял с твоих опущенных ресниц.

Упавшая, расправив плат, с небес
гроза явила миру очищенье —
летали облака прозрачной тенью
и шелестел, дождем умытый, лес.

Перечеркнув все то, что было до —
все, что осталось за незримой гранью,
ты мне дарила прелесть узнаванья,
пьянящую, как аромат цветов.

Посланница любви, в моих руках
ты плавилась зажженной свечою.
А небо покрывалось бирюзой,
дрожащею на ангельских крылах.

24.11.03 г.

* * *

Мы рождены в кровавый век
неверия и катаклизмов,
где правил призрак коммунизма,
плодивший нищих и калек.

Отрекшись, не желая знать
в убитых, ни отца, ни сына,
мы трупами через трясину
стелили в будущее гать.

В гордыне, праведных дорог
мы в этом мире не искали,
и годы страшные листали,
величье спутав и порок.

Когда раздастся Божий глас
и вострепенет небо птицей —
кто сможет тихо помолиться
за падших грешников, за нас.

24.11.03г.

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ РУБЛЕ

Он был излапан тысячами рук —
измят, обезображен и подклеен,
но, как из-под станка, самонадеян,
бесстыден и всеяден, как паук.

Он душу грел присутствием —
хотя,
его хватило бы едва на пиво —
и, развалившись в кошельке лениво,
ворочался, боками шелестя.

Когда-то был он молод и удал,
прилавки глядя бритыми щеками,
воспринимая прочих дураками,
и покупая все, что пожелал.

Но годы шли, инфляция росла,
что было многим — становилось малым,
и нашего героя чаще рвало,
да окунало с головой в масла.

Он стал брюзгой, обидчиво нудил,
наряд латая ветхий, носом шмыгал,
а ценники показывали фигу,
когда он за покупкой заходил.

И он привык скрывать обиды боль,
еще наглее стал, еще циничней,
на всех попойках находился лично,
ковригу хлеба принося и соль.

Десятки на него смотрели вкось,
а сотни — те совсем не замечали,
но поневоле стучались плечами,
брезгливо отворачивая нос.

Он тискал их в потемках, не унять,
застывших от испуга неподвижно.
Он знал, что может лихо разменять
любую сотню — сотнею таких же.

Но, каждый день, теряя лишний вес,
он превращался в мелкую монету —
седой, полуголодный и раздетый.
И, все равно, как мог, в герои лез.

И, вот, однажды понял, что умрет —
последний марш в душе играли струны —
почувствовал: вот-вот его фортуна,
сложившись с кем-нибудь, его пропьет.

Ну, что ж, возможен и такой конец,
придуманный ему его врагами —
он никогда подстилкой под ногами
не станет, как какой-нибудь юнец.

Он встретит смерть, как белорусский зубр,
почивший в политическом удушье.

Потомки не увидят малодушья
в его глазах.

Последний он — но рубль!

Так думал, годы не беря в расчет.
Иначе вышло все — судите сами —
он был потерян.
А потом ветрами
меж небесами и землей растерт.

25.11.03 г.

* * *

Написаны стихи, к ним нечего добавить —
они исчезнут в дымке навсегда.
Прощайте, Муза!
Этим миром править
уже другие будут господа.

И в строчках тех, написанных рукою,
нетленное, что на сердце лежит.
Но, если их забудут, что такого —
не первый раз история блажит.

А, если не забудут, значит, скоро
толпой распяты будут на кресте.
Как больно, что в толпе есть те, кто дорог,
и близок мне по крови и судьбе.

25.11.03 г.

СТАРИКИ

Мы — прошлое уже, больное прошлое,
растаявшее, где-то далеко.

А юбилеи и банкеты пошлые
лишь моде дань, доступная легко.

Наш опыт, как и наши опасения
давно не принимаются всерьез,
а редкие минуты озарения —
нелепый, неожиданный курьез.

Мы стали знаменитыми тогда еще
и нынче зорок глаз, крепка рука.
Но молодость — слепая, и осуждающе
летит обидный шелест шепотка.

Убитые словами в грудь ли, в спину ли
уходим молча.

И в который раз
мы видим в зеркалах, что годы минули,
нас, заменив похожими на нас.

25.11.03 г.

РАЗДУМЬЯ У ТЕЛЕВИЗОРА

Розданы последние долги,
отзвучали вычурные тосты.
Разошлись в ночную замять гости,
в круговерть ноябрьской пурги.

Грязная посуда на столе,
водки не допит стакан граненый.
...И гремит ансамбль краснознаменный
об угрюмой Стенькиной скале...

Представляю, как бы я свою
выбросил девицу за окошко.
...Ах, какие на экране ножки
весело танцуют и поют!..

Завтра уезжаю навсегда,
горькое забыв, простив обиды.
...Что там этот хмырь очкастый выдал?
Кто опять кому по морде дал?..

Как я проживу без этих мест,
без Нинка с ее высокой грудью?
...Ну, сейчас с бабенкой что-то будет —
он ее разделает и съест!..

Переключим. Щелк. Вот это — да!
Снег летит, как из перины вата.
...Новодворской голос хрипловатый
лезет в уши, в общем, ерунда...

В городе культурней, но бардак,
суета, и, что ни двор — помойка.
...Ишь, ты, виски пьет! Зачем водой-то
разбавлять, попробовал бы так...

Ладно, не беда, достанет сил,
только, вот, за что, не знаю, взяться.
...Нет, куда им с нами состязаться —
с полбутылки сопли распустил...

Ведь и город для кого-то мил:
хлеб жуют, живут детишек ради.
...Жириновский, либеральный дядя,
что-то там, в Израиле начудил...

Как-нибудь пристроюсь, ни хрена!
Если не пролезу верхом — низом!
...Эти все воюют с терроризмом,
потому опухли от вина...

Оставаться, как-то не с руки,
вроде попрощался, тары-бары.
...Выгнали богатых на Канары,
сделали им хуже, м...дураки!..

Что же будет с нами, если б знать,
в смутный век, каких неясно «измов»?
...Блин! Достал проклятый телевизор.
Дорогая, расстилай кровать!..

26.11.03 г.

БАЛЛАДА О КРЕСЛЕ

Устаревшее, с треснутой кожей,
укороченной левой ногой —
кресло, раны свои подытожив,
отдыхало в конторе одной.

Много видело всякого кресло:
мат при свете и блуд при свечах,
основное чиновное место
выносило на хрупких плечах.

И когда-то, в далекие годы
главным было меж мебели всей,
выделяясь высокой породой
с позолотой обойных гвоздей.

Разве мог не приближенный, смертный
опуститься на пухлый стульчак,
или тронуть начищенный, медный
спинки поручень. Как бы не так!

Кресло щеткою чистили, мыли.
Запах редких духов — просто ах! —
отбивал запах хлама и пыли,
что копились годами в углах.

Став значимым лицом только-только
в дележе привилегий и прав,
вознеслось, но пришла перестройка,
все вокруг в одночасье сломав.

Стали кресло таскать по активам,
и ногами на кожу вставать,
обливать алкоголем и пивом,
и плохие слова рисовать.

Меньше стало костюмов хороших,
а рубашки — все больше фланель,
ткань на брюках, куда как поплоче,
и девицы не пахли «Шанель».

Утряслось все не скоро, конечно,
и, пока продолжался бардак,
обломали у кресла предплечья,
провалили ногами стульчак.

А однажды, как и повсеместно,
в кабинет появился чужак —
поменяли ненужное кресло
на столичную штучку, вот так!

В темный угол, туда, где курили,
возле букв на дверях «м» и «ж»
жить на пенсии определили,
до кончины, похоже, уже.

Хорохорясь по моде момента,
горячась в атмосфере бесед,
кресло стало почти диссидентом,
правда, кухонным — впрочем, как все.

И в прокуренный мрак коридора
долетала такая подчас
откровенная, злая крамола,
что и нынче не любят у нас.

Твердь дороги под грязью и снегом
потеряв, как болотную гать,
кресло стало скрипеть, как телега,
и по-старчески ныть и брюзжать.

Двигать кресло уже не решались —
пусть стоит, не мешает пока.
Ночью юные парочки жались,
наминая у кресла бока.

А за стенами ветры стонали,
рвали флаги лихих перемен,
гимны вместе с гербами меняли
у кремлевских, заплеванных стен.

И, однажды, не выдержав хаос,
мордобои и крики «ура!»,
кресло, охнув, внезапно сломалось,
превратившись в простые дрова.

А, поскольку уже не топили,
и по миру метели мели,
кресло тут же пилой распилили
и в буржуйке железной сожгли.

Не дожив до пришествия малость
демократии, в дым над трубой
превратилось.

И мне показалось,
будто это случилось со мной.

27.11.03 г.

* * *

Мне говорят: не пей —
разрушишь печень!
Идите со своей
обрыдлой речью!

Страна моя в огне —
потушат вряд ли.
Сто грамм, поверьте мне,
не навредят мне.

Я даже жив пока
в стране таких же,
лишь потому, что — хам
и зорче вижу.

Уже не раз запрет
ломал устои.
Но, что в окошке свет,
гасить не стоит.

Как душу мне излить
друзьям келейно,
да горечь подсластить
глотком портвейна.

Не заменить речам
луженой глотки
наполненный стакан
приличной водки.

Доколе буду пить
и петь доколе,
я буду вечно жить
на русском поле.

27.11.03 г.

Привычное не требует ума.
Как и всегда — обыденно и споро
врастают в землю старые дома
и падают подгнившие заборы.

На пустошах деревья не растут —
пустое заросло травой ржавой.
А по стране великой там и тут
то войны, то потопы, то пожары.

Гуляет голь, да ширится беда,
у жителей унылых вид побитый.
Но царствует, как, впрочем, и всегда,
чиновник обеспеченный и сытый.

И, чем сложнее положение дел,
тем глаже щеки, хитрый взгляд наглее.
У нас, как водится, кто смел — тот, значит, съел,
мы по-другому просто не умеем.

Все б ничего, но надоел раскол.
Как исстари ведется по России,
убогий вдруг становится мессией,
придурковатый лезет на престол.

И дергают державу, кто куда,
усталый мозг электорату паря,
или дурят, как око государя,
прозревшее не там и не тогда.

Что не пролезет ни в одни ворота,
у нас проходит только «на ура!».
И кормит неизвестного кого-то
в кармане прохуdivшемся дыра.

Что праведно — у нас наоборот,
кто недоволен — тем загнут салазки.
Мечтает обездоленный народ
о временах, тех, что в народных сказках.

О тех краях, где сытно и тепло,
а вторник понедельника не хуже,
сосед приветлив, и топор не нужен,
и, где не бьют ни морды, ни стекло.

Фантазии нас греют, как вино,
фантазии бессмертны, но бесплотны.
Мы духом обнищали так давно,
что стали от него совсем свободны.

Не отберет никто ни у кого
ни ветхого жилья, ни корки хлеба
лет через сто,
когда мы все на небо
взлетим,
а там не нужно ничего.

27.11.03 г.

САПОГИ

В гараже пылились сапоги,
ни один из пары не был чищен,
запахом нехоженой тайги,
дымом терпко пахли голенища.

Их хозяин одевал, когда
уезжал на дальние деляны,
где они дышали ветром пьяным,
два простых, кирзовых сапога.

Шли вперед решительно и смело,
скособочив задники слегка,
беломошник ягодой спелой
красил им потертые бока.

И сушились, вымокнув в болоте,
развалившись ночью у огня,
прочные, привыкшие к работе,
к непогожим и погожим дням.

Их судьба была достойней многих,
против этой правды не погрешь,
и носили пыльные дороги
отпечатки рубчатых подошв.

Но, как только становился хмурым
и пустым заснеженный пейзаж,
сапоги, едва почистив шкуру,
отправлялись отдыхать в гараж.

Там в углу холодном, под брезентом,
вспоминали летнюю грозу,
и реки серебряную ленту,
и травы хрустальную росу.

Засыпая думали о лете,
что не развалились до сих пор,
а во сне гадали, как-то встретит
их весной знакомый, старый бор.

29.11.03 г.

Помнишь друг мой, далекую ту весну,
свежий ветер тех шальных дней,
как вырослел и мужал ты в таежном СМУ,
обретая своих друзей,

привыкая непросто к лесной глуши
и срастаясь с Югрой навек.
Не сумел изменить широты души
даже этот свирепый век.

А судьбу не уложишь в десяток строк
и в куплете о ней не спеть.
Пятьдесят — это слишком короткий срок,
чтобы все и везде успеть.

Знать, придется еще ровно столько лет
потоптать этот шар земной,
чтоб заметен стал на планете след
не тропиной, а тропой.

Будь, как прежде, в работу и женщин влюблен,
не теряя былую прыть!
Если мы дотянули до этих времен,
значит, нам еще жить и жить!

1.12.03 г.

В РЕСТОРАНЕ

В этих мутных брызгах дня
тонет наше заходусье,
даже тополь полинял —
смотрит выцветшим и грустным.

В ресторане только плов,
зал пустует — слишком рано.
Светит вывескою странной
дом веселья: «Вечный зов».

Одиноко водку пью
и тоскую по столице,
плоскогрудую девицу
ангажирую свою.

Пей, родная, свой коньяк,
кушай плов, пока сготовят.
Пусть приятели злословят
за спиною у меня.

Мне плевать! Твой силуэт
для меня куда дороже.
Кожи, правда, нет, и рожи,
и прикида тоже нет.

Скрыл ухмылочку в усах
метрдетель, мерин сивый.
Для меня ты все красивей,
расцветаешь на глазах.

В голове — слегка туман,
по груди тепло разлилось.
Что ты так развеселилась,
несравненная мадам?

Если хочешь танцевать,
закажу любую песню,
а без музыки, хоть тресни,
не пойду фасон ломать.

Одинокий гитарист
молча выпал на эстраду,
ты нас чем-нибудь порадуй,
недоделанный артист.

На полтинник, и давай
про цыган и карие очи,
ну, а если выпить хочешь,
вот лафитник, наливай.

Будь здорова! Будь здоров!
Эх, крепка ты, мать-Россия!
Глянь-ка, тащат, что просили,
отодвинь-ка чертов плов.

Ты, индюк, свои усы
убери, а то поберею.
Что бормочешь? Как я смею?
На, отведай колбасы!

Оботри салат с бровей,
и пошел бы ты куда бы,
да не пяль глаза, не баба,
оренбургский соловей.

Ах, милицию зовешь?!
Суетись — тебе же хуже.
Ну, а ты, молчи, не нужен
адвокат, едрена вошь.

Примем, милая, на грудь.
Что собрались, как за хлебом?
Я пугливым сроду не был,
разберемся как-нибудь.

Не испытывая страх
перед тем, что выйти может,
я сижу, и пьяной рожей
отражаюсь в зеркалах.

3.12.03 г.

Вместе давно тянувшие
ляжку, собрались вновь
Зависть и Равнодушие,
Совесьть, а с ней Любовь.

И у костра, над речкою,
там, где кричала выпь
Зависть по-человечьему
начала ныть и выть:
— Любке, конечно, с Совесьтью
есть ли о чем жалеть?
Но, не сказать, как горестно,
больно на все смотреть!
Мучаюсь, как в поветрие,
зрю, не смыкая век —
мне-то с моею метрикой
долгий ли светит век?

— Брысь, замолчи обидная,
все бы тебе рыдать!
Рожу твою ехидную
лучше бы не видеть, —
цыкнуло Равнодушие,
лапой прикрыв зевок. —
Вы бы меня послушали,
может пошло бы впрок.
Что суетитесь, сирые?
Полно, все будем там.
Дольше живут красивые —
это понятно вам?

Зависть — бабенка склочная,
не угасает прыть,
только, что знаю точно я:
жить ей еще и жить!

Совесьть, набравшись храбрости,
молвила слово вдруг:
— Не говорите гадостей,
я ей судья и друг.
В кружку плесните горькую,
лучше мы с ней споем,
как предрассветной зорькою
с милою шли вдвоем.
Славные, так и хочется
всех вас расцеловать!

Вычурно скособочившись,
стала Любовь рыдать:
— Мне ли не знать, какие вы,
мне ли вас не любить —
добрые, не ленивые,
ворогам нечем крыть.
Но, лишь сойдемся вместе мы,
сразу — сплошной разор.
Слух с полуправдой, бестия,
носит из хаты сор!
Из подворотни выплеснет
полный ушат дерьма —
если сума не выпадет,
значит, грозит тюрьма.

Сели в кружок задумчиво,
слезы текут из глаз:
ну, почему же мучает
совесть их всякий раз,
стоит им только встретиться?
И почему всегда
тут же к подругам клеится
Лихо и с ним Беда?
Думали — не надумали,
как невезуху снять,
вновь по стакану дунули
и разошлись опять.
Зависть от злобы синяя
выпила яд, и что ж?
Стала еще противнее —
лучше совсем не трожь!
Совесть от водки лечена,
нынче твереза вновь.
И с Равнодушьем венчана
в жизни мирской Любовь.

3.12.03 г.

* * *

Всем нам знакомо чувство разлуки —
старый, уснувший вокзал,
отяжелевшие мамины руки,
слезы в печальных глазах.
Теплые губы, прощальные жесты —
пальцев замок не разнять!
И остаются наши невесты
верить, надеяться, ждать.

Ждать телефонных звонков до рассвета,
в письмах читать, как грустит,
верить, закончатся вьюги, а к лету,
может быть, сам прилетит.
Он, возвратившись, обнимет с порога,
и уведет навсегда
вместе к далеким причалам дорога
и в поднебесье звезда.

Всем нам знакомо чувство сомненья
в выборе наших путей,
и, принимая поспешно решенья,
напоминаем детей.
Но, оступаясь и падая, споро
учимся тут же вставать,
и набираем предельную скорость
там, где возможно набрать.

Крутятся стрелки, да годы мелькают
вспышками, только держись!

И непростые задачи решая,
мчится, торопится жизнь.
И, как опора в нелегкой дороге,
глаз ее любящих свет —
главное приобретение многих,
разных, но сказочных лет.

Всем нам знакомо чувство утраты —
павших, увы, не вернуть.
И, ощущая себя виноватым,
в скорбный, безрадостный путь
вновь провожаю товарищей старых.
Скоро отъеду и сам,
Дни наши, как перелетная стая,
клином летят к небесам.

Но, как зарею, внезапно осветит
сумрак души на краю —
наши, уже повзрослевшие дети
нас заменяют в строю.
Стало быть, в этом и есть назначенье
вспыхнуть и путь осветить
тем, кто идет за тобой, поколениям
начавшим жить и любить.

5.12.03 г.

ЖЕРТВА СУИЦИДА

Я торопился, значит, зря —
есть, слава Богу, выбор.
В бумагах скучных писаря
напишут слово «выбыл».

Меня коллеги из петли
достав, где я болтался,
в кабак ближайший побрели
кутить, а я остался.

На мир взирая с высоты,
над бранным потешаясь,
хотел чесаться, но персты
скользили, не касаясь.

Болталась бирка и мороз
жег тело, но укрыться
здесь было нечем, и до слез
мне захотелось смыться.

Но тут приехал коновал
с пилой, и кто их просит,
из холодильника достал,
распотрошил и бросил.

Пришлось дожидаться похорон:
побрели, приодели.
Вдову мою со всех сторон
подруги оглядели.

Наряд был траурный красив,
почти экстравагантен.

А, друг, приняв аперитив,
любезен и галантен.

Поп, на покойниках жиреть
привыкший, хряпнув тоже,
меня отказывал отпеть,
как всех, свинячья рожа.

Потом поехали туда,
где миром ходят в гости,
и моет талая вода
в земле гробы и кости.

Здесь, выдавив слезливый вой,
с брезгливым поцелуем
вдова сказала: «Боже мой,
как все переживу я?!»

Прогнувшись, спрятала зевок,
как мартовская кошка,
вуаль поправила, чулок.
Мне стало вовсе тошно.

А на поминках, у стола —
вино рекой и водка.
Вдова улыбками цвела,
ну, прямо, как молодка.

Крутятся у друга за спиной,
я видел: торопливо
налили гости по одной
и вспомнили красиво.

Потом пошел сплошной базар,
а поначалу мялись,
повеселел угрюмый зал,
и кое-где смеялись.

А тут пластинку завели,
и закружились пары,
да о покойнике вели
брехню и тары-бары.

Такие, стало быть, дела:
уже почти что пелось.
Вдова стаканчик приняла
и сразу раскраснелась.

Сплясав танго под стильный реп,
и с видом виноватым
вдова, набросив черный креп,
ушла с дружкой куда-то.

А зал закуску доедал
и пел лихую песню.
Вот, блин, ну, если бы я знал,
то хрен забрался в петлю.

8.12.03 г.

ГОРЕ-ДЕМОКРАТАМ

Ложь, как медный, надкусанный грош
разнолика — есть реверс и аверс,
и нимало сюрпризов и каверз
преподносит пропетая ложь.

Жаль мне этих моральных калек,
болтунов с депутатским мандатом.
По заслугам воздастся когда-то
всем, случайно взлетевшим наверх.

Кто, заслышав малиновый звон
в кошельке у богатого дяди,
слюни пустит, на золото глядя,
честь и совесть, поставив на кон.

Не поделится властью никто:
ни любители яблок из сада,
ни правее всех дам...
Ох, не надо
трогать эту девицу в манто!

А потом удивляются, как
обошли их, не могут поверить —
если тянет вперед белый лебедь,
обязательно пятится рак.

Да, и щука, вкусившая власть,
груз особо тащить не стремится —
ловит в мутной водице плотвицу,
собираясь поужинать всласть.

И в стране моей что-то не так,
а попробуй поправить, куда там!
Впрочем, если они — демократы,
значит, я — абсолютный дурак!

8.12.03 г.

СМЕРТЬ ИИСУСА

...Но истина не тронет слух Пилата,
не сдавит горло на последнем вздохе...
Легионеры в золоченых латах
ведут Христа к распятью на Голгофе.

С венцом терновым крытой головою,
Отцом Всевышним от стыда хранимый,
он шел с крестом, оплеванный толпою,
меж глиняных лачуг Иерусалима.

Был долог путь от смеха — до стенаний,
от человека — до признанья Бога,
крест — неподъемен, как на сердце камень,
и кровь, стекая, метила дорогу.

Но вот пришли.
И смолкли разговоры.
Осужденным несли вина и хлеба.
Он слышал, как стонали тяжело воры,
распятые и поднятые к небу,
как стражник тяжело и хрипло дышит,
к кресту его ладони прибывая.

И молвил так, что было еле слышно:
«Прости их, Отче, что творят, не зная».

Ученики бежали, узы братства
отринув напрочь, убоявшись ран,
а у подножья крестных мук остался
один евангелист лишь — Иоанн,
да верная Мария Магдалина
смотрела вверх, не опуская взгляда.

Темнело небо, полосы кармина
струились низко отблесками ада.

Напившись поски и поставив точку
в земной судьбе, у жизни на краю,
Христос направил небу вопль свой:
«Отче, рукам твоим мой дух передаю!»

Он смерть поправ своим предназначеньем
и царство Божье муками создал,
оставив нам надежду, и терпенье,
и веру в то, что видел и спасал...

Лет через двадцать, далеко от Рима,
в именье на окраине Помпеи
Пилата о Христе жена спросила:
не помнит ли такого иудея?

«Нет, не припомню, нет», — сатрап ответил,
расслышав непростой вопрос в пол уха.
Вельможа умер, так и не заметив
в безверии ни Бога, и ни Духа.

31.12.03 г.

МЕТРО

Две минуты прошли.
Подлетает
электричка по рельсам к перрону.
Схлынут люди, и, вновь оживая,
с лязгом двери захлопнут вагоны.

Поезд тронется, в жерло тоннеля
заползая, как червь, с ускореньем.
Где тот древний и глупый Емеля,
что на печке гонял с упоеньем?

Было медленно, тряско и глупо
грязь месить по Москве и округе,
и зимою, и летом тулупом
прикрываясь от солнца и вьюги.

То ли дело: промчался и вышел
километров за десять и боле!
И, что важно, вагон не колышет,
неустроенность не беспокоит.

Знай, считай остановки, газетку
пролистав от безделья лениво,
или просто глазей на соседку,
ухмыляясь придурком игривым.

Как начищенный никель сверкает,
голос из микрофона приятен,
поневоле тоска отпускает
из своих невеселых объятий.

Не ковер-самолет, но не жестко,
правда, малость гремит, но не очень.
Все сработано прочно и просто,
без ненужных излишеств, короче.

Не задохнется, сутки гоняя,
и вагон не покроется пеной,
как заезженный конь.

Впечатляют
достиженья метрополитена.

31.12.03 г.

* * *

К Крещению — вновь холода,
с зимою непросто бороться,
как будто вернулась беда,
замерзла водою в колодце.

Застыла, замкнулась душа,
щемящей не чувствуя боли,
и мысли куда-то спешат
в надежде спасения, что ли?

И негде напиться воды,
на злые вопросы ответа
найти.

Не берите беды
в грядущее, теплое лето!

31.12.03 г.

Устало сердце и внезапно встало,
как на стене старинные часы.

На этом свете он грешил не мало,
грехи, как гири, бросив на весы,
противовесом подвигов великих,
любви к веселым женщинам и вот —
безрадостный, бесплотный и безликий
в предсказанный отправился поход.

Он брел неторопливо по тоннелю
к далеким звездам, там, за темнотой.
Колокола назойливо звенели,
напоминая — грешник, не святой.

Ну, что же, он суда не убоится,
того, что ожидает впереди.
Когтистой лапой траурная птица
больное сердце вырвет из груди.

И станет проще, несомненно проще
от этой обретенной пустоты,
а призраки пугающие ночи
окажутся нелепы и пусты.

И лишь на миг мелькнет виденьем зыбким,
приметы чувства возвращая вновь,
далекая и светлая улыбка
единственной, по имени — Любовь.

31.12.03 г.

ЗАБЫТОЕ

В далеком том, дождливом сентябре,
на берегу штормящего залива
мы ели раков, запивая пивом,
в харчевне, прилепившейся к скале.

Дышал очаг накопленным теплом,
и барабанил дождь по жести кровли,
моя Любовь вдруг загрустила, молвив:
«Как хорошо нам было здесь вдвоем».

А я молчал, глядел в ее лицо,
пытаясь навсегда его запомнить,
и безграничной нежностью наполнить
разлуки с пальца снятое кольцо.

Я вспоминал, волнуясь, ласку рук,
касание губ к моим губам бескровным,
и страсти распаленной стон безмолвный,
из темноты врывающийся, вдруг.

И понимал, что дальше ничего
не остается, кроме слов последних,
да изредка в уме мелькнувших бредней
еще не позабытого, всего.

Но отгоняя эти мысли прочь,
я верил — все ушедшее вернется,
когда твоя свеча опять зажжется,
и вечер перейдет в шальную ночь.

Последняя, она меня спалит
своим огнем и искренним желаньем,
а утром мы опять чужими станем.
Как сердце утомленное болит!

Нас развезут ночные поезда,
оставив след утраты на перроне,
но поздняя, осенняя звезда
останется сиять на небосклоне.

31.12.03 г.

* * *

По скользкой, узенькой тропинке
иду, гарцуя, налегке
к реке.

И первая дождинка
слезой скатилась по щеке.

Потом закапало погуще,
забарабанило в листве
из тяжело набухшей тучи.
Рябь всколыхнулась по воде.

Набросив полотно брезента
на голову, прижмусь к стволу.
Реки серебряная лента
в болоте тает наяву.

И исчезая между кочек,
в осоке, в круглых лопухах,
она удачу мне пророчит
в рыбалке и других делах.

Что к вечеру наступит ведро,
и будет в зимовье ночлег,
а утром заметелит твердо
и навсегда пушистый снег.

Зима крадется незаметно
пытаясь этим снегом скрыть все,
что в твоей печали светлой
не получилось утаить.

31.12.03 г.

* * *

Гудит огонь простужено в печи.
Косые тени падают на стены.
Там, за окном насуплено молчит
осколок неразгаданной вселенной.

Мой город погружается во тьму,
в усталости тяжелой и остуде.
Гляжу во все глаза и не пойму,
куда исчезли с белых улиц люди?

Все вымерло, и тишина плывет,
струясь через калитки и заборы,
и лишь стихов звенящие глаголы
в пространстве над планетою несет.

В сугробах парк затравленно застыл,
собака одиноко пробежала,
дождем слетают звезды с легких крыл
парящих в небе ангелов усталых.

И Новый год шагает по земле,
неведомый, надев смешную маску.
Тревожно сердце бьется, веря в сказку,
написанную в этом январе.

Разбуженный игрой воображенья
строку любви принес крылатый конь.
Живой, как ощущение продолженья,
в печи гудит, колышется огонь.

2.01.04 г.

Моему деду, Антону Яковлевичу

...и гнали их на Соловки
под красною звездой.
Крестили шедших старики,
молясь за упокой.

Россия тронулась умом,
а, впрочем, не впервой —
чуть раньше, спутав меч с крестом,
а нынче — со звездой.

Глядели молча на живых
в слезах святых глаза,
а здесь расстреливали их,
плюя на чудеса.

И мальчик маленький в окно
глядел, как пьяный взвод,
гнал эти тени на гумно,
под звездами, вперед.

Луна светила.
На плетень
и стихший разом дом
от красных звезд ложилась тень
надломленным крестом.

05.01.04 г.

РАСКАЯНЬЕ

Я девушек любил, и водку пил,
грешил, шутя, и веровал без меры,
плодил вокруг себя, что было сил,
надежды и бесплотные химеры.

Жизнь такова.
И что тут говорить,
когда одна другую половину
души,
вместо того, что бы любить,
грызет, как червь, дойдя до сердцевины.

Как отраженье в судных зеркалах,
дробится суть желаний и поступков
на то, что сохраняется в сердцах,
и то, что растворяется в желудках.

Раскаянье, как золотой дублон,
всегда слезу из ближних выжимало —
еще с евангелических времен,
об этом что-то в воздухе витало.

И я, казнясь в содеянном, мольбой
к обиженным и Богу обращаюсь,
но, все к утру забыв, опять вращаюсь
на скользких гранях дьявольской юлой.

Старинный и безжалостный обряд
переносу почтительно и робко:
и, что бы жить, я пью любовный яд,
а чтоб не умереть — простую водку.

06.01.04 г.

РОЖДЕНИЕ

В лощине меж Сулемом и Фавором —
зеленая долина Иордана.

Как груди иудейских женщин, горы
шелками опоясаны тумана.

Мария ждет, когда махнет крылом
небесный Ангел, истины не зная,
и Торы канонический псалом
Иосиф в изголовии читает.

Еще не знают люди Назарета,
что ждет их этой ночью.

Иудея
уже освящена волшебным светом
звезды любви над Божьей колыбелью.

Не вздрогнул воздух, не раздался вдруг
шум волн морских, нахлынувших на сушу,
но что-то невесомое вокруг
наполнило огнем сердца и души.

Сухой и неуютною зимой
провиденье явило миру милость,
когда под вифлеемскою звездой
раздался громкий плач — дитя родилось!

06.01.04 г.

Мы уйдем, перемен не заметив,
не успев от запала остыть.
Наплюют в наше славное дети,
постараясь скорее забыть.

Им совсем ни к чему наши «измы»,
не понятны причины борьбы —
хорошо, если вспомнят на тризне
и положат не так, а в гробы.

И останется прошлым маячить,
из-под снега оттаяв весной,
только ржавая шашка казачья
на подворье, заросшем травой.

07.01.04 г.

ДЕТЯМ

Утро.

Детство.

Мамина рука.

На губах медовый вкус клубники.

Между листьев солнечные блики,
да плывут по небу облака.

Мир велик, громаднее горы,
добр и удивительно беспечен,
и раздумья о святом и вечном
не тревожат детской головы.

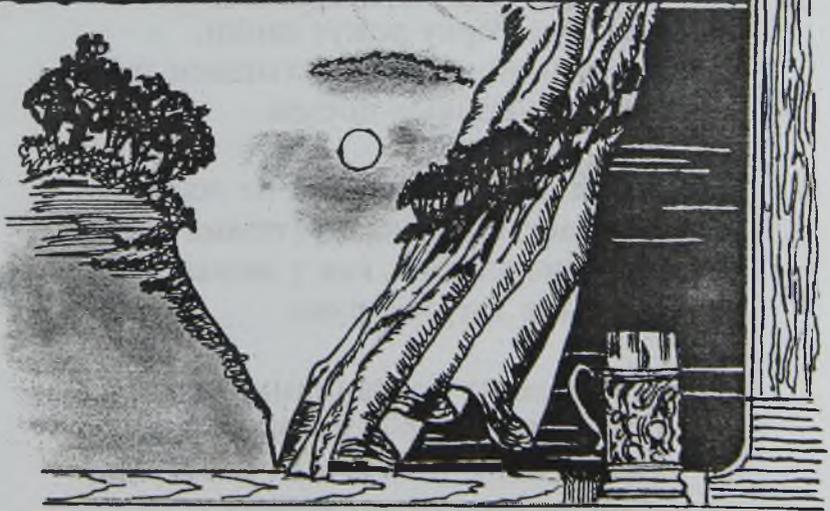
Ветер беспокоен и вихраст
ивы колыхнет над берегами —
обнимая теплыми руками,
лето убаюкивает нас.

Память оделяет иногда:
ледяную горку режут санки,
первый поцелуй в застывшем парке,
душные ночные поезда.

Весел путь, хоть ноша не легка —
молодость красива и упряма —
дочкина улыбка, как у мамы,
а у сына твердая рука.

Пусть летят посланцами весны,
обгоняя северные ветры...
Слава Богу, что закат приветлив
и нигде покуда нет войны.

07.01.04 г.

МУЗЫКА В ПЕРЕХОДЕ

Музыкант играет на трубе
о своей печали и судьбе
в переходе, около ларька,
где мат и пиво.

И летят в коробку пятаки,
а на пол огрызки и плевки:
кто нам запретит красиво пить
и жить красиво.

Музыка летит куда-то вверх,
заглушая хрюканье и смех,
заставляя тех, кто пьет,
грустить и плакать.

Звонкая, надраенная медь
голосом таким умеет петь,
что уже не так противны
дождь и слякоть.

Переход, почти концертный зал,
в трубаче играющем признал
своего, не Моцарта, но тоже
музыканта.

Да, и как, скажите, старики,
вытирая слезы со щеки,
не признать, растрогавшись отчаянно,
таланта.

Нотный ряд — ступени в небеса,
девичья, до пояса коса:
даже перебравший кавалер
расправит плечи.

И, пока звучит, хочу сказать,
будет всем вокруг повелевать
музыка, которая, как совесть,
души лечит.

08.01.04 г.

* * *

Отзвенели дождями веселыми
колокольчики тройки моей.
Осень тащится клячей комолюю,
а убогая старость за ней.

Оттоптали тропинки ботиночки,
отыграла гармошка на слух.
Обратились девчонки-тростиночки
в безобразных, сварливых старух.

У подъездов, по лавкам и жердочкам
моют кости соседей и псов.
Мир поделен на мелкие клеточки
чисто белых и черных цветов.

И попробуй тут выиграть партию,
если пешки одни на доске —
вспомнишь Сталина и демократию
и пошлешь их подальше в тоске.

А в груди, словно выжжено щелочью,
только против судьбы не попрешь —
рубль последний с какою-то мелочью,
поразмыслив немного, пропьешь.

Станет легче в кармане.
Облегчится
от накопленной злобы душа —
так в любимом Отечестве лечатся,
остальных на планете смеша.

Ну, да Бог им судьбою, и рыпаться
не с руки им, Россия — лиха!
Если топнем ногою, посыплется
из прогнившей Европы труха.

Вишь, как гордость проснулась, не мерена,
значит, нужно добавить еще!
Разнесло меня, старого мерина,
видно, здорово душу печет.

Пусть на нас, как быки, не таращатся,
враз заштопаем, мать-перемать!
И пусть осень сопливая тащится,
мне на это явленье плевать.

08.01.04 г.

ЕФРОСИНЬЯ

Притупилось перо, больше нечего
на тетрадном листе написать.
Дышит небо застывшее вечностью,
за окном начинает светать.

Звезды гаснут.
Искрящимся инеем
припорошены ветви берез.
Там по воду идет Ефросиния,
наплевав на жестокий мороз.

Чудо-девка: глаза волоокие,
и походка легка, как полет,
ничего, что немножечко окает,
но, зато, как душевно поет.

Коромысло и ведра гремящие,
словно крылья, над нею парят.
Ну, а что называют пропащею,
так всегда за открытость корят.

Злые сплетни, они к Ефросиний
не прилипнут — судачь, не судачь.
А плетут, потому, что красивая,
остальным, вишь, обидно, хоть плачь.

Фрося с этими сплетнями справится,
что ей взгляды завистливых глаз,
ведь Россия, она тем и славится,
что прекрасны девчата у нас.

Слава Богу, земля наша русская
не скудеет цветами в лугах —
грудь высокая, талия узкая,
и румянец горит на щеках.

Я оденусь, к колодцу, на улицу
поспешаю скорей помогать
Пусть соседи за окнами дуются,
им меня никогда не понять.

08.01.04 г.

КОСТЕР В НОЧИ

ТАНЕ

Знакомый говор костерка,
да листьев в кронах шелест.
Свет звездных искр несет река,
окрест ни зги, ни огонька,
и пряно пахнет вереск.

Дымком смолистым опахнет
знакомый запах детства.
Издали крылом махнет
мне птица синяя —
кольнет
в груди и охнет сердце...

...Как дивно ночь дышала та
на берегах зеленых:
цвели небесные цвета -
и уносила нас мечта
счастливых и влюбленных.

Твоя рука — в моей руке,
плач иволги негромкий,
след наш на мраморном песке,
и отражается в реке
девичий профиль тонкий.

А в душном чреве шалаша
в одну сольются тени.
И, все условности круша,
поет взволнованно душа
в предчувствии паденья...

...Ночной туман упал на плес,
встряхнулась шумно птица.
Храпит, прижавшись, старый пес,
уткнув в подмышку теплый нос
Все спит, а мне не спится.
Промчалась жизнь.
Нельзя сказать,
что зря прошла, а все же.
Осталось воздух сотрясать,
попутно поминая мать,
и знать, что не поможет.

А, в общем, было, как у всех:
сначала — шумно, звонко,
потом — спокойнее.
И грех
хулить карьеру и успех,
какой-то, пусть негромкий.

Любовь безбрежная твоя
мне подарила сына,
и, благодарность не тая,
я ей обязан, устояв
в тяжелые години.

Не перестанет удивлять
души высокой сила:
словами мне не передать,
как опасуюсь потерять
все, что ты подарила.

Пусть жизнь безжалостно остра,
приму ее люблю,
лишь за возможность, что устав,
могу согреться у костра
над тихую рекою.

Но с сединою в бороде
до сей поры не знаю,
что уготовано судьбе.
И вспоминая о тебе
тихонько засыпаю.

09.01.04 г.

МОНОЛОГ ПОСТОЯЛЬЦА ОБЩЕЖИТИЯ

Я законы суровые, местные
почитал, словно маменьку с папою.
А лихими девахами брезговал,
потому, как боялся, за...плакает.

В общежитии нашем, как водится,
жизнь веселая после двенадцати,
и по темным углам хороводятся
от пятидесяти до пятнадцати.

Видно, вырос, раз так разохотилось —
все подглядывал в узкие щелки я.
И друзья обо мне позаботились:
познакомили бедного с Веркою.

Верка, девка до дури красивая,
перманент и глаза с поволокою,
посмотрев, мне сказала лениво так:
«Ну, пойдем, что ль, касатик, поокаем!»

И пропал я, забыв осторожности,
затворился фанерною дверкою,
запотев от одной лишь возможности
лечь в кровать с окаянною Веркою.

А она все хохочет, игривая,
предлагает прилечь, сбросив платице,
я ж одно бормочу, что красивая,
что женюсь, непременно, до пятницы.

Утром вышел с осанкою строгою,
сверху до низу Веркой облапанный,
пару дней походил гордо гоголем,
а к субботе приехал, за...плакало.

Ох, ахти мне, беспутному хахалю
знал же, что и гулена, и прочее,
что ее все приезжие трахали,
а полез, ведь, дурак, больно хочется!

Получилось, как в том анекдотике,
про больничную долю суровую,
пацаны надорвали животики:
так и нужно тебе, непутевому!

Вот, лежу под простынкою белую,
зад горит от уколов отчаянно.
Лучше будьте, ребята, несмелыми,
чем такими, как я, со случайными.

10.01.04 г.

ТРАМВАЙНАЯ РАПСОДИЯ

А. Галичу

- О, здорово кум, ну, как сыновья?..
- Пьют, заразы, в остальном, ничего...
- Как столбы у Мавзолея стоят,
охраняют, вишь, не знам от кого...

А за окнами мелькают дома,
снег ложится белым пухом на сквер,
затянулась что-то эта зима,
был февраль куда теплей, не в пример.

- Слышь, у Аньки-то опять новый муж!..
- Вот, зараза, не уймется никак!..
- У селедки этой сказочный вкус...
- Отвори, кричит, зарежу, дурак!..

Тормоза скрипят, трясется вагон,
пассажиры, как бараны — вперед,
дверь открылась, воздух хлынул в вагон,
новый с воздухом нахлынул народ.

- Вы, гражданка отодвиньте свой зад,
я не ваш еще, простите, диван!..
- Что прижался, курощуп, сдай назад!..
- Извините, не заметил, мадам!..

На Садовой у ларька кутерьма,
видно, свежее пивко привезли.
Торопясь, вошла девица — весьма! —
ноги, прямо, от ушей до земли.

— Эй, товарищ, не бросайте пятак...

— Шуба, как из-за границы, отпад!..

Вертихвостка: все не так, да не так,
не берет их с Афанасием лад!..

За стеклом тускнеет мартовский день,
облака прозрачны, как миражи.

Опустел вагон, почти что совсем:
две бабульки, да нетрезвый мужик.

— Как Мария на Родриго глядит,
прямо, слезы выжимает из глаз!..

— Донна Анна все невестку зудит,
чем-то кончится, прервали как раз!..

Ветер в форточке разбитой гудит,
дядька съежился в осеннем пальто.

А вагон во тьму по рельсам летит,
размечтавшись о трамвайном депо.

10.01.04 г.

VIA DE LA ROSE

Эта узкая улица через века
вьется в мареве летнего полдня,
и плывут, серебрясь покровом, в облаках
купола Храма Гроба Господня.

Неказистая, пыльная улочка Роз
с Божьим сыном связала незримо:
сколько горьких до боли и радостных слез
источили, молясь, пилигримы.

Крестный путь до Голгофы не слишком велик.
Гору-череп, оставив нетленной,
скрыл фундамента тысячелетний гранит,
возведенный Святою Еленой.

Но, как сердце щемит, замирая в груди,
перед местом распятия Мессии,
в ожиданье бессмертия там, впереди,
где иные бушуют стихии.

Мостовую пророка в стране иудей
ни один из прозревших не минет.
И Спаситель, грехи искупая людей,
крест несет на себе и поныне.

13.01.04 г.

Бормотанья, советы,
сентенции мелкие сирым:
словно новый мессия,
не меньше, прошел по стране,
распевая о чем, не понятно,
под хриплую лиру,
становясь вместе с песнею
пошлым и скучным вдвойне.

Серый лагерный день —
это только видение правды,
правда жизни, куда как,
острей и намного сложней.
Но гремят убежденьем
налитые желчью тирады,
и все гонит куда-то
наездник угрюмый коней:

Поколение юных, увы,
не поймет и не примет —
на зубах, как оскомина,
выверты нашей страны.
Униженье России —
дай Бог эта чаша нас минет! —
никогда не искупит
страданий и чьей-то вины.

13.01.04 г.

МОКРЫЙ ВАЛЬС

...И под медленным дождиком
 мокнет неприбранный двор,
у поленницы дров
 в будке мерзнет взъерошенный пес.
Эта осень, начавшись в июле,
 стоит до сих пор,
ну, да, впрочем, всегда
 здесь, на севере наперекос.

Тянет затхлою сыростью
 из затененных углов,
есть желание выпить,
 но надо идти в магазин.

Как больному, вставать не охота,
а, вроде, здоров.
Только, если согреться, как надо,
то хворь не грозит.

Поменяться пыталась погода,
 но не удалось —
даже ветер вчерашний
 не смог разогнать этой мглы.

А, к утру, чуть подсохли дороги,
 опять занялось,
и у бани намокшей
 опять потемнели углы.

Ничего, кроме мыслей ленивых —
лежи, не лежи —
воскресенье не выдалось,
праздник испорчен, ну, что ж.
За окошком заплаканным
тают, дробясь, миражи,
и все так же уныло,
замедленно падает дождь.

16.01.04 г.

ПЕСЕНКА О СЧАСТЬЕ И БЕДЕ

Как непрочно счастье хрупкое,
оглянулся — нет следа!

Словно филин ночью гукает
в дом проникшая беда.

Лезет в простыни крахмальные,
домогаясь, хоть кричи,
яркой бабочкой, нахальною,
пляшет в пламени свечи.

Вспомни, где твои ровесники,
и кому тебя спасти?

Отшумели годы песнями —
локти выпало кусать.

Шар земной куда-то катится —
круглый мячик расписной,
промелькнуло счастье в платянице
той далекою весной,

где часы летели птицами,
исчезая вдалеке,
под дрожащими ресницами
со слезинкой в уголке.

16.01.04 г.

* * *

Смерть подарит нам бубенчики славы!

А. Галич

Эко прыгал старичок, слюнькой брызгал,
все кричал мне о каких-то глаголах.
Не достоин, мол, я соцреализма,
и, конечно, о стихах бестолковых.

Я молчал, ну, что бедняге ответить,
ненароком и обидеться может —
ляпнешь, что ему и вовсе не светит,
так его, пожалуй, сразу скукожит.

А, и дел-то: написал, что пора им
залезать на печки — вот и причина!
Разобиделись, да так разорались,
даже ножками от злости сучили.

Ишь, похабник — о вожде, как о гаде,
нашу веру трогать — рылом не вышел!
Жаль, сегодня шибко умных не садят,
и амбиций у щенка — выше крыши!

Гнать его, как перевертыша, надо,
да публично, чтоб навеки запомнил!
Навалились, ощетинились стадом —
насмотрелся, в общем, грома и молний.

И в конце собрания голосовали:
осудить и напечатать в газете.
Хорошо, еще не колесовали,
не повесили, как кто-то заметил.

Петька, старый мой дружок, успокоил:
не горюй, поэт, пойдем лучше, спрыснем!
Но, вообще-то, безобразье такое
не прибавит ни здоровья, ни жизни.

Впрочем, нам же не впервой, так что — будем!
Ешь колбаску - без закуски сломает.
Пусть их бог убогих рядит и судит:
мы пробьемся, нам таланта хватает.

Человеку зависть — хуже отравы,
потихоньку, как проказа, источит.
Смерть подарит нам бубенчики славы!
Жизнь — капризна, почему-то не хочет.

17.01.04 г.

ЛЕСТНИЦА

Лестница наверх, почти, что в небо,
дышащая запахами щей,
квашеной капустою и хлебом,
крепким перегаром алкашей.

Не один десяток поколений,
скрипами протяжными крича,
грязные, потертые ступени
выносили на своих плечах.

По ночам она влюбленным парам
кров дарила, иногда — кровать,
слушала охрипшие гитары,
материлась, что не передать.

И рыдала плачем тети Зины
мужу уходящему вдогон,
да сивухой за версту разила,
если Верка гнала самогон.

Сколько пронеслось не слишком сладких
лет, когда вихрастым пацаном
я взлетал на верхнюю площадку
на одном дыхании, бегом.

Здесь я целовался с рыжей Галкой,
спрятавшись за ящики в углу,
а, увидев гроб на катафалке,
жутко испугался, что умру.

Тот испуг прошел — все люди смертны.
Скоро исказят черты лица
резкие, глубокие приметы
старости и, может быть, конца.

Но его бояться нет причины —
погуляли, что там говорить!
И сегодня выступаем чинно,
да и то — не по годам шалить.

Угольной строкой в квадрате света
откровенье росписи стенной:
я тебя люблю! И екнет где-то
в глубине души, как той весной.

Оделяет светлую печалью,
детством обретенное храня,
лестница с усталыми плечами,
что к порогу вывела меня.

21.01.04 г.

ТУМАНЫ

Туманы, туманы...
Затянуты дымкой белесой
тот берег за озером,
баня и мокрый забор.
Не радуется нынче погода
и гложут вопросы,
которым ответов не найдено
мною до сих пор.

Как будто больной,
не хочу подниматься с кровати,
лежу молчаливо,
бездумно гляжу в потолок.
И точит, как камень,
застывшую душу не к стати
тяжелые капли
стекающих мыслей и строк.

Они, как вериги,
затасканы и неудобны,
как камень на шее
в бурлящем потоке строфы:
то дышат огнем преисподней
надрывно и злобно,
то к странным поступкам
местами не в меру добры.

Так будет, пока
не уверен в намеченной цели,

пока у пера не появится
прежняя статья,
а ветер колючий,
протиснувшись в узкие щели,
по воле Создателя
станет не жечь, а ласкать.

Сорвалась с гнезда
неуемная синяя птица,
взлетела, отчаянным криком
тревожа простор.
Туманы, туманы...
А где-то за ними теплится
едва различимый меж сосен
Надежды костер.

22.01.04 г.

...Мне на глаза положат пятаки,
чтоб, значит, не подглядывал покойный.
Я, хоть, и там, но как-то не с руки
меня дразнить предчувствием попойки.

Котлы уже кипят, и стынет морс,
и водка, охладившись, запотела.
Торопятся: скорей бы черт унес
ненужное и пахнущее тело.

Жена, наверно, честит про себя,
что деньги, как в трубу летят, без счета,
да бабки вездесущие скрипят
про подвиги мои — одна забота.

Любовница забыла в тот же миг,
как слег в кровать, в преддверии инфаркта.
Все бросили — такая, в общем, карта
мне выпала, допрыгался старик!

Мою собаку кто-то привязал,
скулит бедняга-пес, не понимая,
какого хрена по двору шныряют
все те, кого к порогу не пускал.

Подняться бы, да помер.
Вот беда —
ни обругать по-русски, ни погладить.
Они теперь спокойно могут гадить —
покойник не укусит никогда.

Надел мое любимое пальто
какой-то хмырь — на что это похоже!
Мне б посмотреть на них и плюнуть в рожу,
да пятаки не сбросить ни за что.

Эх, мне бы вновь увидеть широту
родных полей!
А, здесь — не разогнуться...
Тут, слава Богу, выпало проснуться
живым и невредимым, пусть в поту.

23.01.04 г.

ЖЕРТВА СПОРТИВНОГО АЗАРТА

Я, желавший и ночью, и денно
быть во всем и всегда впереди,
спотыкался, меж тем, то и дело,
замышляя других обойти.

Не породистый, ясное дело,
и не молод, почти что — старик,
но безудержно славы хотелось,
первым быть, прямо жгло изнутри.

Только шаг у других, кто моложе,
поразмашистей и веселей.
Я спешил, вылезая из кожи,
но не мог обогнать, хоть убей!

Им — вся слава, а мне — как обычно.
Ну, да, ладно: еще поглядим!
Сивым меринном не был и лично
много раз впереди приходил.

И под крики толпы ошалевшей
круг почета бежал налегке.
Да... случались подобные вещи
в том, забытом почти, далеке.

Знал у женщин успех небывалый,
жаль недолгий, и все на скаку,
много сладкого перепадало
на моем беспокойном веку.

Часто ездил по нашим пределам
и не раз за границей бывал,
но старело уставшее тело
и привычный кураж убывал.

Стали чаще бранить и коситься —
дескать, хватит, закончился срок!
Я старался во всю, но носиться,
как вчера, по дорожке не мог.

А сегодня расстроился жутко,
получив от жакея кнутом.
Ну, да ладно.
Азартная штука —
этот вечно живой ипподром.

25.01.04 г.

Не терпит время пустоты:
впустую прожиты года,
где наведенные мосты
ведут, по сути, в никуда.

Застыл в углу теодолит:
маршрут не ясен — вот беда! —
и потихонечку болит,
что снова вышел не туда.

Но, ведь искал же, а не так,
мечтал присутствовать и сметь,
да суетился, как дурак,
пытаясь вовремя поспеть.

И никогда не успевал,
потерь обиды пережив,
а только тосты поднимал
на шумных праздниках чужих.

На этих сказочных балах
в честь убедительных побед
от восхищенных женщин — ах! —
неслось отмеченному вслед.

А я униженно стоял
у двери выхода в пальто,
меня никто не замечал,
и, слава Богу, что никто.

Нет, так нельзя!
И снова в бой,
забыв о том, что пережил.
Я весь огромный шар земной
перед собою разложил.

Опять настроена буссоль,
визиром через дебри след,
там где-то ждет меня Ассоль
под алым парусом побед.

Я знаю, сбудутся мечты,
тому есть множество примет.
Не терпит время пустоты,
но без движенья жизни нет.

А, если вдруг и ошибусь
на угол в несколько минут,
в первоначальный пункт вернусь
и новый выберу маршрут.

25.01.04 г.

* * *

То — хлеба сверх меры, то — вдруг, недород.
Справляет по прошлому тризны
другой, на себя не похожий народ
по весям бескрайним отчизны.

На башнях — орлы, на погостах — кресты,
свет разума теплится еле.
Разрушены до основанья мосты,
ведущие к призрачным целям.

А новых не видно.
Куда до мостов,
тут как-нибудь выжить до лета,
зарывшись в глуши от колючих ветров,
гоняющих судьбы по свету.

Я верю, как всякий, что это пройдет,
и новые светлые дали
откроются нам с покоренных высот,
но, вот, что сегодня, едва ли.

Стране еще долго, вставая с колен,
пить-есть не особенно сладко.
...Мне выпало выжить в огне перемен,
а другу — сгореть без остатка.

26.01.04 г.

Вздыхает за окном зима.
Постылой вьюги карусель
почти свела меня с ума,
за дверью воя, словно зверь.

На сотни верст вокруг тайга,
с небес светила тусклый круг,
а между нами, как века,
простерлись месяцы разлук.

Молчит упрямо телефон,
угрюмый страж моей тоски,
надежда, зыбкая как сон,
мерцает в замятии пурги.

Сорвется, падая, звезда,
и трубка голосом твоим
развеет раз и навсегда
моих сомнений едкий дым.

Нам хватит этих трех минут
и глубины коротких фраз
понять, что чувства не уснут,
соединив однажды нас.

А ближе к будущей весне,
когда точнее — нам решать —
ты возвращаешься ко мне,
чтобы совсем не уезжать.

По телефонным проводам
сквозь треск помех звучит ответ,
где так желанно слово «да»
и ненавистно слово «нет».

26.01.04 г.

Зачем предназначалась жизнь моя,
когда в ничтожный прах на этом свете
намолотые зерна бытия
перетирают жернова столетий?

Великие и малые в одних
часах песком истории стекают.
И, сколько бы не помнили о них,
как листья пожелтевшие слетают
с ветвей родов.

А в землю обратясь,
исчезнут, перемешанные тленьем —
и рвется обозначенная связь
продолживших друг друга поколений.

И этот мир, уже совсем не мой,
спеша, поставит опыты познания:
потомок дальний, светлой головой
проникнувший в глубины мироздания,
один вопрос опять себе задаст:
зачем живу?

Но, не узнав ответа,
в безвестность канет.

А шальная Лета
все унесет и каждому воздаст.

27.01.04 г.

НОЧНОЙ КОШМАР

Мне привиделось такое! —
будет сказано не к ночи —
в дверь открытую, как призрак,
Муза голая вошла:
рыло плоское, свиное,
на копытах, между прочим.
Стул под Музой тонко взвизгнул,
в общем — страшные дела!

Говорит: «Ну, что, земля,
пьешь, скотина, беспробудно,
значит, думаешь, не стоит
прославлять родимый край?
Будет так: на той неделе
ты покаешься прилюдно,
или я тебя зарюю.
Так, что, милый, выбирай!»

Чуть не умер от испуга,
но смекнул: сейчас суббота,
пару дней еще до смерти —
можно шибко не спешить.
Ближе двигайся, подруга!
Ты, болезная, почто так?
А подруга носом вертит,
не желает стерва пить.

Ты со мною, писарь драный,
будь, пожалуйста, любезней,
видишь, облик потеряла
я по милости твоей!

Присмотрелся, очень странно
баба выглядит: облезла,
располнела, обветшала,
а, была мила, ей-ей!

Что случилось, дорогая,
почему пятак, где носу
быть положено, и ноги
не твои, и где коса?
Я в лафитник наливаю
самогона, словно поску
перед крестною дорогой
от Голгофы в небеса.

Все же выпили.
И сразу
стала Муза интересней:
вроде, как-то похудала,
хорошеет, гонор стих,
разрумянилась зараза,
разлилась веселой песней.
Я мгновенно понял: мало
будет литра на двоих.

Сбегал в лавку.
Посидели
душа в душу, притомились,
спать пошли, обнявшись, с девой,
поцелуи, то да се.
К полуночи угорели.
Я уснул, и мне приснилось,
как Пегас мой ошалелый
на Олимп меня несет.

Ночью встал испить водицы,
ба, рога торчат у бабы!
Взял, для верности потрогал,
осознал — дела плохи!
Ущипнул — а, может, снится,
или чудится хотя бы —
не пропала.
Слава Богу,
заорали петухи!

Сгинул черт.
Один остался,
пот со лба утер уныло.
Огляделся: стены те же,
встал, направился в сортир.
По дороге догадался —
мысль внезапно озарила —
водку надо пить пореже,
переходим на кефир!

30.01.04 г.

* * *

Все смертные, кто на клубок
смотали Парки нити,
подводят жизненный итог,
черту, если хотите.

Пустое.
Этот шум и треск —
ненужное занятие,
одно реально: краткий всплеск
мгновенья воспринять.

Событий кратких череда —
неясно, что настанет.
День промелькнувший навсегда,
как камень, в воду канет.

Над бренным миром воспарить,
по сути, невозможно.
А в жизни есть лишь прелесть жить,
все остальное — ложно.

30.01.04 г.

* * *

*Где истицы, а где ответчики,
нынче сразу не поймешь.*

А. Галич

Бросить пить совсем?
А, надо ли?
Вроде, пьем не без причин.
Мы сегодня, будто в лагере:
вертухай, и тот — один.

Голь сиделая, бывалая —
штамп поставить, места нет —
но, какая-то линиялая,
не понятны стать и цвет.

Все мы: правые и левые,
словно стая воронья,
и, что красные, что белые,
не умеем без вранья.

Врем в газетах и по телеку
в уши чуткие страны,
убеждая до истерики,
что и в помыслах честны.

Ну, почти, как жены Цезаря,
в общем, трогать — не резон.
Правда, Цезаря зарезали,
разогнав позднее жен.

С нами этак не получится —
наших лучше не замай! —
как опара в печке пучимся,
пузыримся через край.

И без удержу, да исподволь
в норки тащим, что найдем —
обиходим, словно выхухоль,
персональный водоем.

На Руси воруют издревле,
ан не могут растащить,
и других времен не видели,
по-простому рассудить.

А поставленные стражами,
те, кто звездами несом,
с нас родимых, морды ражие,
получают пансион.

Их кошмарами не мучает,
совесть душу не грызет,
норовят оттяпать лучшее,
подороже и вперед.

На петлицах щит и мечики
покупаются за грош —
где истцы, а где ответчики,
нынче толком не поймешь.

Ляпнешь лишнее, и сразу же
в околоток сволокут,
намекнешь, измажут сажею
и в психушку упекут.

Так живем, питаюсь падалью,
на развалинах почив.

Бросить пить совсем?

А, надо ли?

Вроде, пьем не без причин.

03.02.04 г.

* * *

Смотрим прямо, а едем в объезд.
Юрий Кузнецов

Странный путь, что куда-то торят
демократы неясной породы,
короли из крапленой колоды,
нас к успеху ведет, говорят.

Правда, призрачный этот успех,
как мираж в раскаленной пустыне,
не принес долгожданных утех
и всеобщего счастья доньше.

Спотыкаясь, тихонько бредем:
то — на горку, то — снова в лощину,
и под горкою ищем причину,
а на горке — красиво живем.

Амплитуда — от сих и до сих,
у гостей вызывает улыбку.
Мы же роемся в чьих-то ошибках
и упорно не видим своих.

То партийная склока, то съезд —
от привычек уйти не сумели.
Смотрим прямо, а едем в объезд,
и никак не доедем до цели.

03.02.04 г.

* * *

Скорбим по прежним временам,
по бывшему и прошлому.
Как лести мед, приятны нам
воспоминанья пошлые.

А, нынче, дескать, все — не то,
не так и не по-нашему,
неутешительный итог
подводим настоящему.

Но жизнь течет, ей наплевать
на скучное брюзжание,
она не может хуже стать
для тех, кто в состоянии
нести тепло своей любви
и семя животворное.

А нам отпели соловьи
и девушки задорные.

Пенять на молодость грешно —
что пальцем тыкать в зеркало —
ей непривычно и смешно
потертое и блеклое.

Так, что, пора уже сушить
и весла, и исподнее,
и, если можешь, просто жить
светлее и свободнее.

04.02.04 г.

* * *

Дни становятся длиннее,
небосклона купол выше,
оплывая, потускнели
запорошенные крыши.

Солнце утреннее ярче,
горизонт далекий четче,
пес хвостом виляет, скачет,
в нос лизнуть лохматый хочет.

Знать, февраль в крови играет,
хоть седой давно и годы.
Сердце бьется, оживает
с пробуждением природы.

Веселей прохожих лица
от волнующего ветра,
и беспечные синицы
бойко прыгают на ветках.

Сквозь проталины на взгорке —
серым ягельника клочья.
И приход весны пророчат
вдруг оттаявшие створки.

04.02.04 г.

* * *

В этом доме, где живу ныне,
по углам в пыли грустят вещи,
здесь мирской соблазн меня минет,
но не пишется стихов вещей.

Здесь мне тускло доживать годы,
из окна глядеть на мир сбоку,
в день рождения душить гордость:
телеграмм не принесли к сроку.

Все, кто помнили, ушли рано
за черту, где небеса выше.
Я стучу им по стеклу рамы,
может быть, они меня слышат?

Возвратился в этот дом старым,
а когда-то уходил юным.
Видно, грезится не так стало,
раз гитары не поют струны.

05.02.04 г.

Поступил на Дантеса донос,
в замок Иф заключили беднягу.
Вот, что может простая бумага
с синей строчкою наперекос.

Ох, и любят у нас говорить:
анонимки по сути порочны
но не могут без этого жить —
и читают, и шлют, между прочим.

А, кто пишет, добра нам хотят,
без причин не обидят и мухи.
Но, шепча, расползаются слухи:
рубят лес — только щепки летят!

Эти щепки летящие — мы.
Постоянно Отчизна в расколе,
потому от сумы до тюрьмы
только маленький шаг и не боле.

Монте-Кристо — счастливый мужик,
он с деньгами останется в силе.
А родня моя, где-то лежит
на заснеженных склонах России.

05.02.04 г.

Спасибо Вам, товарищ Галич,
за вашу легкую строку.
Я утолю свои печали
там, на далеком берегу
реки по-прежнему красивой,
как юность светлая моя.

Легко и просто быть счастливым,
вернувшись в дикие края,
где иван-чай лиловым морем
по газотрассам и кустам.

Здесь легче дышишь на просторе
и ближе к синим небесам,
от горизонта до зенита
накрывшим куполом тайгу.

Но я опять от них бегу,
как язвенник от общепита.

Куда, сам толком не пойму —
зудит любовь к перемещениям —
меняю вечность на тюрьму
тоски по ней до возвращенья.

Когда душа сама собой
летит сюда.
И снова снится,
как елей колкие ресницы
колышет ветер над водой.

10.02.04 г.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Что камень приваленный к гробу?
Отринут неведомой силой!
Пророчество сбылось — Мессия
воскрес, как и следует богу.

Пелены белеют в пещере
и плат перепачканный кровью.
Охвачены жены и дочери
к Спасителю нежной любовью.

Сбылось: он нетленным остался!
И ангелов белые крылья
очам Магдалины открыли
основу основ христианства.

Он жив!
И с небес опаленных
на зелень садов Иудеи
спускается дух обновленный
простой, но великой идеи.

Воскрес!
И священная рыба
плывет по апостольским водам —
неверья гранитная глыба
отвалена верой народов.

И Петр над смертью победой
виденья и знаки получит,
а голос, возникший из тучи,
направит — ступай, проповедуй!

Потянется нитка живая
нанизывать дни и столетья,
бессмертие духа познают
и взрослые люди, и дети.

Беснуются, стонут витии
в дороге к принятию прощенья.
Жаль, канула в Лету Мария
на долгие годы забвенья.

И только пещерные стены
запомнят, как билась святая
у Гроба Господня, пелены
к остывшим губам прижимая.

10.02.04 г.

* * *

В ночном окне ни зги, ни огонька,
лишь стук ветвей качнувшихся по стеклам.
Бесшумно, как вода, текут века
к неведомому устью от истока.

И в струях временных перемешались
все страсти человека и пороки,
по медленным волнам перемещаясь
меж берегов угрюмых и высоких.

Что там, вдали — безбрежная вода,
окутанная утренним туманом,
или желтеет мертвая слюда,
застывшая уродливо и странно?

Какая ждет юдоль?
Свечи огонь
погаснет вдруг, или теплиться будет?
Несет меня сквозь мглу крылатый конь,
тенеты тщеты рвет широкой грудью.

Вот-вот, сейчас, еще одно мгновенье,
откроется, блеснув, мне тайна эта...
Я жду восхода, словно откровенья,
но, как еще не близко до рассвета!

11.02.04 г.

МОНОЛОГ ПЕССИМИСТА

Я научился убивать!
И с омерзеньем
давил клопов напившихся в кровати.
В душе меня не мучили сомненья,
что я не прав.
С какой, простите, стати
мне их жалеть?
Что — тоже божья тварь?!
Бестрепетно кончаю кровопийцев —
ученьем всепрощения не парь
мозги мне.
Засыпаю.
Ночью снится,
что я, как древний Муромец Илья,
с Горынычем схватился не на шутку.
Пока топтались, всякого зверья
передушили пропасть.
Вспомнить жутко!
Проснулся весь в поту.
И слышу: клоп
тихонько, как вампир ползет на спину.
Я сразу, не раздумывая — хлоп! —
и кончил обнаглевшую скотину.
Вот так и в жизни: «можно» и «нельзя»
две стороны всегда одной медали.
Так, что, лети вперед, крути педали,
а кувыркнулся, продолжай скользя.

Дави других безжалостно, пока
тебя фортуна походя, в минуту,
с каким-то насекомым перепутав,
раздавит, как вонючего клопа.

11.02.04 г.

ВЫБОР

...И он в душе почти дошел до Бога,
пытаясь отодвинуть эту дату...

Извилистая, пыльная дорога
его неспешно вывела куда-то.
На берегу реки звучали струны,
на зелени лужайки — смех и крики:
рассыпались фигуры девиц юных,
как в прошлых снах его, прекрасноликих.

Под сенью яблонь спелых, как под крышей
седые старцы что-то обсуждали.
Никто и не заметил, как он вышел
из-за деревьев.
Видимо, не ждали.

Он кашлянул, и повернулись лики,
сверкающие, как алмазы в саже,
их голоса чарующие стихли,
все молча ждали, что пришедший скажет.

А он молчал — увиденное сразу
его сразило.
Вечных мук и горя
не наблюдалось.
И застряли фразы
под желваками в пересохшем горле.

Возникшее волнение пересилив,
он тихо произнес: «Пресвятой Боже,
я, грешный, прибыл прямо из России,
уж извините, если потревожил!»

Старик, что был за старшего, ответил:
«Ты, кажется, напутал что-то, парень:
здесь — просто ад, а кто в святые метит,
те — по дороге, через мост, подале.

Они там валят лес глухих урочищ,
да уголь жгут древесный для очистки
напитков наших крепких.

Если хочешь,
хлебни: вот это — джин, а это — виски».

Мелькнула мысль: он, может быть, не понял,
но лики отвернулись, как забыли.

Почувствовал опять, как сердце стонет,
и ноги, в кровь избитые, заныли.

А шумное веселье продолжалось,
несли хлеба и яства для раздачи.

И, вот, уже улыбочиво прижалась
к нему бабенка в тунике прозрачной.

Он выпил залпом, обретая смелость,
пытаясь дрожь возникшую унять.

Но чувствовал, что, как бы не хотелось,
ему опять придется выбирать.

И выбор этот будет однозначен:
жечь угли где-то — вроде бы не псих!
Нечистый подфартил, зачем иначе
он натолкнулся сразу на своих.
Он не упустит случая, поверьте:
уж лучше пьяным — здесь, чем трезвым — там!

...Но тут из леса появились черти
и приказали двигаться к котлам.

12.02.04 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПРИЕМНОЙ

Не в высоких царят кабинетах
бюрократия, чванство и блажь,
а в приемных культурно одетых
и до нельзя пустых секретарш.

Амазонки, защитницы членов,
тушью веки закрасив и дурь,
охраняют священные стены
от любых посягательств и бурь.

Над бумагой головки склоняют,
положеньем довольны весьма,
а коленки и грудь заменяют
без труда недостаток ума.

Что поделаешь, слабые боги
нынче — те же, что были вчера,
и, нередко, красивые ноги
не доводят бедняг до добра.

Так, что, стоит ли сирых порочить,
на характеры злые грешить?
Сколько раз секретарша захочет,
столько, мелочь, и будешь ходить.

12.02.04 г.

ТВОРЕЦ ИСТОРИИ

Роковыми страстями влеком —
то в полет за небесною манной,
то по минному полю ползком —
человек непонятный и странный.

Он железом пройдет по земле,
и в огне свои страхи утопит,
а потом будет рыться в золе,
им разрушенных догм и утопий.

Натолкнувшись на пласт пустоты,
весь в крови по колено и страхе
будет слезы ронять на листы,
сочиняемых им монографий.

И наврет обо всем этом так,
что потомки его будут рады
вдруг узнать — им открытый пятак
драгоценней погубленной правды.

Как придумаем — так и живем,
не внимая Завету с Кораном...
А история прет напролом —
Соломея с главой Иоанна.

12.02.04 г.

* * *

Выстыло жильё, погасла печь —
в дом хозяин не вернулся, зная.
Желтый стеарин оплывших свеч
не ответит, где его искать.

На дворе поземка, лунный свет,
тень креста на берегу крутом.
Если человека в доме нет,
умирает, остывая, дом.

13.02.04 г.

* * *

Россия к нам то ласкова, то снова
оборотится мачехою строгой,
и в дебрях словоблудия мирского
мы утратили путь к любви и Богу.

Приверженные ленинским заветам,
утопиям совкового застоя,
не видели божественного света
в писаньях христианских и устоях.

Но стоило почувствовать бессилье
доктрин убогих, вымерших бескровно,
иуды, торопясь, перекрестились
и набожными стали поголовно.

Душа вчерашних циников пустая,
хлебнув неверья, совести не лечит —
привычно крестим лбы, не понимая
различия меж суетным и вечным.

С вершин угрюмых дуют ветры злые,
к истокам веры путь опасно узок.
И тяжелеет крест на потной вые
невыносимым и смертельным грузом.

18.02.04 г.

Какой стоит мороз!
Почти под сорок,
прикрыта дымкой розовой заря.
Февраль-чудак показывает норов,
безжалостно кусается, а зря.

Весна не за горами.
Слава Богу,
закончилось засилье холодов —
обочины темнеют на дорогах,
оттаивают окна у домов.

Слепит глаза полуденное солнце,
сползают с крыши снега языки,
и женщины, идущие к колодцу,
давно сменили шали на платки.

19.02.04 г.

Нас потопом стращали,
судилища вечными муками,
Иерихонскими трубами,
мором вселенским, проклятием.
Гром небесный не грянул —
он не был предсказан наукою,
и о прочих напастях
пока не имеем понятия.

Мы рубили леса,
чтобы мчались дороги железные,
городили плотины,
пуская под воду селения,
изменяли природу,
в потомках бесстрашие пестуя.
И дрожала земля,
невзначай сотрясая вселенную.

На отметины ран
второпях, на бегу нанесенные,
на гнездо разоренное птицы
с ухмылкой скалились.
В постоянной борьбе,
неизвестно за что, закаленные
в опустевшей душе
сотворили себе Апокалипсис.

И сегодня нам платит
за то, что свершили подобное,
за небесный платок
от пожарища сажей запятнанный
неживою водой
и плодами земли несъедобными
наша древняя Русь
на кресте равнодушья распятая.

20.02.04 г.

* * *

Вагон качнется, поезд тронется —
пора, мой друг, давно пора.
Направо — купола и звонница,
налево — мусора гора.

Подворье дышит благочестием,
гора уродует красу:
туда — несут свое бесчестие,
сюда — дерьмо свое несут.

Там все грехи твои отмолятся,
тут не поднимешься с колен,
там все твое воздастся сторицей,
тут — разложение и тлен.

Закрой кондуктор дверь вагонную,
как надоело — стыд и срам! —
глядеть на марево зловонное,
что застигает Божий храм.

Но кружит воронье вокзальное
над куполами и горой,
и, что чего первоначальное,
не разберу уже порой.

24.02.04 г.

Прошное погибло.
Копий нет.
Высохший исток таит утраты.
В комнате, за шторой меркнет свет
зимнего, метельного заката.

Мысли, словно птицы в небесах,
клиньями летят к местам рожденья,
по пути теряя оперенье
и меня облик на глазах.

Там, за белым саваном полей,
воем ошалевшего бурана
расцветают алые тюльпаны
бесшабашной юности моей.
Словно угли жаркие в золе
мне сулят над старостью победу.

Возвращаюсь в молодость по следу,
что сумел оставить на земле.
Жилки на виске трепещет нить.

Снег, как пепел от листов сгоревших
строчками безумными посмевших
варварские мысли возродить,
к горизонту серому прижат.

Белыми сугробами дороги
невесомо падают под ноги,
путника усталого кружат.

Прошлое погибло.
Слез роса
высохнет под вешними лучами.
...И звенят бессонными ночами
ангелов поющих голоса.

25.02.04 г.

МОНУМЕНТ

Поезда несутся на восток.
На лице горы от кирок шрамы.
До сих пор берут под козырек,
побледнев внезапно, ветераны.

Вырубленный в этих салах Бог
день и ночь в глазах страны маячил.
Думали навечно.
Кто бы мог
даже в мыслях допустить иначе?

Но однажды умер.
И страна
приняла нелегкое лечение,
спала с глаз потухших пелена,
но явился зуд изобличенья.

И пошло: привычное убрать,
поменять и вовсе уничтожить.
Слава Богу, есть, кому пенять,
предъявлять по счету и треножить.

Хоть святых из дома выноси:
не преминем попенять былому.
Так всегда бывало на Руси
в проклятые годы переломов.

Пережившим многолетний страх
не до жиру, право, быть бы живу —
время испытаний наложило
ранние седины на висках.

За душой сгоревшей — ни шиша,
где тут до возвышенных стремлений.
Сменится немало поколений,
прежде чем излечится душа.

И мелькнут, как память об Отце,
выбитые яростно руками,
впадины глубокие на камне,
словно оспа на Его лице.

29.02.04 г.

НАШ ПАРОВОЗ...

Смотрю на долгий путь с вершины лет,
последним оказавшийся для многих,
и понимаю, что назад дороги,
как ни печально, слава Богу, нет.
Другие песни сложены страной,
и молодость поющая — другая.
Все, что прошло, останется со мной,
а, что случится в будущем — не знаю.
Теперь слова иные, не понять,
заменены потребности и цели.
Ушли кумиры — некому пенять,
но есть опять, кого ловить в прицеле...

Мы были слишком юны в те года,
когда не знал никто, куда причалит
Россия вдруг прозревшая,
когда
нам пел о наболевшем Саша Галич.
Нам дорог был и близок мир иной,
с понятной, предсказуемой погодой.
А над угрюмой, северной страной
еще кружила тень Отца народов.
Восторженных свободой в полет
бросала бесшабашная отвага,
но лишний раз не открывали рот
познавшие все прелести Гулага.
А на Лубянке помнили о нас,
задернув глухо плотные портьеры,
и не дремал звериный, зоркий глаз
застывшего над нею Робеспьера.

Еще товарищ Молотов был жив,
художников Хрущев стращал режимом,
и над страной дрожали миражи —
желанны всем и так недостижимы.
Отцы старели.
Не старела страсть
быть всех сильней, привитая их детям —
мир бросить в пропасть — вовсе не пропасть!
внушалось перепуганной планете.
И мы росли под шепот «голосов»,
их день и ночь со всех сторон глушили.
Качался мир на чашечках весов
и воронье над павшими кружило.
Но был Гагарин, полюс, фестиваль,
и радости технических открытий,
осваивался БАМ, варилась сталь
в ряду других свершений и событий,
и сбитый в ту далекую весну
шпион У-2, и Запад вдруг притихший.
Нас распирала гордость за страну
и комсомол, всех нас объединивший.
Всесилье возомнившей, власти зуд,
фантазии с реальностью мешая,
нас в хаос повергал, опять лишая
обычных прав людей на мир и труд.
Из-под сапог солдатских вилась пыль
дорог пустынных древнего Афгана,
и зрел на речке Припять Чернобыль
неизлечимой, раковой раной.
Трудились люди, не жалея сил,
топча земли нетронутой просторы,
и содрогались в Забайкалье горы,
да лес Сибири криком голосил.

Что нам до них?!
Победы горячат,
когда вот-вот рукой подать до цели.
Но расползались по державе щели
и на глазах ржавели обруча.
Смешной и дряхлой становилась власть,
а органы — надменной и наглее:
кто был при власти — объедались всласть,
все прочие мельчали и хирели.
Пытавшихся о чем-то рассуждать,
сопротивляться, или прекословить
отринула, сослав, Россия-мать,
на Запад и на Север под конвоем.
И очередь за водкой, и талон
полученный в собесе — как насмешка
над высшею идеей.
И неспешно,
скрипя, под горку тронулся вагон.
Тут все передрались между собой —
доподлинно не ясно, что делили —
и вместе с развалившейся страной
залезшие в долги — долги простили.
Восток, с кошмы не сбросив пыль веков,
немедля возродил былые ханства,
по Украине загуляло чванство
панов и запорожских казаков.
А, ведь, когда-то Киевской была
святая Русь, все — русские, кацапы,
а нонеча рисуют жупела,
до смерти напугав московской лапой.
В степях предгорий зароптал казах,
вдруг пожелавший стать вельможным баем,
и прочие ушли, пути не зная,
прости их Бог, а, может быть, Аллах.

Конечно, на камче приятней спать,
и пару жен еще иметь не лишне,
но до сих пор нигде пока не слышно,
что стали слаще жить, да поживать.
А мы остались, верою живя
в великое свое предназначенье:
мол, мы — Россия! — остальные — тля,
плывущая за нами по теченью.
Но время, все расставив по местам,
безжалостно мелькало за окошком,
и от былых амбиций только крошки
разбросаны по полкам, тут и там.
Так, пассажиров на ходу теряя
под монотонный, дробный стук колес,
вагон летел по рельсам, ускоряясь,
пока не завалился под откос.
Тут из кустов раздался трубный глас:
«Пора делить богатство все и сразу!»
И поделили — сверху, по приказу,
не спрашивая обалдевших нас.
На ваучер — пять литров, и каюк!
На закусон, увы, уже не хватит.
Так, что сопи тихонько на полатах —
другим не враг, но и себе не друг.
Угас, сгорев, вчерашних споров пыл,
не сделав очевидное яснее.
Тот, кто хитрее был, тот сразу всплыл,
урвав себе кусок, что пожирнее.
А остальным — что выпало в отстой
при дележе заводов и карьеров —
по праву арифметики простой
и вовсе не по прихоти премьеров.

При чем тут президент или премьер:
в России красть еще не разучились.
И зря мы так на власти ополчились,
хотя, они, конечно - не пример.
Но, слышь, и мы, как, право, не крути,
утащим, даже если и не хотим,
а, ведь, когда еще Христос пророчил:
великий грех — украсть!

Не укради!

По правилам играет лишь тупой:
игрок на деньги — за столом блефует,
и боязливых без труда надует,
следи за ним бессменно, хоть толпой.

А мы-то, что?

Мы бурим твердь земли
и валим лес в забытом Богом крае.
Текут рекой добытые рубли,
в распоротый карман не попадая.
Поставленный на рельсы паровоз
вагон вперед тянуть никак не хочет.
Куда не сунься — все наперекос,
как будто леший голову морочит.
Меняются на троне короли —
все неподвижно, словно в Мавзолее.
Грядущее победы не сулит,
какие не придумывай затеи.
Лихой кондуктор дергает стоп-кран,
а машинист подбрасывает в топку,
стоит состав — от суеты нет толка,
пока начальник поезда — болван.

И будет так, мне кажется, лет сто,
хотя стоять и стыдно, и опасно.
Пар хлещет, надрывается свисток,
а мы все там же — на пути запасном.

...Усталый взгляд не разберет цвета
на флагах утверждающих единство.

Кого и с кем?

Сплошная суета

в делах царит,
землячество и свинство.

И будь ты хоть подвижник, хоть святой —
судить тобой свершенное не станут,

пока не присягнешь на верность клану
и не докажешь в скользком деле — свой!

В том, что случилось, и моя вина —
с оглядкою шепчу, а вдруг услышат.

И, как тогда, в лихие времена
тревога тяжело в затылок дышит.

08—11.03.04 г.

Душный воздух застыл.
Не спится.
Опадает, как плат с плеча,
отшумевшей грозы зарница,
да ручьи в темноте журчат.

На иконах танцуют блики,
на свечах — языки огня,
и глаза вдруг оживших ликов
прожигают насквозь меня.

В этих ясных, суровых взглядах
скорбь великая — что творим!
Мысль, что все это было надо,
не внушить ни себе, ни им.

Крови алчущим — бес в ребро,
возвещало по храмам эхо:
православие не помеха
породившим в народе зло.

Что ж молчал ты тогда, Отец,
Русь на откуп нечистым бросив:
на забойном дворе агнец
у ножа ничего не просит.

Не пшеницу серпами жали,
а косили народ и жгли,
и с Тобой на кресте распяли
Русь, к которой веками шли.

Но не дали пропасть зерну:
появились на ниве всходы,
и нелегкий глоток свободы
разбудил, наконец, вину.

Сколько минет, не знаю, лет,
и достанет ли нам терпенья
вновь увидеть небесный свет
покаянья и исцеленья.

И не каждый развеет мрак
сердцем выстраданных сомнений.
Обретенных ангелов пенье
их достигнет.
Да будет так!

Не суди виноватых строго,
сам в душе до сих пор грешу,
помоги же им, ради Бога,
на коленях тебя прошу.

В чистоте сохрани эту землю
на ее непростом пути.
Внемлешь, Господи?!
Знаю, внемлешь.
А за прошлое нас прости.

12.03.04 г.

ВЕЧНА

Весенние ветры подули,
стал воздух пьяняще-ядрен.
Мой друг, мы опять дотянули
с тобою до лучших времен.

А думал, что кончено дело,
и в лютый, январский мороз
снесут отслужившее тело
по белым снегам на погост.

Начнут материться, ломая
кусками замерзшую твердь,
не к месту и вслух поминая:
не мог до весны потерпеть!

Не вышло — дожили, земля!
С прищуром смотрю в небеса —
февральские вьюги отпели,
растаял куржак на усах.

Оплыли под солнцем заструги,
протаял дорожный проезд,
а дряхлые наши подруги
похожи на юных невест.

Ишь, празднуют, старые клячи,
смущают прикидом мужчин,
под гримом и пудрою пряча
разломы глубоких морщин.

И эти-туда же!
Голубки
лишили покоя и сна.
За каждую тащатся юбкой.
Ну, что тут поделать?
Весна!

02.03.04 г.

Ах, какая женщина со мной:
стройная, красивая, шальная,
озорная, словно ветер мая,
пахнувшая раннею весной,
рыжая, как пламя на свечах,
ярче бликов солнца над камином.

Вперемешку — охрой и кармином
локоны струятся по плечам.

Глянет раз — до сердца проберет,
улыбнется — перехватит горло,
приглядишься и поймешь: не скоро
вновь такую встретить повезет.

Все огнем горит вокруг нее,
словно ангел над землей летает.

Сердце растревоженное тает
и душа восторженно поет,
лишь увидишь тонкий силуэт
в бирюзовом, будто небо, платье.

Прикоснешся — наполняет счастье
полной чашей смысл бегущих лет.

Удивляет до сих пор меня,
как в пустыне встреченный колодец,
образ чудный русских Богородиц,
что любовь от гибели хранят.

04.03.04 г.

ПОИСК ИСТИНЫ

В пылу страстей, пожаре споров
искали истины зерно,
той самой истины, которой
земля не видела давно,
с былинных дней страны великой,
с времен подвижников святых,
переходя порой на крики,
в задачах путаясь простых.

В запале праведном крепки
пласты истории копали,
числом несметным извлекая
горшков разбитых черепки.

А истина, упав на пол,
под лавку, в угол закатилась,
и там тихонько притаилась,
чтобы случайно не нашел
ее бестрепетный герой,
в страстях живущий ежечасно.
Ведь даже истина порой,
где нет терпения, опасна.

15.03.04 г.

Собиратели

земли

русской

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

Содержание

35-40

ВУСКОЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Святой Владимир

1

Над Днепром пылает
золотая осень,
мир царит над Русью,
но не дремлет враг.
Князь Владимир знака
у Перуна просит:
станет ли тревожить
рубежи Кончак?

Города и села
с юга и востока
закрывают Киев
от нечистых орд,
князь казнит полоны
смертию жестокой,
потешая кровью
многолюдный торг.

Но не успокоить
печенегов стаи,
так и рыщут, аки
ворон по степи,
жгут жнивье, посадки
вдоль валов, по краю,
Игоря наделы
мают извести.

Что молчишь поленом,
идол Оболони,
хищный нос упрятав
в золото усов?
Али ты не слышишь,
как держава стонет,
и летит над долом
ропот голосов?

Мысли черной тучей
накрывают князя:
что сулит Дажьбога
нелюдимый взгляд?
Сыновей боярских
шубы и ферязи
замерли тревожно
в сумраке палат.

Мается Владимир.
Вспомнил бабку Ольгу:
крещена и внука
думала крестить.
Нет единства в мире
и сумеет только
истинная вера
всех соединить.

— Гой, вы, княжьи дети,
храбрая дружина,
славный род боярский
и простой посад,

бысть, пока не пала
в поле конюшина,
князьему посольству
в Корсунь и Царьград!

А еще к болгарам
нарядить отряды,
да в Хазар далекий,
иудейский край!
Пусть они посмотрят
службы, да обряды,
да поищут лучший
по укладу рай.

Стали наши боги
не совсем пригожи,
непотребны жертвы
и грязны волхвы,
вызнайте, чем хуже
их Христа Молоша,
а кошерный ужин
лучше похлавы?

Киев с городами,
Новгород Великий,
и другие земли
отвоюют мир,
лишь, когда заменит
образ многоликий
красный, да единый
для мирян кумир.

Замолчал Владимир.
Поклонились гридни
и пошли веленье
князя исполнять:
кто в Хазар подался,
кто отъехал к Риму,
чтобы все увидеть
и душой понять...

...Вместе с петухами
просыпаясь в клетки,
странное виденье
вдруг увидел князь:
в пропасти глубокой
танцевали черти,
над мученьем падших
радостно глумясь.

Вспомнил Берестово,
краденных наложниц,
пьяные разгулы
и греховный блуд,
да потеки крови
жертвенных изложниц,
осознав, что грядет
справедливый суд.

Липким, хладным потом
потекло за ворот,
утонула спальня
в бесовском огне.

Так ни разу не был
князю страшен враг,
как ворота ада,
пришлые во сне.

— Эй, кто есть тут? Квасу!
Заскрипели двери.
Принесли напиться
и умыть лицо.
Долго князь смеялся,
веря и не веря
странному виденью,
выйдя на крыльцо.

А на Лыбедь зорька
распустила косы,
ветер просыпался
на холме крутом,
на лугах Щековицы
серебрились росы,
пастухи кричали,
щелкая кнутом.

Где-то там Рогнеда,
женка, вместе с сыном,
надо бы наведать,
не наведать — грех.
По двору забегали
девушки босые,
из подклети вырвался
на свободу смех.

Над водой и хатами
в падах дыма полосы,
за Днепром, над берегом
стелется туман.
Растрепались Стрибога
из мочала волосы,
смотрит на Владимира,
ярится, чурбан.

2

«Не крещеные князю — не братья,
супротивных поднимем на щит!
Кто с косою не желает объятий,
Пусть к Днепру в одночасье спешит!»

Разносили до самого Поля,
от Детинца открытых ворот
княжьи люди Владимира волю.
И спешил окреститься народ.

Да пустили водою до моря
с капищ бревна — языческий хлам!
Потихоньку стонали от горя
волховы по медвежьим углам.

С господином, кто ссорится хочет,
пусть выходит.
Иль в воду залазь!
У Перуна хрустальные очи
лично выбил подвыпивший князь.

После этого, гневом пылая,
сжег Корсунь.
Византии цари
в жены Анну ему не прислали
и попов, что просил, а могли!

Пригрозил, как Олег, разобраться,
щит к воротам Царьграда прибить.
Как тут кесарям не испугаться,
и добром, что желал, не решить.

И царица — ему, и дружину
окрестили.
И князя опять
в ледяную купель опустили
перед тем, как по вере венчать.

Не везде безответно встречали
веру новую — кротко, без слез —
а все больше огнем, да мечами,
и совсем не любя, как Христос.

Хоть зарею над Русью маячила
и сквозь бури и беды вела,
а в уделы Ростовцев и вятичей
больше сотни годов не пришла.

Но уже воспарил над Печерою
Пресвятой Богородицы храм,
и смыкали кресты золоченые
православную Русь тут и там.

Умер князь.
Что весы перевесило —
грех язычества, или амвон?
Но с тех пор над полями и весями
колокольный колышется звон.

5.12.03 г.

Александр Ярославич Невский

Ох, как долог путь до Владимира,
белым саваном лес накрыт,
Ни души вокруг, словно вымерло,
лишь под полозом снег шуршит.

Речка.
Стало быть, скоро Городец,
грудь палит огнем, душит зев.
Эк, расклеился, добрый молодец,
а недавно был, аки лев.

Пролетел возок речку сонную,
кони с ржанием — на подъем.
Отозвался лед звонкий стонами,
да красно горит окоем.

Знать, в Орде пиры — горше похорон,
и монгольский пес, хан Берке,
одарив, смотрел черным вороном,
крепко плеть зажав в кулаке.

Зол был хан, и как тут не гневаться —
показала Русь нрав крутой —
допекли ее справа, слева ли,
недоимками и мытой.

Да, еще купцы, вдруг, хивинские,
что надумали — в землях стон! —
дань не выплатил, и нечистые
недоимщиков гнут в полон.

Горек путь домой.
Подневольному
на пиру и брага горька.
Ну, да Бог простит.
Граду стольному
жить и здравствовать на века!

Под божницею свечи плавятся,
лики светлые зрят с икон.
Александра, свет, Ярославича,
князя Невского клонит сон...

...Шумит новгородское вече —
народу не меньше пять-ста.
На вымпелах княжеский кречет
и вышитый образ Христа.

Ярл Биргер, швед, с чудью и мерью
пришел и послал объявить:
что он уже здесь и намерен
у Ладоги земли пленить,
по Волхову выплыть оттуда
и Новгород-град одолеть.

А, если противиться будут,
то город посечь и пожечь!

«Побьемся за Новгород, братья!
Поганому шведу не быть
над русскими!
Битым, с проклятьем,
назад тати викингу плыть!

Пусть думают ярловы банды,
что в души посеяли страх», —
так молвил тогда Александр.

А ночью, дружину собрав
и ратников, к устью Ижоры
упал, словно сокол с небес,
пройдя неприметно и скоро
болотные гати и лес.

И утром туманным беспечных
конунгов рожок разбудил.
И длилась кровавая сеча
почти до полудня.

Крушил
в железо закованных шведов
Гаврило Олексич, тесня
к ладьям их.

До самой победы,
без устали сталью звеня,

топор Ярунова Сбыслава
рубил, как капусту, врагов.

Летела народная слава
от невских, лесных берегов
до самых далеких пределов.

Не зря же Пелгусий Филипп
увидел под парусом белым
Бориса и Глеба.

Они
на помощь спешили, сияя,
по темной, балтийской волне.
И белые чайки кричали,
как ангелы Божьи, в огне.

А годом спустя, у Копорья
немецкий разбил гарнизон,
и, с Орденом рыцарским споря,
напомнил собакам, кто он!

У Воти, Летголы и Пскова
и чудь наказал, и вожан.
На озере Чудском рисково,
но славно победу стяжал.

Литовцев отбросил в болота,
отбив у нахалов Торжок
и Бежецк.

Достал окорота
для всех.
Для монголов не смог.

С опаской Орда наблюдала,
не лезла, и то хорошо.
Родная земля отвыкала
от буйных набегов.

Пришел
покой, но едва ли надолго:
татарин не только постыл,
но зело коварен.
Князь вздрогнул,
закашлял и очи открыл...

...Ноет, жалится под грудиною
сердце, знать, пришел смертный час.
Над заснеженною равниною
солнца тусклого луч погас.

И на облаке снизу розовом
проступил жены любой лик,
да глаза Берке, хана грозного.
Князь едва унял в горле крик.

То на Русь летит стая воронов,
Русь, как девица, имет срам.
А князья все рвут, тянут в стороны,
поножовщина тут и там!

Жаль, не долго жил, да не все решил,
но служил земле не за страх.
Пусть Господь простит, коли нагрешил,
так ведь воин был, не монах!

Богородицы в зное морока
храм владимирский на крови:
пенье ангелов... бьющий колокол...
губы женские... соловьи...

15.12.03 г.

Иван Калита

1

Обнесенный застругами холм
Боровицкий у речки Неглинки.
Князь в подклети справляет поминки
по усопшему брату.
Ковшом
подает приглашенным меды,
нищим деньги.
Не зря же — Калита.
По вечернему небу разлита
медь зарницы — предвестник беды.
С Тверью-матушкой старый раздор,
и в Орду с подношением свита —
для московских не только позор,
но и власть над другими.
Калита,
ох, хитер, аки стрелянный лис:
хану — деньги, окольным — посулы!
Юрий Долгий не в меру рысист
был, однако, а ветрами сдуло.
Не спасло, ни сиденье в Орде,
ни жена, Агафея-Кончака,

не дождался на княженье знака,
перерезали горло, и где!
Есть за что!
Клевета и подлог
долго тайно ходить не умеют.
Михаила уста онемели,
так открыл их Узбеку сынок.
Помянули?
Усопшим — покой.
Жить-то надо: земля без ухода.
Сколько сгнуло в сечах народа,
все мальцы, да бабье за сохой!
И не время по мертвым рыдать:
время складывать деньги и гривны,
города и сельцы покупать,
да князей, если будут противны.
А Господь?
Он, конечно, простит:
собирать надо землю родную
по отцовским заветам.
Не в суе
нива русская заколосит.
Звезды вспыхнули в небе ночном,
филин где-то заухал, как леший,
и, как память безвинно умершим,
женский плач во дворе за окном...

...Стаи рыщут в придонской степи,
кости моют весенние грозы,
Киев вымер.
Детинушка спи,

дай, утру тебе жгучие слезы.
Оскудела народами Русь,
от набегов Чингиза туменов,
Сколько Галей, Феклуш и Марусь
не минули проклятого плена?
И в гаремах персидских царей,
и в далекой хорезмской пустыне
можно встретить глаза голубей,
чем бескрайние воды донские.
Гарью тянет от Муромских пущ,
от тверских, старокняжьих уделов.
Как родная земля поредела,
стонет бедная!
Грозен и злющ
хан Узбек.
Беспощаден неверный,
крови русской напившийся зверь,
обесчестил татарскою скверной
православную душу.
Теперь
спи сынок!
Будет ворон кружить
над твоею головушкой русой.
Князь Иван наш московский над Русью
нынче стал и готов послужить...

2

Мчится княжий возок.
Ковыли
под колеса понуро ложатся.
Нет, не станет он с Тверью сражаться,
где Чолкана с посольством свели.

Пусть Узбек разбирается, зрит,
кто виновнее в этом разбое.
Александру — не быть на престоле,
не бывать верховенству Твери!
Да, сегодня его проклянут,
назовут по юродству Иудой,
но потомки уже не забудут,
и воздастся благое за труд.
Нечестивцы пожгут города,
но Москву за две тысячи гривен
обойдут.
Не настолько наивен
князь московский!
И будет всегда
кремль дубовый стоять на горе,
гроб владыки в Успенском соборе.
Петр с Москвою был в славе и горе,
в той, ушедшей, и этой поре.
И осталось одно лишь: со Спаса
звон свести, Тверь лишая красоты,
чтоб желанье к разорам угасло,
да не грызлись за кости, как псы.
Заедино все земли пребудут
и с Ордою поспорить не грех,
а пока пусть позорят Иудой.
Что молва — словно мартовский снег!
Только выпал, и тут же растаял,
но останется в памяти тишь.
Да и дети уже подрастают
убиенных Чингизом.

Глядишь,
новых ратников станет в достатке,
да и пахарей.
Встанет с колен
наш народ.
Да погонит обратно
степь нечистую, в прах их и тлен!
Вьется пыль, кони ржут.
Вдоль дороги
кости тех, не сумевших дойти.
Сердце князя терзает тревога:
что-то ждет его, там, впереди?
То ль ярлык, то ли лютая доля?
Кто подскажет?
Молчат образа.
Горизонтами Дикого Поля
скован князь.
Набежала слеза.
И ковыль, и степная равнина
утомили Ивана, почил
сном с молением.
И Божьему Сыну
в руки грешную душу вручил.

8.12.03 г.

Сергий Радонежский

У боярина Кирилла,
что на службе у Ивана
Калиты слыл не последним,

а посадником еще,
от красавицы Марфуши
сын родился утром рано,
и лучом июньским солнца
был умыт и освящен.

Но до отрочества мальчик
не блистал вельми в науках.
Старец за Варфоломея
Бога страстно попросил,
да Мефодия с Кириллом.
Книги взяв святые в руки,
отрок выучился чтению,
и заветы уяснил.

Стал он набожен и скромн,
целомудрен и серьезн,
и смирением к обидам
близких часто поражал.
А неверию и плоти
стал решителен и грозен
и уже в молодые годы
славу праведных стяжал.

С братом набожным Стефаном
меж болот шалаш поставил,
позже келью и церквушку —
в славу Троицы Святой.
Жил, как трудник и подвижник,
да в молитвах Бога славил,
и постриг приняв однажды,
отрешил удел земной,

Праведен был Сергий-инок,
Из души, как из колодца,
лил на всех пришедших святость,
никого не обижал.

И за долгое терпенье
в мире слава чудотворца
по Руси и за пределы
расходилась не спеша.
Даже град Константинополь
знал чудесные знаменья.
Свято-Троицы обитель
расширялась и росла,
круг себя соединяя,
как разорванные звенья,
земли русские, и словом
Божьим к подвигам звала.

Русь раздробленную орды
ненавистные терзали.
Князя Дмитрия ответы
тверды были и точны:
то на тихой речке Воже
рать Бегича потрепали,
то Арапше показали
доблесть русской стороны.

Хан Мамай решил Батяя
повторить в набеге смелом,
и, собрав свои тумены,
на Руси посеял стон.

Дать сражение неверным
время, видимо, пришло,
князь, собрав дружины в войско,
смело выступил на Дон.

По дороге на Коломну
витязь к Сергию заехал,
попросил благословенья
в битве твердость не терять.
Черный Троицкий игумен
причастил его, успеха
пожелав и с верой правой
за Отечество стоять.

Там, на поле Куликовом
достолавные герои
бились с полчищем Мамая,
Богу душу положив.
С детства воином не слывший —
телом в храме, духом в поле —
видел все Игумен Сергей:
хрипы павших, плач живых.

Миротворец знал: единой
может Русь цвести садами.
И, когда с Олегом Дмитрий
на рязаньщине вспылит,
он молитвой с наущеньем
встал стеною меж князьями,
этот смертный грех гордыни
добрым словом утолил.

Ангел Божий рядом правил
с игуменом в церкви службу,
Богородица являла
крестной братии лицо.
Сергий светел был и скромен
постоянно: в зной ли, стужу,
в одеянии сермяжном
обогрет Святым Отцом.

А, приняв обет молчанья,
перед самою кончиной
он открыл уста и молвил:
«Каюсь вам, как Бог велит.
Грешен был, простите, братья!
Русь держите в благочинной,
праведной Христовой вере.
Пусть Господь ее хранит!»

17.12.03 г.

Иван Великий

«Сорок лет Москва стоит
величаво.
Земли
прирастают.
Не горит
на Руси.
И внемлют
нам татары и Литва —
разогнали тучи!
Ваши тати топора

с плахою получат!» —
так писал в осенних днях
вятичам Великий,
и играли на перстнях
солнечные блики.

Сорок лет — не сорок дней.
И отец, Василий,
не сумев собрать князей,
плакал от бессилья.

Ну, а он с тех темных лет,
благ Москве желая,
выполнял отца завет,
земли собирая.

Новгородский вечевой
колокол не звонит
после сечи давней, злой,
на реке Шелони.
Вечно вражеская Тверь,
не сумев с литвином
одолеть Москвы, теперь —
отчиною сыну.

На реке Угре стоял
супротив Ахматки
из Орды.
И здесь унял
наглые повадки
ханской спеси и хвалы.

Заирать не станут,
не поднимут головы
внуки Чингизхана.

И премудрая жена,
Софья Палеолог,
как кремлевская стена
за спиною.

Долог
век прожил, чего грустить —
крепло государство —
государем смел прослыть,
первым сел на царство.

Он сумеет совладать,
урезонить Вятку!
Лишь бы только вечно знать,
что пришла к порядку
и спокойствию страна.
А Москва — что лебедь! —
величава и стройна.

Сразу не поверить,
что над яузской волной
градом стольным встала
и венцом Руси родной
голову венчала.

Защитит святую Русь
князь московский грудью!
А, что был жесток, то пусть
Бог и люди судят.

20.12.03 г.

Патриарх Гермоген

Монастырских, замшелых стен
вид унылый.
В холодной келье
черн и рван, узнаваем еле,
но не сломленный Гермоген.
За оконцем — дремучий лес
и унылый дождливый вечер.
С дымным треском сгорают свечи,
озаряя распяття крест.
Истов старец.
Ему ли быть
покоренным?
В земле Казани
он еще до поляков, ране,
не крещенных умел крестить.
Новокрещенных — в слободу,
да молиться, чтоб лбы разбили.
Кто противился — боем били!
Ничего, накинуд узду!
Вспоминает, попутав дни,
как не путать — не кормят боле.
Ладно, воду дают.

Но волю
не сломили, Господь хранит...
...Что там было-то?
Кровь и чад
нив истлевших в полях и весях,
да поляки с великой спесью,
да сгоревший Москвы пасад.
Смута.
Смуту, который год
над Россией, как тучу носит,
а погромы и голод косит
озверевший от бед народ.
Шляхта кривду вершит в кремле,
Дмитрий миру и церкви ложен,
чуть чего — сразу меч из ножен,
сеет горе по всей земле.
И с женою в грехе живет,
не крещена Марина Мнишек.
Слава Богу, не дал детишек,
изведется нечистый род.
Впрочем, он же еще тогда
говорил, что народ не примет
не крещенную.
А города,
да и села не будут с ними.
Так и вышло.
Пожар Кремля,
Васька Шуйский с природной ленью
и рогами длинней оленьих.
Как их только носит земля?

Говорил же: верши свой суд,
не щади переметных татей,
ожидать и метаться хватит,
а и ангелы не спасут.
Ведь народ оттого устал,
что не знает, куда податься,
и с Сапегой не хочет драться,
и тебе целовать креста.
Только братия и смогла
в Святотроицком отсидеться.
И куда им от гроба деться —
гробом Сергия премогла.
Не доносами царь силен,
а своей нерушимой волей,
нет тебе снисхожденья, коли
и невинный бывал казнен.
Что, Василий, плохи дела?
Виноваться с самим собою.
Жаль, что этой твоей бедою,
православием Русь убыла!
Хоть болван, но, ведь, свой, не нов,
как постригли — не стало лучше:
покатились лавиной с кручи,
что Тюфякин, что Ляпунов.
А Жолкневский, так он — поляк,
пес неверный.
И Владислава
посадить попытался — лях
не крещенный.
Не дали права!

Да, и сам Сигизмунд потом
показал, что царить желает.
Стал наделы дарить, не зная,
что сметет и его потоп,
что не может Святая Русь
после ига опять согнуться.
Зрячим дайте скорей проснуться,
а незрячий прозреет пусть!
Землю продал боярский род,
письма, глянь, подметные пишет,
то щенку присягает Мнишек,
то поляка на трон ведет.
Божий суд не минует их,
Милославского с волчьей стаей.
Ишь, бояре, питаться стали
человечиной...

...Страшный крик
мысли старца прервал.
Опять,
знать, пытаются кого-то каты.
Ныне вся земля виновата,
что не может с коленей встать.
Но поднимется, не впервой,
из пучин православной верой,
Матерь Божья, да Спас Святой
не покинут ее пределы.
Старец кашляет, грудь саднит,
и слеза застилает очи.
Что-то вымолвить в небо хочет,
но не слышно, гортань хрипит.

Знак стигмата кровит, блажен,
на сухой, как пергамент коже.
Ты прости мне, Пресвятый Боже!
Утомился.
Пора уже.

9.12.03 г.

Пальто

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
PRESS

ЧЕТЫРЕ ДНЯ ПРОРАБА ПАШИ ОВЕЧКИНА

День первый. Осень

Когда я выбрался из кабины самосвала, подбросившего меня до комбината, Юра Сверчков, наш шофер, обеспечивающий бригады раствором и бетоном, сразу обратил внимание на шумную толпу рабочих возле прорабки третьего участка.

— Что это там, Андреич?

Уже отсюда были слышны дружные раскаты хохота. Подойдя поближе, я протиснулся к вагончику и увидел на стене белый кусок ватмана, разрисованный цветной тушью. На ватмане было написано: «Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, за выдающиеся трудовые успехи, достигнутые при выполнении заданий десятой пятилетки, награждены...». Далее следовал список рабочих и служащих стройуправления и наград, которыми их отметили.

— Чего ржем? — спросил я у Николая Власова, бригадира монтажников с четвертого участка.

— А ты посмотри.

— Не понял.

— Ниже.

Я заглянул через плечо стоящего впереди работяги. Внизу листа, на оставшемся свободном месте, красовалась расплывшаяся надпись, сделанная химическим карандашом: «Шааб Иосиф Антонович — Орден Святого Ибукерия». В особенностях надписи, закорючках и хвостиках безошибочно угадывался почерк Васи Бражаева, прораба нашего третьего участка. Вася, или, как его называла нормировщик Анечка, Василий Николаевич,

парень был веселый, роста саженного, почти два метра, за что среди друзей носил ласковое прозвище — дядя Степочка. Еще Вася не ладил с начальником участка, немцем из-под Нижнего Тагила, Иосифом Антоновичем Шаабом. Немцем он был, конечно, только по происхождению, а род свой вел еще с тех времен, когда Екатерина Великая зазвала его предков в Россию, чем особенно гордился. Отчего они все время грызлись между собой, никто точно не знал, но что перепалка могла возникнуть на пустом месте, из-за случайно оброненного слова, этому я сам был неоднократным свидетелем. В остальном, Вася был нормальным мужиком, не глупым строителем и среди рабочих пользовался вполне заслуженным авторитетом. Когда я еще начинал работать в управлении в качестве инженера ПТО, меня как-то послали на участок сделать освидетельствование железобетонной балки, якобы замороженной по его недосмотру. Балка как раз оказалась вполне нормальной, но Шааб так рьяно требовал наказать Василия, что я сразу понял: что-то тут неладное происходит. Заключение я дал положительное, но главный еще некоторое время подозрительно поглядывал на меня, видимо, науськанный начальником участка.

Покрутившись возле объявления и позубоскалив с народом, я отправился в цех навестить бригады и выяснить, что кому нужно, а заодно проветриться: голова у меня раскалывалась после вчерашнего. Но об этом позже.

Краснопаловские плотники уже крепили опалубку, готовясь к приемке бетона, и я не стал подходить к ним, поприветствовав издали взмахом руки, а сразу направился к каменщикам, как всегда восседавшим на трубе временного отопления, проложенной через весь цех.

— Чего сидим, голуби?

Бригадир Басиев лениво потянулся и, бросив окурочок на пол, сплюнул:

— Пока, вроде, делать нечего, начальник.

Я не очень жаловал этого хитроватого и ленивого мужичка, но терпел, потому что бригада слушалась его беспрекословно. Говорили, что он за что-то сидел, но, скорее всего это была болтовня, хотя, кто его знает. Заставить работать он умел, а это на стройплощадке не последнее дело.

— Бой собрали бы, что ли, а то скоро не подойти, не подъехать будет.

— За это денег не платят, начальник.

— А, что, уборку рабочего места за отдельную плату будем делать? Короче, еще раз такой срач увижу — не взыщите. Лежите, хрен с вами, я найду, кто приберет, только оплачу из ваших нарядов.

— Ладно, не кипятись, начальник, сейчас приберем. Подъем, орлы! Начальство приказало навести порядок.

— Кран пока устанавливайте, а я раствор подгоню. Белкина никто не видел?

— Они на крыше давно, еще с полчаса назад поднялись.

Когда минут через пятнадцать я вернулся к вагончику, возле него было пусто, а ветерок трепал на стене обрывки еще недавно висевшего на этом месте ватмана. Выпорхнувшая из вагона Анечка, наша нормировщица, увидев меня, округлила глазки и защебетала:

— Ой, Павел Андреевич, не ходите туда!

— Что, опять лаются?

Анечка кивнула белокурой головкой и горестно вздохнула. Я сглотнул липкую слюну, наполнившую рот, подавил подкативший позыв тошноты и, махнув рукой,

решительно взялся за ручку двери. Она внезапно распахнулась, и мимо меня на всех парах пролетел дядя Степочка с красным, как помидор, лицом. Никого не замечая, он помчался в сторону проходной, крепко выражаясь на ходу. «Однако, похоже, беседа прошла в теплой, дружеской обстановке», — промелькнуло у меня в голове. Войдя в прорабку, я сразу направился к телефону.

— А ты где болтался? — заорал, еще не отошедший от разговора с Васей Шааб.

Ты чо, Антоныч, белены объелся? Кидаешься, как собака, на всех. Шуток не понимаешь, что ли?

В дверь тихонько проскользнула Анечка и спряталась за горой нарядов у нее на столе.

— С вами точно собакой станешь, — снизив тон, произнес начальник. — Я в контору, без меня тут управляйтесь. Ишь, ты, шутки...

Он собрал в папку какие-то документы, с треском закрыл молнию и вышел, громко хлопнув дверью. Анечкина головка появилась над бумагами.

— Выползай, ушел! Кофе, что ли, заварила бы? — я взялся за телефон.

— Конечно, Павел Андреевич! — радостно засуетилась Анечка.

— Алло, РБУ? Валя, — здравствуй, забрось на ДСП полтора куба раствора. Сейчас уйдет... вот спасибочки, дорогая. И давай двадцать кубиков Краснопалову. Да, марки двести... через полчаса... ну, бывай, — я положил трубку.

— Вам с сахаром, или без, Павел Андреевич?

— Без сахара, Аня, без сахара. Как говаривал незабвенный Василий Иванович: не до грибков Петька, не до грибков, — и я потер ноющие виски...

...Вчера мы крепко набрались дома у нашего уважаемого начальника участка, а потом еще продолжили в вагончике у Витьки Кочаренко, прораба дорожников и моего хорошего приятеля. Все началось с того, что во время обеда Витька сообщил новость: в магазине появился египетский бальзам «Абу Симбел».

— Я, мужики, подсчитал: дешевле водки процентов на двадцать будет. Во-первых, емкость ноль семь, во-вторых — тридцать пять градусов. И пьется, как вода.

— На фига пить, если, как вода?

— Ну, я это так, образно.

— Что-то во мне все эти импортные штучки доверия не вызывают,— высказал мнение начальник четвертого участка, Геннадий Николаевич.

— Брось, Геннадий, в жизни все надо испробовать,— хохотнул Шааб, — а то сравнивать не с чем будет. Давайте вечером, после планерки ко мне. Мне тут теща целую коробку помидор прислала, так что закусь организуем мировую.

— Я шесть штук взял на всякий случай,— скромно улыбнулся Виктор,— а то мужики ящиками хватали, могло и не достаться.

— Молоток. Ну, давайте, до вечера.

Вечером у таза нарезанных помидор с репчатым луком, обильно политых подсолнечным маслом, мы дружно пробовали сладковатое и тягучее египетское пойло. И хотя закуска была действительно мировой, прикончив пятый флакон, мы порядком забурели. Видимо еще и потому, что, не надеясь на доброкачественность напитка, Геннадий прихватил пару бутылок «Столичной», и мы перемешали ингредиенты, чего делать, разумеется, нельзя никогда. Распрощавшись с честной компани-

ей, часов в десять мы с Витькой двинулись к нему в вагончик, где, как он сообщил мне по секрету, у него имелась заправка в виде поллитры «Московской».

— А не до хрена нам будет?

— Не бойсь, пробьемся. А потом — завтра, это будет завтра.

— Ну, тогда — вперед! Броня крепка и танки наши быстры... — горланя патриотические песни, и другие, не вполне патриотические, мы двинулись по едва освещенной улице, пугая встречных прохожих.

Витька делил жилой вагончик на двоих с бригадиршей отделочниц Верой Якимовой. Она с пятилетней дочкой проживала в большой комнате, а он ютился в малюсенькой каморке, где едва размещались две кровати с крошечным столиком между ними. В каморке, как всегда царил бардак, а за стаканами пришлось осторожно сползать на кухню: после одиннадцати Вера шума не переносила.

— Верка, иди, выпьем! — едва только мы разделись, проверещал Витька.

— Кончай, Вить, девочка уже спит, наверное, — я опасливо оглянулся. — А, то, будет нам и дудка, и свисток!

В дверях появилась Вера, красивая, крупная женщина, лет около тридцати:

— Явились, не запылились, голубчики! Где это вы так накушались?

— Вера, ты только не обижайся. Это мы импорта напробовались, — я попытался изобразить на лице нечто приветливое, — Абу... как его? Витя, как оно называлось-то?

— Что называлось?

— Да, поило, что мы пили.

— Не помню, — пробубнил Витька.

— Да, голубчики, вижу, не мало вы выхлебали!

— Выпей, Вер,— я побаивался этой властной и громкоголосой женщины, с которой мне пришлось поработать еще мастером.

Характер у Веры был твердый и властный, а другого и не могло быть, иначе справиться с коллективом, в котором собралось одновременно тридцать озабоченных жизнью женщин, было просто невозможно. Я помнил, что могло случиться, если кто-то из них встал не стой ноги, или я недостаточно почтительно поприветствовал бригаду утром.

— Ладно, давай. Только этому больше не наливай, он и так уже едва живой.

— Вот и не правда,— Витька попытался большим пальцем ноги, торчащим из дыры в носке пощекотать Веру, стоящую рядом со спинкой кровати.

— Брысь, алкаш! А то я тебя быстро успокою.

— Ну, че ты, Верунь, ну иди сюда,— едва понятно забубнил Витька.

— Тьфу ты, любовничек долбанный! — Вера взяла стакан.— Давай, Паша, выпьем, и спать ложитесь, завтра на работу.

Я никак не мог предположить, что эта гремучая смесь из бальзама и водки так подорвет мое драгоценное здоровье и утром голова будет готова взорваться...

...Я пил кофе, тупо глядя в окно, но долгожданного облегчения не наступало.

— Может быть еще, Паша? — подошедшая с чайником Анечка жалостливо смотрела на меня.

Благодарно улыбнувшись, я безнадежно махнул рукой, но Аня все-таки настояла на своем, и вновь наполнила мою чашку кипятком. «Спасибо тебе, небесное со-

здание, — подумал я пространно, с трудом ворочая мозгами, — что бы мы без тебя делали, совсем передрались бы». Я, конечно, догадывался, что эта белокурая, тоненькая девушка была тайно и безнадежно в меня влюблена, но старался делать вид, будто ничего не замечаю. Зачем обнадеживать человека, если сам не питаешь к нему никаких особенных чувств. Анечка, конечно, притягивала к себе взгляды кукольной какой-то красотой, но других особенных достоинств не имела. Она была аккуратной, всегда тщательно причесанной, готовой всегда и везде помочь в любом деле. Но, чтобы влюбиться в женщину, требуется что-то большее...

...Летом, где-то в июле, Лев Иванович Солнушкин, наш председатель профкома, предложил организовать коллективный выезд на рыбалку. Идею приняли с энтузиазмом и всю неделю, до субботы обсуждали, куда ехать.

— Поедем на Озеро, — поставил точку в затянувшемся споре Лев. — Во-первых — места не тронутые, во-вторых — улов гарантирован: щуки завались, только бредень таскай, не ленись.

Все охотно согласились, хотя, до Озера было более семидесяти километров по бездорожью. Многие просто там никогда не были и хотели посмотреть на расписываемые в частых разговорах бывалых рыбаков и охотников красоты, другие — просто, чтобы их увидеть снова. Наконец сборы были закончены и мы, человек двадцать мужчин и женщин, погрузившись в кузов наскоро оборудованной машины, тронулись в путь. Первые тридцать километров проехали довольно бодро: какая-никакая, но дорога, хоть и лесовозная. У моста через Реку остановились размяться. Место было до удивления кра-

сивым: над крутым берегом стояли, теряясь кронами, где-то в поднебесье, столетние сосны, а под ними масляно струилась темная вода, с то и дело расходившимися по поверхности кругами от играющей в реке рыбы. Мужчины устроились покурить на упавшем стволе, а женщины под руководством неугомонного председателя побыстрому соорудили нехитрую закуску. Не прошло и пятнадцати минут, как импровизированный стол на огромном срезе пня был накрыт.

— Граждане, кушать подано! — провозгласил Лев.— Давайте, не стесняйтесь, будьте, как дома. И прошу долго не тянуть: нам еще часа два с половиной пилить.

— За что пьем, профсоюз? — спросил Витька.

— За природу! — все выпили, закусили, и, вновь, галдя и восхищаясь увиденным, забрались в кузов.

После Реки приличная дорога кончилась. Часа полтора мы перебирались через большое болото, выстеленное лежневкой из целых хлыстов, даже не присыпанных песком. Пару раз пришлось выходить и всем мужским коллективом помогать вытаскивать колеса, провалившиеся между бревен. Было весело и шумно, все с нескрываемым интересом рассматривали открывающиеся по дороге пейзажи, тем более что большинство впервые отъехало от поселка так далеко. После болота дорога пошла вилять сосновыми борами, по гривам, покрытым белым мхом-ягельником. Не удержались, сделали остановку, чтобы набрать белых грибов на похлебку. Я впервые видел белые грибы в июле.

— Первый слой пошел, — пояснил Лев, считавшийся старожилом.

Было почти шесть часов вечера, когда, выскочив на очередную возвышенность, мы увидели Озеро. Оно от-

крылось голубой полоской воды между хвойной зеленью и по мере приближения к нему становилось все шире и шире. Сосняк не давал возможности сразу оценить размеры водной глади, но, подъехав к берегу, мы поняли, что видим чудо. Озеро лежало опоясанное густым хвойным лесом, стоящим почти в воде, так, что волны, накатывающиеся на песчаный, с редким кустарником берег, оголили корни деревьев. Противоположный берег был виден сплошной темной полоской, на которой трудно было различить какие-либо детали, а вправо береговая линия сливалась с горизонтом. Место, где мы начали разгружаться, использовалось уже не раз, судя по углям кострища и торчащим из земли рогулькам.

— Женщины готовят стол, мужчины дрова, — скомандовал Лев, — ночью может быть прохладно. Кто таскал когда-нибудь бредень — со мной.

Мы с Витькой вызвались ловить рыбу. Вода в Озере была теплой и только в том месте, где впадал ручей, ноги почувствовали холод. Через полчаса, выцедив сеткой штук пять довольно крупных щук и прилично задубев даже в теплой на первый взгляд воде, мы возвратились к месту нашего ночлега, где уже весело трещал костер и звучали смех и голоса.

— Во, уха прибыла! — громко объявил Геннадий Николаевич. — Замерзли, мужики? Анечка, где водка, надо ребят срочно спасать. На-ка, Паша, — он протянул мне чайную кружку, — выпей.

Я действительно замерз так, что зуб на зуб не попадал, и с удовольствием залпом выпил. Но из кружки после водки потекла какая-то тягучая субстанция, которая медленно растеклась по горлу и пищеводу, заполнив рот жгучей массой, так, что стало просто погано, и при-

шлось долго отплеиваться возле кустов, сдерживая позывы рвоты.

— Да, что с тобой, Паша, не в то горло попало? — хлопая меня по спине, хохотал Геннадий. — Или водка больно крепкая?

Я только молча мотал головой, не в силах вымолвить слова в ответ.

— Что с вами, Павел Андреевич? — испуганно запричитала Анечка. — Может быть чаю?

Я еле отдышался и, сплюнув последний раз, заорал:

— Что за гадость там была, мать вашу?!

— Где? — не понял Геннадий.

— Где, где — в Караганде! В кружке конечно.

— Водка, а что там еще может быть?

— А ты попробуй!

Геннадий Николаевич взял кружку, которую я протянул ему, осторожно попробовал и захохотал еще громче. Вытерев выступившие слезы он спросил:

— Господа, кто в кружку сметаны налил? Чуть Пашу не уханькали насмерть. Ты, Паша, не расстраивайся особенно — тут тебе и выпивка, тут и закуска.

Мне и вправду стало лучше, тепло разлилось по всему телу, от костра несло смолистым жаром, а вокруг были друзья и просто хорошие знакомые, что еще нужно человеку? Потом мы пели хором под гитару и баян, рассказывали похабные анекдоты и веселились так, как давно не веселились: раскованно и открыто.

Проснулся я ночью, от жажды, и понял, что укрыт полущубком, а голова моя лежит у Анечки на коленях. Девушка сидела, прислонившись спиной к сосне рядом с почти потухшим костром, и, положив руки мне на плечи, дремала. Я, как можно осторожнее попытался выс-

кользнуть из этого плена, но девушка, почувствовав мои телодвижения, сразу проснулась.

— Ой, куда вы, Павел Андреевич?

— Спи, Анечка, спи, рано еще, — я уложил девушку на лапник, свернув ей под голову свою куртку и накрыв полушубком.

Анечка благодарно улыбнулась мне и прикрыла глаза. Я подбросил в костер пару веток и повесил разогреться, стоящий тут же, прокопченный чайник. Пока чайник шумел над огнем, я вышел на берег, сделал несколько приседаний, разминая затекшие в сапогах ноги, и огляделся. Северо-восток уже горел от лучей поднимающегося солнца, над рекой, впадающей в Озеро, змеились ленты прозрачного тумана, сквозь которые просматривался, спускающийся к воде по гриве противоположного берега, сосновый лес. Поверхность воды была совершенно неподвижной, маслянистой, и на темной ее поверхности отражались еще не погасшие звезды. Тишина стояла такая, что слышно было только потрескивание костра и ничего более. Я налил в кружку вскипевший чай и вернулся к месту ночлега. Как только я присел к сосне, Анечка открыла глаза.

— Посидите со мной, Павел Андреевич.

— Я же, Анечка, и так рядом. Ты спи, день длинным будет, еще наговоримся.

— А, вы поближе ко мне сядьте.

Анечка выпростала руку из-под полушубка, положила ладошку мне на колено и, закрыв глаза, мерно задышала, чему-то улыбаясь про себя. Я сидел, стараясь не шелухнуться, и смотрел то на безмятежное лицо девушки, то на меняющиеся краски окружающего мира, на появившиеся невесть откуда легкие облака, окрашенные розовым, на зеркальную гладь Озера, уже потревоженную кое-где легким утренним ветерком, и душа моя потихонечку пела...

...— Нет, Аня, спасибо, больше не хочу, — как можно приветливее выдавил я. — Я пойду, пожалуй, посмотрю, что делается, да и проветрюсь заодно.

Выйдя на улицу, я глубоко вздохнул прохладный, осенний воздух, огляделся и неторопливо пошел в сторону цеха ДСП. «Надо на крышу подняться, посмотреть», — подумал я, поравнявшись с первыми воротами, и решительно взялся за перекладину пожарной лестницы. Через пару минут я уже шагал по рубероидному ковру кровли, стараясь не опираться на каблуки, чтобы не повредить его. Надо сказать, что, когда я впервые полз по металлической лестнице на высоту четвертого этажа, душа моя была, как говорится в пятках. Полз я тогда, как припоминается, с перекурами, то и дело восстанавливая дыхание, а когда добрался до верха, долго не верил, что остался жив. Со временем, чувство страха перед высотой притупилось, ушло куда-то, и все эти каждодневные, рутинные подъемы уже несколько не пугали. Правда, по настоянию начальства с обратной стороны цеха была выстроена деревянная лестничная клетка, но пользовались ей в основном конторские, когда их присылали на очередной субботник, да еще всякие многочисленные проверяющие. Пожарная лестница была предпочтительнее. Когда нужно было избежать нежелательной встречи с начальством, она здорово выручала. Стоило только подняться на цех и перейти на другую сторону, как ты оказывался вне досягаемости высоких персон, и в то же время, как бы при деле. Начальство в силу своего возраста и комплекции летать по пожарным лестницам не желало и это обстоятельство не раз выручало меня в критических ситуациях.

— День добрый, Пал Андреевич! — сидящий на поддонах из-под рубероида и курящий в нарушение всех противопожарных инструкций, Иван Иванович Белкин, бригадир кровельщиков приподнял кепку.

— Иван Иванович! Ну, когда это кончится? — начал было я.

— Все, все, Пал Андреевич, уже все погасил. Присаживайся, посидим, подышим, погода замечательная: бабье лето. Давай-ка я тебе спецовку подстелю, а то, не дай бог, уделаешься битумом.

Я присел рядом на заботливо расстеленную спецовку и огляделся:

— Как дела, Иван Иванович?

— Да все нормально, не беспокойся. Я тут подсчитал, если погода не подведет, к концу месяца закончим. Квадратов двести в день выходит, должны закончить.

— Твоими бы устами, бригадир, мед пить. Сплюнь через плечо.

— Что-то ты, Паша, шибко суеверным стал. Не в первый раз — пробьемся.

Погода действительно баловала. Почти две недели стояло ясно и относительно тепло. Лето выдалось не очень — прохладным и дождливым, зато осень была золотой, в прямом смысле этого слова. В прошлые выходные мы еще ухитрились собрать около поселка грибов на жареху.

Бригада Белкина появилась у нас в управлении с полгода назад. Человек десять «дедов» и молодая женщина с ребенком лет пяти. Женщину звали Настя, и погнала ее на Север с малым ребенком какая-то своя, личная, я думаю, беда. В бригаде «дедов» кто-то был ее родственником, вот и прихватил с собой девушку на новые мес-

та, подальше от греха. «Дедами» их прозвали потому, что в бригаде самому молодому было не меньше сорока. Прибыли они откуда-то из-под Полтавы, приехали заработать, и, надо сказать, мастерами были на все руки. Могли и отделку вести, и бетон принять, и плотничать. За неполный месяц выложили всю керамическую плитку на пусковой котельной, потом поработали на четвертом, что-то бетонируя на очистных, а сейчас ремонтировали у меня кровлю на цехе ДСП. Кровля была закончена еще в прошлом году, но монтажники и вентиляционщики за год так ее изнахратили, что при хорошем дожде в цехе негде было спрятаться от водяных струй. Пришлось покрыть дополнительный ковер, а заодно и стеклить побитые световые фонари.

— Здравствуйте!

Я поднял глаза и почувствовал, как горячая волна разливается по телу, а в горле застрял сухой, колючий ком. Неслышно подошедшая Настя смотрела на меня своими огромными глазами-сливами и улыбалась. Красавица с тугими бедрами и высокой грудью, она постоянно вгоняла меня в краску, что естественно не осталось не замеченным. Не знаю почему, но на меня она оказывала прямо какое-то гипнотическое воздействие. Парень я вообще-то не робкий, с девушками вел себя всегда свободно и непринужденно, а тут клинило: ноги становились ватными, а язык прилипал к гортани. Я старался избавиться от этого унижительного состояния, нарочито старался казаться грубым и равнодушным, но ничего толком не получалось. Как только она начинала глядеть мне в глаза, я немел и глупел. А девушка, словно чувствуя эту свою власть, нарочно насмехалась над моим жалким видом.

Настя облизнула пухлые губы, слегка улыбнулась, чувствуя свое превосходство, и, переведя взгляд на бригадира, продолжила:

— Иван Иванович, битум готов. Петя спрашивает качать, или на обед пойдем.

Вместо того чтобы ответить по делу, Белкин ухмыльнулся, и не с того, ни с сего произнес:

— Хороша девушка! Как, Пал Андреевич?

Я готов был провалиться сквозь землю, но продолжал молчать, как дурак, не зная, что предпринять и как ответить. Бросив взгляд на мою растерянную физиономию, Белкин все понял, и, жалея мое самолюбие, повернулся к Насте и скомандовал:

— Скажи, пусть малый огонь включит, минут через десять — на обед. Настя еще раз ошпарила меня взглядом своих влажных глаз, развернулась на месте, обдав меня запахом недорогих духов, и ушла, покачивая бедрами. Я машинально достал сигарету, и закурил, забыв о всякой пожарной безопасности и прочей лабуде. Белкин минуту помолчал, а потом, вздохнув, сказал:

— Хорошая девушка, ей богу, в самом соку. Ты бы пригрел ее, прораб. Дело молодое, чего маяться.

— Ну, ты даешь, Иван Иваныч! — я вытаращил глаза на бригадира. — Как это — пригрел бы?

— А молча. Ты что думаешь, она не живая, что ли? Одна баба, без мужской ласки пропадает. А женщина она хорошая, ласковая.

— А ты с чего взял, что я тот самый мужик и есть?

— А то по тебе не видно, да и ты ей нравишься. Не дурили бы вы, ребята, не мучили друг друга.

Я так растерялся от такой откровенности, что не нашелся с ответом, а просто поднялся, молча махнул ру-

кой и направился в прорабку. «Вот, блин, старый козел, чуть от стыда не заставил сгореть», — вертелось у меня в голове. В вагончике Анечка терпеливо дожидалась меня, чтобы ехать на обед.

— Сейчас машина подойдет, Павел Андреевич. Я предупредила: как только доску разгрузят — сразу сюда.

— Спасибо, дорогая! Никто не звонил?

— Звонил Виктор Петрович, спрашивал: будете ли на обеде? Я сказала, что будете.

— Молодец! Ну, собирайся, пошли.

В столовой от порога, до стойки раздачи уже во всю гудела разношерстная очередь. «Припозднились», — подумал я, — «придется по-нахалке лезть, а то и покурить некогда будет».

— Паша, давай сюда! — махнул мне рукой, сидевший за столиком в углу Виктор.

— Сейчас, — и я полез к стойке без очереди, не обращая внимания на недовольное ворчание желающих пообедать. — Анечка, принимай! Надюша, давай, как обычно, и пирожков с ливером. Чего шумим, голуби, успеете, начальство надо уважать.

— Здорово, Паша! — поздоровалась заведующая столовой Надежда Марченко. — Суп гороховый будете?

— Да, все равно. После вчерашнего, редьку бы с хреном лопать: полезно и, говорят, здорово помогает.

— Наслышаны о ваших геройствах.

— Откуда?

— Друг твой поделился, шибко, видимо, болеет.

— А чему болеть-то, кость — она и есть кость, — попытался пошутить я.

— Откинете копыта когда-нибудь от какой-нибудь дряни. У меня мужик ее тоже напился, так утром еле голо-

ву от подушки оторвал. В следующий раз сделаю вам редьку, а лучше ума наберитесь, да пейте поменьше. Заведующей Надя работала в столовой еще до той поры, как я начал вершить свои трудовые подвиги в нашей славной конторе. То ли она нас жалела, то ли мы были чем-то похожи на ее мужа, работающего шофером в нашей же артели, но из толпы она нас все-таки выделяла. Видимо за бесшабашность, зубоскальство и легкое отношение к жизни: ребята молодые, веселые — приятно посмотреть. И жалела, как мать жалеет неразумных малолеток. Ну, и потом мы были каким-никаким, но все-таки начальством, хоть и мелким, и могли иногда помочь то машиной для подвоза продуктов, то мелким ремонтом, без которого было бы трудно содержать в порядке это беспокойное хозяйство.

— Кушайте, а то вас ветром скоро качать будет.

Анечка перетаскала тарелки, которые я подавал через головы страждущих, на Витькин стол и через минуту мы сидели вместе.

— Ну, ты как? — спросил первым делом мой приятель.

— Жив, как видишь. Но больше я эту гадость — ни в жизнь!

— Сейчас оживешь, — Витька взял пустой стакан и налил под столом граммов сто из, невесть откуда взявшейся, чекушки. — Давай, опохмелись, легче станет.

Анечка с ужасом посмотрела на Витьку, как будто увидела такое, чего молодым девушкам видеть было не положено.

— А, не заплохееет? — я с трудом сглотнул заполнившую рот слюну.

— Все будет нормально! Я до обеда думал, что сдохну... Хорошо, Геннадий надоумил... Давай!

Я взглянул на брезгливо сморщившуюся Анечку, подмигнул ей нахально и залпом выпил.

— Во, если сейчас окочурится, считайте коммунистом, — хрюкнул в кулак Витька, — а если не окочурится — алкоголиком!

Я молча, стиснув зубы, помотал головой, пытаюсь не нагадить прямо за столом, но уже через пару секунд почувствовал, как мой желудок успокаивается и в голове появляется легкий туман. Пару раз глубоко вздохнув я почувствовал запах пищи.

— Павел Андреевич, зря вы это, — сказала Анечка, нахмутив брови.

— Ах, Анечка, как часто человек бывает не прав, а все равно делает дурные поступки, — начал было Витька.

— А вот от вас я никак этого не ожидала, Виктор Петрович, — решительно оборвала его девушка.

— Слаб человек, Анечка, слаб, — вздохнул удрученно Витька.

В распахнувшуюся дверь чинно, без суеты просочилась бригада Белкина, продлив порядком укоротившуюся очередь. Я невольно задержал взгляд на стройной фигуре Насти и почувствовал, что опять непроизвольно краснею. Взглянув на меня, Анечка все сразу поняла, она давно заметила, что я неровно дышу от этой, невесть откуда появившейся женщины, как-то внутренне напряглась, и, потряхнув золотистыми кудрями, бросила вызывающий взгляд в сторону Насти. Почувствовав на себе этот взгляд, Настя повернулась в нашу сторону и внимательно оглядела кипевшую от негодования Анечку, а потом медленно перевела взгляд на меня и приветливо, будто подчеркивая, что мы не совсем чужие друг другу, улыбнулась, обозначив на щеках симпатичные

ямочки. Я прямо кожей почувствовал, как Анечка завибрировала от гнева.

— Битва титанов! — хихикнул Витька, молча наблюдавший за этим молчаливым поединком.

Я повернулся к нему и укоризненно свел брови, мол, кончай, видишь, девушка не в себе. Витька уткнулся в тарелку, едва сдерживая распиравший его смех. Я пнул его ногой под столом. Очнувшаяся Анечка негромко вздохнула, и, повернувшись в нашу сторону, сказала, ни к кому не обращаясь:

— Красивая! — и уже совсем приходя в себя. — Не стоит она вас, Павел Андреевич.

— Ты это о чем? — прикинулся я непонимающим.

— Не лукавьте, Павел Андреевич, я вижу, как вы глаз с этой дамы не сводите. Только не пара она вам.

— Да, с чего ты это взяла? У меня и в мыслях ничего такого не было.

— Было, было, — вмешался Витька. — Не обращай внимания, Анечка, все мы мужики такие: стоит смазливую мордочку увидеть, сразу слюни пускаем. Кобели шелудивые, одним словом. Ты, Паш, что вечером собираешься делать, — сменил он тему.

— Еще не знаю.

— Пошли в поселок, там сегодня танцы, осенний бал. Все равно завтра выходной, можно будет выспаться.

— Пошли. Только у нас завтра работают, придется тащиться на площадку, Шааб предупредил.

— Ой, мальчишки, а можно я с вами! — защebetала, оправившаяся от недавних переживаний и сердечных мук, Анечка.

— Конечно, как можно такую чудную девушку оставить вечером одну, — галантно расшаркался Витька.

— Да ну вас, Виктор Петрович, все шутите! — смутилась девушка.

— А вот и нет, Анечка, я от чистого сердца, поверьте. Это у нас великий строитель ни фига вокруг не видит.

Я молча показал ему кулак:

— Ну, что, заканчиваем, машина ждет. Допивай компот, Анечка и пойдём.

После обеда я еще раз побывал в бригадах, получил нагоняй от главного инженера, и, наконец, отправился попить чайку к Геннадию Николаевичу на четвертый участок.

— Слышал, Вася Бражаев на увольнение подал, домой собирается? — огорошил меня Перченко.

— Шааб что ли допек? Ну, и дурак!

— Да прямо, Васю допечешь! Мать у него совсем плоха, а сестра замужем, где-то у черта на куличках живет, вот и собрался домой.

— Как-то неожиданно.

— Человек предполагает, а жизнь располагает. Ты же тоже здесь не на всю жизнь.

— Наверное. Правда, мне особо и ехать-то некуда: кочуют родители с места на место.

— Военные?

— Точно. Ну, ладно, спасибо за чай, я пойду, пожалуй.

День до вечера прошел без особых приключений, но на планерке Николай Иванович, наш главный инженер, ошарашил меня:

— Принимай у Бражаева объекты.

Вася вел вспомогательные цеха: компрессорную, цех подготовки щепы и оборотную воду, а народу у него было человек под сто.

— Вы, что Николай Иванович, я не согласен! Мне бы со своими управиться. Я же не Фигаро, это тот везде успевал.

— Ничего, управишься. Оклад мы тебе повысим и мастера дадим. Больше Паша некому.

— Ну, Николай Иванович, — снова занял я.

— Все решено, Павел Андреевич, — твердо повторил главный, — так что, принимайте дела.

— Поздравляю, — шепнул мне в ухо Геннадий Николаевич, — пинков будешь получать вдвое больше.

— Ага, а денег столько же.

— А ты этот вопрос подними, не стесняйся, мы, слава богу, еще не в коммунизме живем: чего задарма горбатиться?

Я не стал тут же дебатировать на эту тему с главным, решив попозже разобраться у начальника управления.

Вернувшись в общежитие, я умылся, погладил брюки, позубоскалил с дежурной и направился к Витьке. Тот, как всегда был не готов.

— Ты чо, до ночи, что ли собираться будешь? Столовая скоро закроется.

— Да, отдал Верке штаны погладить и что-то не несет никак.

— Давай в темпе, а то голодными останемся. Вера, ты этому вахлаку погладила причандалы?

— Давно в коридоре висят.

— Скажи девушке спасибо и полетели.

— Куда это вас черт понес?

— К культуре тянется народ, Верунчик, отупел от беспросветных будней. На танцы потопали.

Ну, счастливо, ведите себя хорошо граждане, жаждущие просвещения.

В столовой к нам присоединилась Анечка и прямоком, через нижний склад леспромхоза мы потопали в поселковый дом культуры. Когда сквозь толпу мы протиснулись в ярко освещенный зал, танцы были в полном разгаре. Отыскав свободный кусочек пространства у стены, и утвердившись на нем, мы с Анечкой пошли танцевать, оставив Витьку изучать контингент слабого пола, присутствующего на этом мероприятии.

— Ну, что, выбрал пассию? — спросил я, когда мы снова причалили к нашему пяточку.

— Он ту блондинку ждет, Паша, ну, помнишь, на прошлых танцах? Небольшого росточка, светловолосая, помнишь? Что-то не видно ее сегодня.

— Так вон она! Да не туда смотришь, правее, в углу. В окружении пяти-шести поклонников в углу, напротив нас улыбалась и кокетничала симпатичная, белокурая девочка невысокого роста, одетая в шикарное шелковое платье и туфли на умопомрачительных шпильках. Она слушала окруживших ее полукольцом молодых ребят и то и дело, чувствуя внимание окружающих, заразительно смеялась, обнажая ровный ряд белоснежных зубов, и стреляя по сторонам глазками.

— Чего ждем, товарищ Дон Жуан, пора приглашать.

— Да, неудобно как-то. Видишь, человек занят.

— Он, Паш, боится. Она ему прошлый раз отказала, вот и опасается отказа, трусишка зайка серенький.

Витька насупленно промолчал.

— Придется товарищам брать ответственность на себя. Ты, Анечка потанцуй с этим героем, а я попробую штурмовать бастион, авось что получится, — и с первыми тактами зазвучавшей музыки я решительно направился в сторону блондинки. — Разрешите?

Не дожидаясь ответа, я подхватил растерявшуюся от неожиданности и от моего нахальства девушку под руку, и, мимо ошарашенных от моей вызывающей наглости поклонников, повел к центру зала.

— Как вас зовут, прекрасная незнакомка? — начал я незамедлительно атаку, изображая из себя этакое паркетного ловеласа.

— Валя, — девушка с интересом посмотрела на меня, — а вас?

— Меня — Павел Андреевич. Прошу любить и жаловать. Можно просто: Андреич.

Девушка засмеялась:

— Почему так официально? — она уже вполне оправилась и чувствовала себя легко и свободно. — Вы еще совсем не старый!

— Спасибо, что вы это заметили. А то меня все больше стариком называют на работе.

— Ну, это зря, вы еще очень даже ничего. А где это — на работе?

— Начальство нужно знать в лицо, леди.

— Я знаю, вы в стройуправлении работаете.

— А откуда вам это известно?

— Земля слухами полнится. Сами видите, деревня маленькая, если кто чихнет, на другом конце слышно.

С последними прозвучавшими аккордами мы остановились рядом с нашей маленькой компанией.

— Разрешите представить моих друзей. Это — Анечка, наш ангел хранитель, а это — Виктор Петрович, большой человек, король таежных трасс. Кстати, безнадежно в вас влюбленный, — конец фразы я произнес шепотом, наклонившись к розовому ушку.

— Аня, — представилась Анечка, с интересом разглядывая новую знакомую. — А вас как зовут?

— Валентина.

— Ну, а ты, что стоишь, как истукан, поцелуй девушке руку, — обратился я к одеревеневшему от неожиданности Витьке. — О, дамское танго! Валечка, пригласите нашего друга, а то он робкий до невозможности. Бодрей, старик! — повернулся я к Витьке.

Витька на деревянных ногах подошел к протянувшей ему руку девушке и, поддерживая под локоток, повел в уже танцующий зал.

— Фу, ты, слава Богу! — шумно выдохнул я.

— А вы, Павел Андреевич, жох, — вымолвила Анечка. — Я даже предположить не могла, что вы такой сердцеед. И прыти от вас такой не ожидала.

— Да, что ты, Анюта, это я так, чего для друга не сделаешь.

— Не отпирайтесь, я же видела, как она на вас смотрела.

— Чего это тебе казаться стало, что все дамы мной заинтересовались? А ну, сознавайся в чем дело? — и я шутливо попытался обнять девушку, но она неожиданно отстранилась, не принимая шутки.

— Вам бы все шутить, да насмехаться.

— Ну, ты даешь! А чем еще на танцах заниматься? Кончай дуться, пойдем лучше потанцуем.

Но тут музыка окончилась и подошли слегка раскрасневшиеся Валентина и Виктор.

— А друг у вас прекрасно танцует, Паша, хотя уверял меня, что не умеет.

— Скромность украшает человека, Валечка. Но я же вас сразу предупредил, что это — человечиче: нераскрытые способности и высокий интеллект. Товарищи просто не знают с каким великим соотечественником свела их судьба.

— Кончай трепаться! — Витька показал мне кулак.

Мы весело проболтали и протанцевали до конца вечера. Одно меня беспокоило: косые, порой угрожающие взгляды так внезапно покинутых ухажеров Валентины.

— Ты здорово не отрываешься, а то могут и накостылять, — шепнул я Витьке.

— Пряма, чего я этих пацанов испугался!

— Навалятся толпой — испугаешься. Так что провожать твою красавицу пойдём вместе.

— Что вы там секретничаете? — подошли уже подружившиеся Анечка и Валентина.

— Мужские тайны не для женских ушей, — отшутился я. — Валечка, мы вас проводим?

— Да, не стоит, я тут рядом живу.

— Это не имеет значения. Ты чего стоишь, кавалер? Возьми у дамы номерок и в раздевалку! Совсем поглупел от любви, — сказал я, когда Витька отошел.

— Ну, это вы уж слишком, Павел.

— Да, чего там слишком — он же с вас глаз не сводит.

— Давайте не будем об этом.

— Правильно, нельзя об этом вот так, прямо, — вмешалась Анечка. — Деликатности у вас, Павел Андреевич, никакой!

Подошел Витька, они с Валентиной оделись.

— Подождите нас на улице, а то я гляжу — у тебя, друг мой, уши опухли. Покури пока, мы сейчас. Так вы Валя обязательно нас с Анечкой дождитесь, нам еще о многом поговорить надо.

Минут через десять мы с Анечкой вышли из раздевалки в прохладный сумрак осенней ночи. В тусклом свете фонаря я увидел, как четыре темных фигуры обступили моего друга и его новую знакомую. Разговор шел на повышенных тонах.

— Ты, Анечка, постой-ка тут, а я пойду, разберусь.

— Я с вами, — Анечка решительно схватилась за рукав моего пальто.

— Ладно, только сзади, — я шагнул в сторону ссорящихся. — В чем дело, ребята?

— А тебе что нужно, мужик? — повернулся ко мне рыжий, плотно сбитый малый.

— Да вот, гляжу, друга моего обидеть хотите.

— Можем и тебя, если желание имеется.

— Конечно, можете, если хотелка выросла, — я внутренне напрягся, приготовившись к драке.

— Паша, помощь не нужна? — спросил внезапно подошедший Виктор Гурин, каменщик второго участка, которого я знал еще по службе в армии. — А то гляжу — силенки неравные. Что, пацаны, кровь играет?

— Бросьте, мужики, я тут сам как-нибудь, — подал голос Витька.

— Это Витя понятно, но вместе спокойнее будет, правильно Паша? Почувствовав, что силы сравнялись, парни ретировались в темноту, пообещав на прощание разобратся в другой раз.

— Ну, что, все нормально? — спросил Гурин.

— Порядок, Витя, спасибо! С нас пузырь.

— Только не забудьте. Маша, — позвал он жену, — пошли! Бывайте, мужики!

— Ну, как вы тут? — спросил я Валентину, которую пыталась успокоить Анечка.

— Колька, дурак, мой сосед, решил разборку устроить. Я ему завтра выскажу все, сегодня с ним разговаривать бесполезно, где-то набратсья успел.

— Это дело нехитрое, водка везде продается.

— Я вот отцу его расскажу, тот быстро уму разуму научит.

— В какую сторону идем Валя? — прервал нас Витька.

— Туда. Я, и правда, рядом живу: метров двести по улице. Знаете, двухэтажные, брусовые дома возле колонки?

— Тогда — вперед! — и мы, весело болтая, пошли вдоль по улице в указанную Валентиной сторону.

Через час, распрощавшись с друзьями возле общаги, я пошел в свою келью. Живший со мной в одной комнате мастер снабжения Юра Головин отсутствовал по причине нахождения в очередном отпуске, разбудить своим поздним приходом я никого не мог и поэтому не слишком торопился. Правда, однажды, примерно в такое же самое время я притопал с гулянки вовремя, в самый раз. Общага уже дрыхла без задних ног, а в коридоре висел сизый дымок с резким запахом горящего тряпья. Открыв дверь в комнату, я увидел следующую, неутешительную картину: на кровати спал безмятежным сном мой пьяный сосед, а под ним дымился загоревшийся от упавшей сигареты матрац. Залив тлеющую вату из чайника, я лег спать, а утром, уже умываясь, с удовольствием слушал громкую ругань коменданта, грозившего Юрке всеми небесными карами и подрывом материального положения в виде удержания из зарплаты за прогоревшее имущество. Сейчас было так же, как тогда тихо, и только из комнаты отделочниц Светы и Гали доносилась магнитофонная музыка и звуки застолья. Спать после всего, случившегося за вечер, не хотелось и я, переодевшись, направился навестить девчонок.

— О, Пашенька пришел! — пропела Галка. — Заходи, заходи, сокол ты наш.

В комнате находилось человек пять, и только один из двух парнишек был мне незнаком. Вторым был житель нашего отеля, бессменный сантехник ЖКО, вечно

озабоченный, где бы опохмелиться, Захар. Третьей девочкой была дежурная по общаге Ольга.

— Добрый вечер, господа! Что празднуем?

— Садись рядышком, Пашенька. День рождения у Светы.

— Неудобно как-то без подарка.

— Ты сам подарок, Паша! Видишь, у нас не комплект, — засмеялась Галка.

— Вижу. Минуточку, я к себе сбегаяю, у меня муксун малосольный есть, ребята из Нягани привезли.

— Муксун — это класс! — многозначительно произнес, уже порядком набравшийся, Захар.

— Выпей сначала за мое здоровье, — протянула стакан с водкой именинница, — успеешь за муксуном.

— Ну, Света, что тебе пожелать? Счастья и здоровья, а остальное сами добудем, — я выпил.

— Спасибо, Паша!

Я сбегал к себе, и притащил привезенного накануне моим хорошим знакомым, главным инженером Няганьского СМУ, килограммового муксуна. Компания оживилась и повеселела.

— Давайте танцевать! — Галка потащила меня из-за стола.

На крошечном, свободном пространстве у двери она плотно прижалась ко мне своим жарким и упругим телом, и мы затоптались почти на месте под танго, зазвучавшее вполне кстати.

— Тесновато у нас, давайте в коридор что ли, — предложила Светлана, но я возразил:

— Поздно уже, перебудем народ.

— Так завтра же воскресенье.

— Не для всех. У меня бетонщики работают, да и командированные по воскресеньям пашут.

— Ну, как хотите. Тогда, давайте, выпьем что ли?

Через полчаса веселье начало угасать по причине большого количества выпитой водки и позднего времени.

— Пора, пожалуй, и честь знать, спасибо за угощение, девчата, — я поднялся и, попрощавшись, отправился к себе.

Не успел я снять одежду и угнездиться в постели, как дверь открылась и в комнату бесшумно впорхнула Галка. Она бесцеремонно откинула край одеяла и нырнула ко мне, обдав терпким запахом духов и алкоголя:

— Пашенька, — жарко задышала мне в щеку девушка, крепко обхватив меня руками и прижимаясь все плотнее и плотнее, — ну, поцелуй меня. Чего ты, как каменный?

— Поздно уже, Галка, шла бы ты к себе, устала наверно.

— Не устала, не устала, Пашенька, хочу тебя, сил нет! Ну, поцелуй меня, что ли, ну давай!

И я сдался. Через полчаса, когда Галка уснула, прижавшись щекой к моему плечу, я долго мучался, балансируя на краю и чувствуя холод железяки, вылезшей из-под съехавшего матраса, потом потихоньку выбрался из кровати, поднял ее на руки вместе с одеялом и отнес к ним в комнату, даже не разбудив уснувшую Светку. Вернувшись к себе, я еще долго лежал с открытыми глазами, перебирая в памяти минувшие события этого дня. «Завтра выходной, можно поспать подольше», — промелькнуло в последний момент, и с этой мыслью я провалился в сон.

День второй. Зима

Третий день я сидел в военкомате и аккуратно подпisyвал новенькие папки для всяких секретных бумажек. Всякий раз, осмотрев мою работу, военком цокал от удовольствия и начинал нахваливать:

— Молоток ты, Паша, приятно посмотреть!

— Стараемся, товарищ майор.

— Может грамм по-надцать?

— Это можно, только помаленьку. А то вчера через край получилось.

— А много и нет.

— Так я могу слетать.

— Не стоит, мне все равно в белый дом топать, на обратном пути прихвачу.

Минут через тридцать военком ушел. Я остался наедине со своими папками, закурил и неожиданно начал думать о том, что происходит там, в нашем дорогом управлении сегодня и сейчас?..

...В начале зимы на стройку прибыло очередное начальство и, осмотрев наше с изрядно загаженными углами хозяйство, в кратчайшие сроки приказало построить на территории десятков новых сортиров.

— Андреич, давай сами состряпаем, — предложил Юра, недавно переведенный к нам на участок из снабжения, — это ж — гольные деньги! Возьмем еще Николаевича, дней за пять управимся. Я думаю, рублей по двести пятьдесят выйдет. Можно в склад готовой продукции доски забросить: там все-таки крыша над головой и не дует. А потом развезем по площадке и краном расставим.

— Мудро. Надо только с Иосифом согласовать, наряд-то ему подписывать.

— Я все согласую. Анечка, набросай нарядик, да погляди, чтобы пожирнее получилось.

— Тут, Юра, ничего нового не придумаешь, цена давно известна. Туалет на два очка — девяносто четыре рубля.

— А может быть, что-нибудь помаракуем?

— Нет, Юра, калькуляция еще в прошлом году утверждена.

— Жалко! Ну, да ничего, и это хлеб.

— Ладно, вы тут маракуйте, а я пошел.

— Куда вы, Павел Андреевич? — привстала Анечка.

— На котельную.

— Тогда я с вами. Мне нужно наряды Белкиным подписать.

— Минут через пятнадцать на четвертый подходи, мне еще к Геннадию Николаевичу зайти надо.

На четвертом я Геннадия не застал. В вагончике находились только мастера. Я поздоровался и попросил:

— Мужики, передайте Геннадию Николаевичу, что я его искал.

— Присаживайся, Паша, чайку попьем. — пригласили меня.

— Да, нет, некогда. Не забудьте, пожалуйста, — пусть меня найдет.

— Не беспокойся, передадим.

Я решил не дожидаться Анечки и двинулся на котельную, подумав, что она не заблудится, дойдет и одна. На отметке три пятьдесят я лицом к лицу столкнулся с Настей, несущей куда-то ведро извести. От неожиданности она едва не оступилась и чуть не окатила меня из этого ведра.

— Ой, Павел Андреевич, простите, пожалуйста, вы так неожиданно появились, — и в глазах ее заиграли лу-

кавые смешинки. — Вы к нам в бригаду? Я, как истукан, молчал, как обычно ошарашенный этой всегда неожиданной и желанной для меня встречей, и любовался ярким, здоровым румянцем на щеках запыхавшейся девушки, которая занимала так много места в моей не слишком загруженной голове. Наконец я очнулся, вернулся к реальности и смог говорить:

— Добрый день! А где Иван Иванович?

— Он на третьем ярусе металлоконструкции красит. Пойдемте, я вас провожу, как раз туда собиралась. Я посторонился, пропуская Настю к лестнице, и тронулся следом.

— Что-то вы редко у нас бываете, Павел Андреевич. — Настя обернулась, и в ее глазах снова заметались веселые искорки. — Уже и забыли, когда в последний раз видели.

— Да, я два дня назад Ивана Ивановича видел, вроде в бригаде все в порядке, вопросов не было.

— Так-то оно так, но свежий глаз всегда бывает не лишним, особенно если это глаз начальства.

— Так у вас сам Шааб намедни был.

— Вы же знаете, какой он строгий: ни поговорить, ни новостей узнать.

— Да, какие у нас новости, опять нашествие очередное ждут. Теперь из министерства.

— Теперь вас, поди, и вовсе не увидишь?

— А, дьявол его знает! Сейчас пойдут всякие совещания, да заседания, только поворачивайся. Как у нас в армии говорили: если не дурак, держись подальше от начальства и поближе к кухне.

— А я по вам соскучилась, Павел Андреевич, — внезапно сказала Настя, вгоняя меня в краску в очередной

раз. — Что, думаю, могло случиться с нашим начальником, вес нет и нет, уж не заболел ли?

Не зная, что и ответить на такой недвусмысленный намек, я продолжал молчать, полагая, что так будет лучше. Мы поднялись на очередную площадку лестничной клетки и Настя пошатнулась, едва успев поставить ведро на пол. Я подхватил ее, и она обвисла у меня на руках всем своим, ставшим вдруг тяжелым и податливым телом.

— Что с вами, Настя?

— Ох, Павел Андреевич, — жарко выдохнула она, повернув голову к моему лицу, — что-то сердце зашло!

Дверь на площадку распахнулась, и в проеме показались Иван Иванович, поддерживающий под локоток Анечку. Настя неожиданно напряглась и, слегка оттолкнув меня, выпрямилась, как ни в чем не бывало. «Вот, блин, попал», — подумал я, опять невольно краснея.

— Добрый день, Иван Иванович! Вот, поднимались к вам, и Насте стало плохо. Надо бы в медпункт ее отвезти — забормотал я, пытаюсь как-то объяснить происходящее.

— Спасибо, Павел Андреевич, мне уже лучше, — победно глядя на ошарашенную Анечку, сказала Настя, подхватила ведро и, высоко подняв голову, скрылась за дверью.

Анечка, только и успевшая полоснуть ее презрительным взглядом в спину, перевела глаза на меня, безмолвно вопрошая: что же это такое? Я сделал вид, что ничего не произошло, и повернулся к Иван Ивановичу:

— Как дела? Завтра министерское начальство пожалует.

— Да, дела, вроде, ничего, — ответил бригадир, молча наблюдавший всю эту сцену, и сразу определивший, что к чему.

— У диораторных баков стяжку закончили?

— Вы же знаете, Павел Андреевич, второй день с раствором лихорадит. Мы бы еще вчера закончили, а так, видишь, железо красим, что бы не стоять.

— Ладно, с раствором завтра будет порядок: вторую бетономешалку пустят. Ты уж, пожалуйста, не подведи, Иван Иванович. Опять, как видишь, какая-то комиссия, мать ее, приезжает. Сам понимаешь, котельная — сердце стройки! — я почти оправился от неожиданного конфуза.

— Не беспокойся, начальник, когда это мы тебя подводили?

— Ну, добро, тогда я пошел. Аня, ты на участок, или как?

— На участок, Павел Андреевич, — не глядя на меня, ответила Анечка.

— Заходите почаще, Анна Афанасьевна, всегда рады, — расшаркался перед нормировщицей дед. — А то редко бываете, некому и посоветовать. И вы, Павел Андреевич, нас не забывайте! — с ухмылкой глянул на меня Иван Иванович.

Сделав вид, что не заметил этого взгляда, я повернулся и стал спускаться. Следом за мной понуро двинулась Анечка. «Ишь, старый хрен, еще и насмехается», — промелькнуло в голове. Выскочив из здания на свежий, морозный воздух, я отдышался и внезапно решил пойти на четвертый, известив об этом Анечку.

— А, вы, во сколько подойдете, Павел Андреевич? — поинтересовалась девушка. — Наряд-задания подписать бы нужно, у Шааба все руки не доходят, а бригады без нарядов работают.

— Если не вернусь — считайте коммунистом! Готовь кофе, Анечка, минут через двадцать подойду, — круто

повернувшись, я бодрым голопчиком запрыгал по тропинке, решив по дороге заскочить на кессон, где готовились к бетонированию днища.

У кессона, бетонного кольца диаметром метров десять, накрытого брезентом, стоял кран и копошились бетонщики.

— Ну, как, генератор подвезли?

— Уже опустили в колодец.

Теплогенератор мы выпросили в аэропорту за пять кубов бетона. Надо сказать, что без этого агрегата мысль забетонировать днище у опускного колодца станции оборотного водоснабжения была абсолютно абсурдной. На дворе стояла зима, и прогреть бетон, уложенный в водоносный слой с работающим постоянно водоотливом, например, электропрогревом, было крайне рискованно и даже опасно. Можно было запросто угробить кого-нибудь. Вот и пришлось выпрашивать генератор для разогрева двигателей. Правда, работал он на бензине, а не на солярке, что тоже было опасно, но механик из аэропорта проинструктировал мужиков, как с ним обращаться:

— Не боги горшки обжигают, не крути, чего не надо, не суйся, куда не надо, и все будет о,кей!

И сейчас я с бригадиром полез под брезент посмотреть: все ли готово. Убедившись, что все в порядке, мы выбрались наверх.

— Ну, лады, я пошел заказывать бетон, а ты колошу проверь, а то намучаетесь.

— Скажи, чтобы по кубу возили, не больше. А то будем к днищу примораживать. Пусть лучше самосвалов побольше поставят.

— Ладно, не волнуйся, организуем, — и я пошел к вагончику четвертого участка, где застал вернувшегося-

ся с объектов Геннадия. — Здорово, дело есть! Подожди только минуточку, позвоню. Алло, Валя, это я, давай! Только по кубу, а то прохладно, наморозим. Да, я все понимаю, что машин не хватает. Я тебе Юрку подошлю, и у Николаевича самосвальчик стрельну. Давай, дорогая! До сколько будем работать? До победы, пока не закончим, тут останавливаться нельзя. Выручай, Геннадий! Самосвал позарез нужен.

— А куда тебе так срочно?

— Днище на оборотке бетонить начинаем.

— Поможем коллегам? — Геннадий повернулся к мастерам. — Коля, распорядись! А, что за дело-то у тебя?

И я вполголоса поведал о Юркиной идее насчет постройки туалетов:

— Организуем все в лучшем виде, да и деньги на дороге не валяются.

— А, что, можно! — загорелся Николаевич. — Я на четырехрамнике договорюсь насчет доски, чтобы сами подвезли, а ты бензопилу организуешь. А если Шааб зартачится, пропустим наряды через нас.

— А, чего ему артачиться? Деньги получим — вместе отметим!

— Это верно.

— Я пойду! Там Анечка кофе затеяла, пошвыркаю до бетона.

— Балует она тебя. Зря девке голову дуришь.

— Да, я, вроде, никаких надежд не подавал.

— Это, конечно, хорошо, но я на твоём месте как-то поостроже себя вел бы. Девчонка влюблена — обидеть ее не трудно.

— Ну, уж и влюблена!

— Это невооруженным взглядом видно. Ладно, топай, сердцеед хренов! Я прилетел в свой вагончик, где суети-

лась Анечка, попил горячего кофе и пошел встречать первую машину с бетоном. Уложив первые три машины в подготовку, мы бросили на свежий бетон пару поддонов из-под кирпича, установили краном генератор, и в ожидании нового подхода бетона накрыли кессон брезентом.

— Может, сейчас растопим? Пусть молотит, хуже не будет.

— В принципе можно. Все, какой никакой подогрев в перерывах.

— Ну-ка, дай инструкцию, еще раз почитаем.

— Сколько ее читать можно! Открыть подачу топлива, зажечь бензин, включить вентилятор — и вся недолга.

— Так то оно так, но все же.

— Да, мы уже раза три заводили и ничего.

— Ну, тогда полезли, — и мы с бригадиром нырнули под брезент. Дальше я все помню так отчетливо, как будто все происходило в замедленной съемке. Я действовал строго по инструкции. Бензин загорелся, но по неизвестной причине вентилятор не включился, и через пять секунд пламя охватило весь агрегат. Видимо, сработал инстинкт самосохранения, и я завопил, останавливая бросившегося к лестнице бригадира:

— Стоять!!!

Прямо сквозь пламя я сунул руку к вентилю и перекрыл подачу топлива. Затем песком, насыщенным водой, попытался сбить огонь с бака:

— Чего стоишь? Давай помогай, мать твою!

Вдвоем мы погасили горящий бак. Остальной огонь затих сам: выгорел кислород под брезентом. Чертыхаясь, кашляя и матерясь, мы выбрались наверх, заставив своим видом вытаращить глаза всех присутствующих при

этом. Наверно, выглядели мы не ахти. Рукав полушубка у меня прогорел и до сих пор дымился, крепко воняя паленой шерстью.

— Ну и видок у вас! Где это вы так прикоптились?

Я молча снял пахнувший бензином полушубок и притоптал рукав в ближайшем сугробе, Краснопалов смачно выматерился, ни к кому конкретно не адресуясь. Уже потом, когда мы с бригадиром умытые и успокоившиеся сидели в балке, до нас дошло, что могло бы произойти. А, ну, как бы рванул бензобак? Дикое веселье навалилось на нас:

— Представляешь — два поджаренных поросенка! Ах-ха-ха!

— Это точно, осталось только яблоками обложить!

— Почему же, все-таки, вентилятор не сработал?

— Так рубильник вырубил, когда агрегат краном переставляли, а потом не включили. Не думали же, что до окончания заводить станем.

— Вот так, блин! Век живи — век учись!

— Один хрен — дураком помрешь. Кому суждено утонуть — тот не сгорит!

— Ну, ладно, хорош ржать, бетон пришел. Проверь, когда включать снова будете, да на подстраховку чеповечка поставь. Береженого — бог бережет!

— Да, уж, это точно.

— Я на участке, если что.

В вагончике Анечка только ахала, когда я со смехом рассказывал, как мы чуть не поджарились.

— И, что характерно, даже руку не обжег! Полушубок, правда, жаль.

— Повезло вам, дуракам, однако! — констатировал Шааб. — Сейчас бы к похоронам готовились.

— Типун вам на язык, Иосиф Антонович! — в ужасе всплеснула руками Анечка. — Разве можно такое говорить?

— Семь раз проверь — один раз отрежь! Тогда и говорить не о чем будет, и ахать. Хорошо, что хорошо кончается.

— Ладно, Атоныч, хорош меня воспитывать! Пойду, проверю все, а то, как бы чего снова не случилось, — я поднялся из-за стола...

...Мои размышления прервал резкий телефонный звонок. Я потянулся, отложил перо и поднял трубку.

— Алло, это военкомат?

— Военкомат.

— А можно военкома?

— Его сейчас нет, он в белом доме. Часам к четырем обещал быть.

— А кто это говорит?

— Посторонний.

— Паша, это ты, что ли? — я, наконец, узнал Юркин голос.

— Ну, я. А ты что, соскучился что ли, или что случилось?

— Тут, понимаешь такое дело: Шааб уезжать собрался. Жена ему ультиматум поставила: или он в Тагил возвращается, или пошел к черту, вот так!

— Ну, а я тут причем?

— Так на тебя приказ готовят. В общем, бросай свой военкомат и принимай дела на участке. Ты слышишь меня, или от счастья оглох?

Я маленько помолчал, переваривая услышанное, и произнес совершенно спокойным голосом, так как новость меня не колыхнула ничуть:

— Это уж пусть начальство договаривается, а так, мне еще неделю здесь париться. И, кстати, Юрок, тут не так уж и хреново: тепло, светло, и мухи не кусают. К тому же — работа не пыльная.

— Мы сейчас к тебе с Шаабом и Николаевичем подъедем, начальство им поручило с военкомом договориться. Так что жди гостей.

— Давайте, только закусь захватить не забудьте, а то тут — шаром покати.

— До встречи!

— Будь!

«Ишь, ты!» — подумал я. — «На повышение пошел. Оно конечно не плохо, да и зарплата повыше тоже. Но, правда, и забот побольше. Хотя, чего там, дело-то в общем знакомое». Я собрал папки, отнес их в сейф, туда же сунул пузырьки с цветной тушью и перья. За окном уже начинало смеркаться. «Зима», — мелькнуло у меня в голове, — «три часа только, а уже темнеет». Час пролетел незаметно, и вот с шумом и гамом в кабинет ввалились трое моих коллег, позванивая бутылками в черной матерчатой сумке.

— Здорово, Паша, как жизнь молодая? — облапил меня Витька.

— А где Юрок? Он мне тут недавно названивал.

— На хозяйстве оставили, — пояснил Шааб, деловито раскладывая содержимое сумки прямо у военкома на столе.

— А, хозяин нас к черту не пошлет? — попытался я вмешаться.

— Аркадий — мой лучший друг! — возразил начальник. — Так что не гони пургу. А где он сам-то?

— Да, еще не вернулся. В белый дом утопал.

— А, к кому?

— В орготдел.

— Это мы его сейчас быстро вернем, — сказал Шааб, присаживаясь к телефону. — Давай, Геннадий, нарежь колбаску. А, ты, на, приказ почитай!

В приказе указывалось, что в связи с увольнением по собственному желанию Шааба Иосифа Антоновича, исполняющим обязанности начальника третьего участка назначить Овечкина Павла Андреевича.

— Не соглашайся, Паша, — оторвался от колбасы Геннадий Николаевич, — на кой фиг тебе всякие «ио»? Пускай приказ переделывают.

— Переделают! — забрал приказ Шааб. — Я, блин, сразу не заметил, а то бы сходу перепечатали.

— Ну, что, дозвонился?

— Бежит уже. Витя, доставай посуду, вон там, в тумбочке. Через пару минут в кабинет влетел военком:

— Привет честной компании! Здорово, Иосиф! Сколько лет, сколько зим?

— Здравия желаю! Знакомься. Это — Геннадий, а это — Виктор.

— Аркадий! — военком по очереди пожал протянутые руки. — Какими судьбами, мужики?

— Да, вот, за Павлом приехали. Уезжаю я, Аркадий, до дому, до хаты, как говорится.

— Да, ну? А Паша при чем?

— Дела принимать будет.

— Э, нет, мужики! Он у меня тут хоть порядок навел, любо дорого смотреть. Так что извиняйте, мужики, только через неделю.

— Так я понимаю, Аркадий! Мы ведь не с пустыми руками, — Шааб кивнул в сторону стола, — да и замену нашли: настоящего художника, нашего, из управы.

— А допуск у него есть?

— Есть. В секретке служил.

— Ну, тогда ладно.

— Хотя, если честно, ну какие тут у тебя, Аркадий, к черту секреты, так, чепуха всякая.

— Ну, не скажи!

— А чего мы, мужики сидим-то, водка ведь стынет, — Геннадий разлил в стаканы.

— За встречу! — Шааб опрокинул стакан. — Закусывайте, ребята, а то окосеем. — Давай, давай, женишок, наваливайся. Вон, сырку возьми. Сыр — цемент для жёлудка. Слышал Паша, Витек-то наш жениться надумал.

— Ну, да!

— А че, мы — не люди что ли?

— На Валюхе, надеюсь?

— А, то! Вчера заявление подали.

— И когда свадьба?

— Ну, еще не скоро: через два месяца.

— Молоток! Так и надо, человек без семьи, как ветер в поле, — Геннадий Николаевич разлил по второй. — Давайте-ка, мужики, за молодых! Пусть у них дом будет полной чашей!

— Ты, Геннадий, чего, свадебную речь готовишь что ли? Спешишь, однако. У них, у молодых, сейчас — как сошлись, так и разбежались!

— Ну, это ты зря, Антонович! За вас, Виктор! — и я поднял стакан. — За счастье!

— Антонович, только что бы без обмана, завтра же художника давай! У меня через неделю комиссия.

— Все будет в порядке, господа присяжные заседатели, как говаривал наш друг Остап! Не журишь, Аркадий, не подведем.

— Я все, мужики, — поднялся Виктор, — мне пора!

— К ненаглядной торопится, — хохотнул Шааб. — А кто же все это допивать будет?

— Не трогай парня, Антоныч! Давайте-ка лучше за Пашу выпьем, — поднял стакан Геннадий, — у него сегодня день рождения, так сказать. Будь здоров Павел, а главное — не бойсь, если что, поможем!

— Ну, за это и я, пожалуй, — Витька выпил, попрощался со всеми и, набросив на плечи полушубок, выскокил за дверь.

— А, пошли-ка лучше ко мне, мужики, — предложил Шааб. — У тебя Аркадий хорошо, но контора скоро закрывается. Давайте, пока при памяти, приберем, присутственное место все-таки: с утра люди придут, да и бабам поменьше будет, о чем языки чесать.

Я стоял и никак не мог сообразить, что я делаю возле Настиного вагончика. Свежий, морозный воздух почти привел меня в чувство. Зачерпнув пригоршню снега, я растер им лицо и почти отрезвел. «Ну, блин, козел Вася», — зазвучало тревожно в светлеющей голове, — «хорошо, если никто не заметил!». Я резко повернулся, но, не успев сделать и трех шагов по темному переулку, лицо в лицо столкнулся с идущей навстречу Настей. Девушка от неожиданности ойкнула, но, разглядев, кто перед ней, расцвела улыбкой и всплеснула руками:

— Павел Андреевич, вы откуда?

Я стоял молча, растерявшийся от этой неожиданной встречи, и глупо таращился на Настю.

— Ой, да что с вами, Павел Андреевич? Вы вроде не в себе, — затормошила меня Настя, и я очнулся.

— Э...да... вот, от Иосифа Антоновича иду... На работу вызвали...

— Так вам, вроде, не по дороге, Пал Андреевич, — лукаво, как тогда на котельной, взглянула на меня Настя.

— Да? А где это я?

— На Садовой, а вам на — Монтажникы надо.

— Бывает! — я потоптался на месте, не зная, что говорить дальше в такой идиотской ситуации. — Пить меньше надо.

Девушка с улыбкой посмотрела на мою горящую огнем физиономию и, тронув за рукав полушубка, сказала негромко:

— А пойдете, Павел Андреевич, я вас чаем напою. С вареньем.

— Неудобно как-то, поздно, да и мальчика вашего разбудить можем.

— А его нет, он у бабушки гостит. Холодно стало, да и топят неважно, вот я его и отправила к нам домой, там и теплее и витаминов побольше. Пойдете, Павел Андреевич, замерзли же совсем.

Я никак не мог прийти в себя от такого, неожиданно свалившегося подарка судьбы, и молча двинулся рядом с девушкой, стараясь попасть в такт ее шагам. Настя ключом открыла дверь, и мы вошли.

— Раздевайтесь, Павел Андреевич, у меня, правда, не слишком тепло, но мы сейчас обогреватель включим. Я, когда ухожу, выключаю его от греха, а то и сгореть недолго. Раздевайтесь, давайте ваш полушубок. Проходите в комнату, не стесняйтесь, — и Настя упорхнула в крошечную кухоньку, где загремела посудой, что-то готовя.

Я прошел в комнату и огляделся. Вагончик был, как и все остальные в поселке ПМК. Точно в таких же жили и Шааб, и Виктор, и Геннадий Николаевич с семьей.

Только Витька занимал в вагончике одну крошечную комнатушку, деля его с Верой, а, скажем, Шааб жил один. Ну, так на то он и начальство. И грязи у Витьки всегда было по колено, кроме тех дней, когда выведенная из себя бригадирша из-под палки заставляла красавца навести порядок. У Насти было чисто и уютно, как и везде, где чувствовалось присутствие женских рук. Я щелкнул кнопкой выключателя маленького «Рекорда», но передачи уже закончились и, вспыхнувший голубым светом, экран ничего не показал. На журнальном столике, возле дивана лежала книга стихов Булата Окуджавы, заложённая клочком газеты. Я открыл и прочитал:

«Когда в прекрасный день Разносчица даров
вошла в мой тесный двор, бродя дворами,
я мог бы написать, себя переборов,
«Прогулки маляров», «Прогулки поваров»...
Но по пути мне вышло с фрайерами».

«Однако!», — я перелистнул еще несколько страниц, узнавая знакомые строки любимого поэта.

— Павел Андреевич, помогите, пожалуйста! — раздалось из кухни.

На кухне Настя вручила мне две тарелки с нарезанной колбасой, сыром и маринованными огурчиками, она уже успела где-то переодеться в длинный, почти до пола, шелковый халат:

— Несите в комнату, ставьте на стол. Я сейчас чай принесу.

— Может быть, Настя, здесь посидим? Чего грязь разводите?

— Идите, идите! Здесь же повернуться негде, — она подхватила поднос с заварным чайником и чашками и решительно двинулась в комнату, пресекая все мои по-

пытки вмешаться. — Павел Андреевич, вилочки еще захватите, пожалуйста!

Я покорно двинулся следом. Настя открыла дверцу встроенной стенки и достала шикарную, с разукрашенной этикеткой бутылку украинской горилки. Такую же я видел только однажды, когда мы справляли день рождения у Иосифа с пол года назад. Видимо, из одного источника. Настя протянула бутылку:

— Откройте, Павел Андреевич.

— Нет проблем! Только я, Настя, наверно, не буду, — не слишком решительно произнес я.

— Чуть-чуть, вам сразу легче станет. Это наша водка, с Украины, она лечебная.

— Ну, если лечебная, то капли три можно. Настя, а где вы Окуджаву достали? Сейчас это редкость, мне вот никак не попадается.

— Случайно, проездом через Свердловск, в букинистическом. А вы, что любите его? Так я вам подарю. Да что это мы все вы, да вы. Давайте, на ты?

— Ну, тогда не давайте, а давай.

— Давай. Можно я вас, ой, прости, тебя, буду называть Пашей. Вы не беспокойтесь: это только здесь, между нами.

— Да, я и не беспокоюсь. А ты, Настя, как сюда, на север попала? Здесь жизнь не слишком балует, особенно женщин.

— Обыкновенно. Был муж, да сплыл. А тут дядька и предложил подзаработать, ну, я и поехала, деваться было некуда.

— Какой дядька?

— А вы не знаете. Белкин Иван Иванович — дядя мне. Вот он и предложил. Я подумала, подумала, да и согла-

силась. У нас там с работой, особенно для женщин, плохо, а с жильем и вообще глухо. А вы, да что я это, ты, как здесь оказался?

— По распределению. Второй год работаю, вроде ничего.

— А родные где?

— Сейчас в Куйбышеве. У меня только мать, да отец.

— И ни братьев, ни сестер нет?

— Увы!

— Ах, ты, бедненький, одному плохо! У меня только братьев трое, да еще две сестры. Давай, горяченького подолью. Может быть еще капли три?

— Даже и не знаю. А, впрочем, давай! Мне завтра в контору только к девяти.

Настя привстала со стула, наливая мне в рюмку, и в разрезе халатика я увидел оголившуюся матовую кожу ее напрягшегося, стройного бедра. В горле у меня пересохло, а сердце забилось, как бешеное. Стараясь не подать вида, я уткнулся в чашку с чаем и отвел глаза. Пора до хаты, а то, как бы чего не случилось! А впрочем...

— Закусывай, Паша! Мне эти огурчики Надежда в столовой презентовала по благу.

— Спасибо, Настя! Мне уже, наверно, пора?

— Ну, если вы так торопитесь, Пал Андреевич! — внезапно напряглась девушка, вновь переходя на вы.

— Я думаю, ты уже устала. А, потом, незванный гость — хуже татарина!

— Почему-же — незванный? Я же вас пригласила.

— Если б я не шарахался по улице в подпитии, вряд ли имел бы честь быть приглашенным.

— Какая разница, тебе что: чай не понравился, или хозяйка? — улыбнулась Настя и положила свою теплую

ладонь мне на запястье. — Побудь еще немного, а то я все одна, да одна.

— Да, я понимаю, — смутился я, и в горле у меня пересохло. — Ты не обижайся, я что-то сегодня не в себе.

— А почему, Паша? — Настя наклонила голову набок и, снова улыбнулась, взглянув на меня.

Я покраснел, и почувствовал, что у меня загорелись даже уши, чего со мной отродясь не случалось. Девушка встала и вышла на кухню за чем-то, а я опять заметил мелькнувшее в разрезе халата белое очертание стройной ноги. «Тьфу ты, прямо, как в той присказке: я сегодня очень-очень сексуально озабочен», — вновь отвел я глаза.

— Паш, расскажи о себе, — попросила вернувшаяся Настя.

— Да, ничего интересного, все, как у всех: сначала школа, потом институт. Студотряды, конечно, романтика и прочая мура. Хотели в армию призвать, но, что-то не сработало, а отсюда уже и не берут.

Девушка встала, подошла к креслу, в котором я расположился, и присела на подлокотник, касаясь моего плеча тугой грудью. Ее рука ласково взъерошила волосы у меня на голове:

— Какие волосы у тебя пушистые, как у котенка, — она прижалась лицом к моей голове, и я почувствовал макушкой ее горячее дыхание.

Не слишком уже соображая, я встал, обнял, сразу же отяжелевшее в моих руках тело, и наши губы слились в долгом, передающем все потаенные желания, поцелуе.

— Наконец-то, а то я думала, что ты никогда не решишься, дурачок! — прошептала она мне на ухо, когда мы перевели дыхание, и это было последним, что я запомнил, проваливаясь в огненную пропасть.

День третий. Весна

Весна выдалась ранней и бурной. В апреле резко потеплело, побежали ручьи, упали дороги. Леспромхоз прекратил вывозку леса, а дорожный участок поставил технику в гараж, готовиться к техосмотру, так как продолжать работы по отсыпке не было никакой возможности. Я носился по участку, как взмыленная лошадь, Юрка болел, простудившись. Он ухитрился искупаться на рыбалке и отлеживался дома с температурой под сорок. Анечка, невесть откуда узнавшая о том, что я хожу в гости к Насте, почти не разговаривала со мной, кроме как на темы, касающиеся работы. Впрочем, я подозревал, откуда почти вся контора была осведомлена о моих амурных делах. В соседках у Насти проживала Наталья, секретарь нашего начальника, дама во всех отношениях достойная, но на язык невоздержанная. Я уже пару раз намекал ей, держать язык за зубами, но как видно не вполне доходчиво. Ко всему прочему, в управление ожидалось очередное начальство, а туалеты, которые мы соорудили зимой, покосились, просели и имели довольно плачевный вид. Так что забот хватало, только успевай поворачиваться.

С утра я, как обычно, обежал бригады, повидался с Настей, которую не видел дня три, поругался по телефону с завскладом. Это же надо, отдала все полученные бензопилы на четвертый участок. Потом долго уговаривал Геннадия поделиться и, получив, все же, пару, вернулся на участок. Кофе, конечно, не было, да я бы и не решился попросить Анечку, сидевшую с неприступным видом у себя за столом, сварить его. Осведомившись о том, кто звонил, я связался с приемной:

— Алло, Наталья? Привет! Соедини с шефом.

— Привет, Паша! Виктора Михайловича нет.

— А где он? Вчера на планерке сказали, из Москвы начальство приезжает, когда ждать-то?

— Он в аэропорт и поехал. Зам начальника главка Родин летит.

— Вот блин, только его и не хватало! — я даже плюнул под ноги, заслужив осуждающе-неприступный взгляд Анечки.

Антон Семеновича Родина я знал еще с зимы, с тех самых дней, как принял у Шааба наше беспокойное хозяйство. Шааб, под суматоху отъезда, сдал участок по середине месяца, и, когда месяц этот закончился, я обнаружил в своем подотчете невосполнимые прорехи. Не хватало, ни много, ни мало: около пяти тысяч квадратных метров стекла, кубов двести бетона, состава кирпича. Ну, с кирпичом все было понятно: его возили в самосвалах, разгружали, вываливая прямо на землю, так что горы кирпичного щебня имелись по всей стройплощадке. А, вот, куда делся вагон стекла, которым можно было все объекты остеклить раза три, было совершенно неясно. Самое смешное, что в конце списка недостачи красовались пять полшубков и три бензопилы «Дружба», что наводило на определенные размышления. Сначала я расстроился, но, поразмыслив, решил, что за две недели украсть такое количество материалов невозможно, а скандалы никому не нужны. Усевшись за стол, я бодро составил акт о списании и направился с ним к начальнику управления, Пшенскому Виктору Михайловичу, человеку беспокойному и всегда крайне

занятому. Виктор Михайлович все вопросы решал быстро и размашисто. «А чего тут думать?» — частенько любил повторять наш начальник.

— Чего тебе, Павел? Давай, покороче, дел невпроворот! — сразу взял быка за рога начальник, когда я притащился к нему с моим актом.

— Да, вот, актик на списание, — скромно произнес я.

— Давай, подпишу — и широкая подпись легла поперек бумаги. — Ты лучше расскажи, как дела на участке?

Я прибрал драгоценный листок в папку, и долго распинаясь о наших несомненных успехах на ниве отечественного строительства, чем и заслужил одобрительное похлопывание по плечу, шагающего по кабинету туда сюда, начальника. Сложнее все эти дела было объяснить главбуху, женщине ответственной, и к тому же — секретарю партийной организации.

— Ну, ты, Паша, даешь!

— Это не я, Мария Анатольевна — это учет у нас такой.

— Особенно — бензопилы с полушубками! Ну, Шааб!

— Ну, так как, Мария Анатольевна, списываем?

— А куда же тебя, дурака, девать? Придется.

— Ну, тогда я пошел.

Вот в это непростое для меня время и прибыл из Москвы толкать сдачу второй очереди комбината Антон Семенович Родин. Этот рыжий, беспокойный старик, сразу же нарушил относительный покой, царивший на площадке. Планерки стали проходить трижды в день, притом последняя кончалась обычно часам к десяти вечера. Не знаю, как это влияло на производство, но нервы трепало постоянно. И вот сегодня, когда у Витьки в пять вечера должна была состояться свадьба с Ва-

лентиной, прибывал человек, способный нарушить размеренный ход вещей. Особенно тогда, когда некем было подмениться и скосить.

Я еще раз плюнул под ноги и заслужил еще более яростный взгляд Анечки. Попив водички из бачка, я начал размышлять, как поинтереснее вывернуться из этой ситуации. Раздавшийся телефонный звонок отвлек меня от моих невеселых раздумий.

— Алло, Паш, ты? — звонил Геннадий Николаевич.
— Слышал, Родин прилетает, что делать будем?

— Слышал. Сейчас я подойду, помаракуем вместе.

— Ну, давай, жду! — в трубке раздались короткие гудки.

— Анечка, я на четвертый, а потом буду на ДСП, если кто спросит. Удостоившись в ответ холодного кивка кудрявой головки, я вышел из вагончика. По-весеннему влажный ветер приятно щекотал лицо. Пахло набухающими почками вербы и вытаявшими отбросами долгого, зимнего периода нашей жизни. На четвертом я застал только Геннадия.

— Ты же свидетель. — вместо приветствия начал он.

— То-то и оно! А как смоешься, если этот старый хрыч прибыл?

— Слушай, Ген, а что если смотаться нагло, часов в пять, с Юркой на самосвале. Его загнать куда-нибудь подальше, чтобы в гараже не видели, а потом скажем: поехали, дескать, на очистные, застряли. Телефон там, сам знаешь, уже два месяца не работает.

— Может, конечно, сработать, но уж больно по-детски.

— А куда деваться? Юрке скажем, чтобы нос в гараже часов до десяти не показывал, да, и, поди, не расстреляют, ежели что.

— Часов в одиннадцать нарисуются, я полагаю. Своят на завтрак после самолета и к нам. — вместо ответа, немного помолчав, сказал Геннадий. — Давай, попробуем!

— Ладно, Ген, пойду, посмотрю, что на ДСП делается, ко мне первому попрутся.

— Ну, давай, я тоже к своим слетаю.

На цехе древесно-стружечной плиты трудилось шесть бригад человек по двадцать. Самой многочисленной была бригада каменщиков Василия Басиева, мужика склочного, готового пойти на любой конфликт. Я уже не раз лаялся с ним по разным поводам. То им не вовремя раствор подвезут, то у раствора не то качество, а то просто филонят, холодно, видишь ли. Вот и сейчас бригада в полном составе восседала на той же отопительной трубе, хотя горячую воду уже как неделю отключили. Напротив Басиева стояла с опущенной головой Анечка и что-то выслушивала от разгоряченного, размахивающего руками, бригадира.

— Да, в гробу я видал твои наряды, сама за них работай! — донеслось до меня.

— Как вы можете, Василий Николаевич? - со слезами в голосе возражала Анечка.

— Ты еще воспитывать меня начни, пигалица!

— Что за базар, опять баклуши бьем? Чего снова бузу развели? — я повысил тон, так, чтобы в голосе зазвенел металл, и бригадир обратил на меня внимание.

— Павел Андреевич, он наряды порвал! — чуть не плача сообщила Анечка.

— Кто?! — я просто остолбенел от такой неслыханной наглости.

— Вот он, — и Анечка указала на бригадира.

Я прямо таки побелел от злости, чувствуя, как закипает в груди. Бригада настороженно следила за развитием событий, не вступая, однако, в конфликт, и не делая резких телодвижений. Стараясь оставаться спокойным, я глубоко вздохнул и произнес коротко, но, как можно тверже:

— Басиев, ступайте в прорабку, разговаривать будем там.

— Чего, чего?

— Вы отстраняетесь от работы, вот чего!

— А, кто ты такой, чтобы меня от работы отстранять?

— сощурил глаза бригадир.

— Как вы, Басиев с начальником участка разговариваете? — попыталась вмешаться Анечка.

— О, заступница объявилась! — издевательски захохотал наглец. — Может, сопли ему подотрешь?

— Анечка, отойди! — я повернулся к бригадиру. — Басиев, я вам второй раз повторяю: ступайте в прорабку!

За развитием конфликта уже наблюдали все работающие, которые в этот момент могли слышать и видеть происходящее. Бригадир плотников Дима Краснопалов даже сделал несколько шагов в нашу сторону.

— Да, пошел ты! Забирай свою подстилку и шагай куда хочешь! Начальник вшивый нашелся.

Анечка вздрогнула, как от удара, закрыла лицо руками и бросилась прочь. Не помня себя, я резко повернулся и, как учили в секции бокса, где я в детстве занимался лет пять, нанес по ухмыляющейся, наглой физиономии удар, начиная от опорной ноги и вкладывая в него вес всего тела. Над трубой взлетели, обутые в калоши, валенки бригадира и в цехе повисла тишина. Я стоял, тяжело дыша, не зная, что предпринять дальше. Пауза затягивалась, тишина становилась вязкой, прямо-таки осязаемой.

— Ну, что смотрите, поднимите его! — скомандовал каменщикам подошедший Дима. — Хороший удар, Паша! Расскажи, где научили.

Я встряхнул головой, пытаюсь сбросить, как наваждение, стоящую перед глазами картинку, а Краснопалов, обняв меня за плечи, продолжил:

— Да, не расстраивайся, правильно ты ему врезал. Не педагогично, но правильно. Охамел он в последнее время.

— Да, чего уж правильного? — выдавил я, наконец. — Надо было, как-то по-другому, наверно.

— По-другому иногда не получается, командир.

— Пойду я, Дима, доложу начальству.

— Это — правильно! Если сам не доложишь — эти, — он кивнул в сторону притихшей бригады, — доложат обязательно. Неприятностей, конечно, не оберешься, но не робей! Если нужны будут свидетели, зови, не стесняйся.

— Спасибо, Дима! — я пожал крепкую ладонь бригадира плотников.

Пока я добрался до вагончика, поднявшись по дороге на кровлю к Белкину, весть о происшествии уже облетела стройплощадку. Встретившиеся по дороге, кто сочувствовал, высказывая поддержку, кто, молча, лишь кивнув головою, старался проскочить мимо, пряча глаза. Набрав номер управления, я попросил Наталью соединить меня с начальником, но, так как того не было на месте, меня соединили с главным. Главный выслушал мой сбивчивый рассказ, похмыкал и сказал:

— Я сейчас профком подключу, а ты в это дело больше не суйся, помалкивай лучше в тряпочку. Мне еще только мордобоя на площадке не хватало. Ты в курсе,

что Родин приехал? Не дай бог, до него еще дойдет! Лучше проверь, чтобы исполнительная документация в порядке была, а то накрутят кое-что на кулак и орать не разрешат.

Я положил трубку. Анечка поставила передо мной чашку с кофе:

— Попейте, Павел Андреевич, сахар я положила.

— Спасибо, Анечка!

— Это все из-за меня! — снова всхлипнула нормировщица. — Не надо было вам ничего говорить.

— А, ну, прекратить слезы! — нарочито бодрым голосом прикрикнул я. — Не бери в голову, Анечка, бог не выдаст — свинья не съест! Он давно напрашивался, вот и получил.

— Но неприятности-то теперь у вас будут.

— Не так страшен черт, как его малюют. Раздался телефонный звонок. Звонил Геннадий:

— Наслышан уже! Ты, главное, не тушуйся! Я тут с Краснопаловым переговорил — не все так плохо. Постарайся только с разборками не тянуть: война войной, но главное — маневры! Свадьба не отменяется в конечном итоге. Ладно, давай, на обеде увидимся.

В столовой мы с Геннадием и Анечкой, тоже приглашенной на свадьбу, обсудили проблемы предстоящего вечера, стараясь не касаться темы утреннего происшествия, а сразу после обеда меня вызвали в управление к начальнику. Когда я пошел в кабинет, там сидел секретарь партийной организации и наш главный механик, Бурашов Павел Николаевич, и, прибывший из столицы, заместитель начальника главка, Антон Семенович Родин.

— Здорово, Овечкин! — поздоровался Родин и протянул руку.

— Здравствуйте, Антон Семенович, — я ответил на рукопожатие заместителя и скромно встал в углу, опустив глаза и выразив на лице искреннюю скорбь.

— Ну, рассказывай, как дошел до жизни такой?

Я поменял выражение лица на глупое, пытаюсь всем своим видом показать, что не понимаю вопроса. Дверь открылась, и в кабинет вошел главный.

— Ты чего Ваньку валяешь?! — в резких тонах начал парторг. — Вот заявление — он помахал смятой бумагой, — вся бригада подписала!

— Ну, тогда вы все и так знаете, чего спрашивать, — огрызнулся я.

— Он еще и хамить пытается! — возвысил голос парторг. — Я, Виктор Михайлович, отказываюсь разговаривать с этим товарищем, — обратился он к начальнику управления.

— погоди, Павел Николаевич, не все тут так просто. Случай, конечно, вопиющий, но надо же разобраться.

— А чего тут разбираться, Виктор Михайлович, гнать его в шею надо, вот и все.

— Э, ребята, постойте, — вмешался Антон Семенович, — так мы всех мало-мальски грамотных мужиков разгоним! Участок у него работает и работает неплохо. Показатели не хуже других, а даже лучше, так что с плеча рубить не следует, разобраться надо.

— Не знаю, не знаю, Антон Семенович! — продолжил парторг. — Но и так этого дела оставлять нельзя.

— Это естественно, наказать нужно, но и разобраться тоже нужно.

— Ты чего, Николай Иванович? — обратился начальник к вошедшему главному.

— Я тут акт профкома принес. Они проверку по этому случаю провели.

— Когда это они успели? — удивился парторг.

— А, как только Овечкин позвонил, так и выехали.

— Ты что, Овечкин звонил в управление? — вопросительно взглянул на меня начальник.

— Звонил.

— Вот это ты молодец! — похвалил Родин. — Не испугался ответственности, молодец!

— На, почитай, — протянул бумагу парторгу начальник управления. — Ты выйди-ка пока, Овечкин, мы подумаем тут, что с тобой делать. Следом за мной в приемную вышел главный инженер и, подмигнув мне, улыбнулся. Наташка с любопытством смотрела на нас.

— Не журись, Апонас! — главный был родом из Симферополя и любил иногда блеснуть знанием украинского. — Считай, что Урал ты уже переплыл. Скажи спасибо Краснопалову, он комиссии кое-что поведал, так что выговорешником отделаешься, я думаю.

— Спасибо, Николай Иванович!

— Мне-то за что? Ты Солнушкину пузырь ставь, он же бумагу подписывал.

— Это — без вопросов!

— Только больше таких фортелей не выкидывай, есть и другие способы с говнюками разобратся. Понял?

— Понял!

— Ну, и ладненько. Наташа, я на площадке, если кто будет спрашивать.

— Николай Иванович, моим скажите: пусть самосвал за мной отправят, а то, когда я доберусь.

— Передам. Ты тут больно не задерживайся, я там за твои засранки перед Родиным краснеть не собираюсь.

Главный вышел, а я присел на стул и громко вздохнул с облегчением.

— Что, пронесло? — спросила Наталья.

Я только кивнул в ответ. В этот момент раздался вызов из кабинета начальника.

— Тебя, — кивнула секретарша в сторону двери, и я вошел.

Парторг сидел с красным, почти багровым лицом и даже не повернулся в мою сторону. Родин что-то читал, не поднимая головы, один начальник как-то среагировал, когда я вошел:

— Ну, вот, что, Овечкин, мы тут посовещались и решили объявить тебе выговор с предупреждением за твое безобразное поведение. Кое-кто настаивал на твоём увольнении, но мы подумали, что человек ты еще молодой, и можешь исправиться. Так что, иди, работай и больше таких глупостей не делай. Все ясно?

— Так точно.

— Ну, тогда шагай, да скажи Наталье, пусть чайку нам занесет. Передай главному, что встречаемся у пакетоформировки в половине третьего.

На улицу я выскочил вполне счастливым человеком. Порывисто выдохнув из легких, хлынувший в них, уже нагретый к обеду воздух, я перешел дорогу и залез в кабину ожидавшего меня самосвала.

— Ну, что? — спросил меня Юрка.

— Выговор... с предупреждением.

— А, хреновина все это, — повеселел водитель, — от выговора еще никто не умирал. Куда едем?

— На участок, гости скоро пожалуют.

Часам к четырем обойдя наши с Генкой объекты, начальство направилось на встречу с заказчиком.

— Уф, ты, кажись, пронесло! Пошли Паша, чайку попьем.

— Пойдем, да и мотать уже скоро пора. Витька волноваться станет, если я к половине шестого не появлюсь, еще обидится.

— Юра без десяти пять подъедет, у нас еще минут двадцать пять есть.

— Пошли ко мне, своим позвонишь по телефону, а мне еще надо Анечку проинструктировать, чтобы чего лишнего не ляпнула.

— Ну, к тебе, так к тебе.

Спустя полчаса, напившись кофе у меня на участке, мы уже мчались по дороге в сторону поселка, и Юрка слушал инструктаж: что ему нужно делать сегодня вечером и где ему лучше не появляться.

Ровно в половине шестого я выскочил из машины у железнодорожного вокзала и зашагал в сторону загса, который находился метрах в двухстах. Возле маленького одноэтажного здания уже толпился народ.

— Ты где пропадал? — бросился ко мне Витька. — Я уже было хотел Виталика попросить в свидетели.

— Родин приехал, еле с Генкой смылись. Завтра еще саек получать, видимо, придется. Ну, что, пошли, что ли, с богом?

— Пошли! — и мы вместе вошли в распахнувшиеся двери.

Потом была торжественная процедура, при которой мы со свидетельницей, Валиной подругой, мне совершенно не знакомой, стояли позади жениха с невестой и молча потели, так как в избушке нечем было дышать. Заведующая говорила долго и со знанием дела, а я, мечтая поскорее выскочить на свежий воздух, тупо смотрел, как у Витьки по шее стекает пот прямо на белоснежный во-

рот рубашки. После этого все пили шампанское и целовались друг с другом. Я тоже приложился к свидетельнице, которую звали Маша, отчего она сильно смутилась и стала пунцовой.

— Ты кончай мне смущать подруг жены, — на правах новоиспеченного мужа заявил Виктор, — поди, даже и не познакомился?

— А вот тут ты как раз и ошибся, правда, Маша?

Я выскочил отдышаться на улицу. Потом мы прокатились на двух «жигулях» по дороге до промплощадки, поскольку другой приличной трассы в поселке не было, и я постарался, что бы меня никто не заметил через стекла машины, когда мы разворачивались у ворот.

К семи часам машины доставили нас к ресторану с громким названием «Тайга», где нас уже ожидали остальные гости и родственники.

— Ну, как там у нас? — спросил я Анечку, усаживаясь рядом с женихом. — Не шибко пену гнали?

— Я сказала, что вы с Геннадием Николаевичем уехали на очистные, а больше меня никто и не спрашивал.

— Вот и славненько! А, где Геннадий?

— Да, вон же он, рядом с Солнушкиным сидит.

— Теперь вижу. Давай, что ли выпьем, пока суть да дело, за дружбу. Или ты совсем со мной дружить не хочешь?

— Потерпите минуточку, Павел Андреевич, неудобно как-то, — укорила меня Анечка, — вон уже и тамада тост произносит!

— Так он же за молодых тост поднял, а я за нас предлагаю. Давай, Анечка!

— Вам бы все насмеяться над девушками, Павел Андреевич! А, мы ведь тоже люди.

— Ну, это ты что-то не то завела! Можно подумать, что я какой-то женоненавистник.

— А, вот в этом вас как раз, никто упрекнуть и не может, — не преминула уколоть меня Анечка.

Все гости встали, и мы с Анечкой прервали нашу ни к чему не обязывающую пикировку.

— За молодых! Пусть дом их будет полной чашей! Совет, да любовь! Выпили, и зал загомонил, как обычно, когда спадает первое напряжение, вызванное ответственностью момента. Присутствующие расслабились, стали проще и добрее.

— Витя, ну и как в новом качестве?

— Еще не понял!

— Валя, ты чувствуешь — он еще не понял! Пора мальчику объяснить, что к чему, а то, ишь ты, не понял.

— Паша, плесни жениху, а то он скис, вроде бы!

— Сам ты скис, сфинкс небритый!

— Это сейчас так модно.

Заиграла музыка. Жених и невеста вышли на вальс. Глядя на них, зашевелились и гости. Я пригласил на танец Машу, чем вызвал явное неудовольствие Анечки.

— Паша, а почему вы вашу девушку не пригласили? Видите, как она обиделась, так нельзя.

— Это, Маша, не девушка, а мой подчиненный. Как вы понимаете, на работе амурные дела не приветствуются.

— Так мы же сейчас не на работе. И девушка — она всегда девушка, подчиненная, или нет, какая разница. Вам должно быть стыдно за ваше поведение.

— Мне уже стыдно, обязуюсь со следующего танца исправиться! Потом мы танцевали уже с Анечкой, она повеселела и раскраснелась. Через час все перезнакомились, и свадьба покатила по накатанной колее, тем

более что тамада попался расторопный и неглупый. В разгар веселья мы с Витькой и председателем профкома Солнушкиным вышли покурить на улицу. Вернее, Витька просто вышел подышать и составить нам компанию, так как отродясь не курил.

— С меня бутылка, профсоюз! — я прикурил от протянутой зажигалки. — Если бы не ваш акт — кранты мне!

— А, ерунда, с кем бы они остались? Сейчас человек десять инженерно-технических работников недокомплект, а уж начальника участка и подавно негде взять.

— Все равно спасибо!

— Мужики, кончайте о работе, вы же все-таки у меня на свадьбе!

— Ой, мальчики, а мы вас потеряли! — затараторили наперебой, выскочившие из дверей ресторана Валентина и Анечка. — Пойдемте танцевать, без вас скучно!

— Прошу, мадам! — я галантно подставил локоть Анечке.

— Не мадам, а мадмуазель, — ответила Анечка, беря меня под руку.

— Витя, не отставайте! — и мы ринулись в гремящий, танцующий зал. Часам к девяти возбужденная и радостная Анечка, никогда так много не пившая, слегка захмелела.

— Я с вами, — заявила она, когда мы в очередной раз отправились курить,

— Я тоже хочу попробовать и узнать, что вы находите в этой гадости?

— Анечка, дорогая, я тебе плохого не посоветую, — сказал Солнушкин, доставая пачку «Столичных», — никогда не пробуй и проживешь счастливую жизнь.

— Нет, я хочу попробовать! — закапризничала Анечка. — В жизни все нужно узнать.

— А вот с этим можно и поспорить! Иногда лучше ничего не знать и жизнь будет куда как спокойней. На, пробуй! — я протянул девушке сигарету.

— Но не обижайся, если станет плохо.

Анечка затянулась и зашлась долгим кашлем. Мне пришлось подхватить ее и усадить на скамейку рядом с рестораном. Глаза у нее вовсе помутнели, и прошло не меньше пяти минут, прежде чем она окончательно пришла в себя, выдохнув остатки никотина.

— Фу, как вам не противно! Это же такая гадость, я даже и не подозревала.

— Пошли в зал, а то нас, наверно, потеряли.

— Посиди со мной, Паша, ну, хотя бы пять минут, — Анечка взяла меня за руку и потянула к себе, здесь так хорошо, весной пахнет.

Я присел рядом и вслушался в звуки ночного поселка. Где-то в районе депо подавал гудки тепловоз, а на нижнем складе леспромхоза звенели пилы, кряжуя заготовленные хлысты. Звезды мерцали на темном бархате небосклона, едва подсвеченного у горизонта осветительными мачтами работающего комбината. Поселок жил своей особенной, ночной жизнью, и от привычного этого шума становилось теплей на душе.

— Поцелуй меня, — неожиданно повернув ко мне лицо, сказала Анечка, и закрыла глаза.

Не долго думая, я прижался губами к пухлой, прохладной от ночного воздуха щечке. Анечка широко открыла глаза и почти испуганно посмотрела на меня.

— Не так, — еле слышно произнесла она. Но я ничего не мог с собой поделать.

— Ты же знаешь, Анечка, как я к тебе отношусь? Ты мой самый верный и самый лучший друг.

Не дослушав меня, девушка стремительно поднялась и почти бегом бросилась туда, где гремела музыка, и звенели голоса. Она чуть не сшибла с ног выходящего председателя профкома.

— Что это с ней? — удивленно спросил он меня.

— Просто — я скотина! — немного помолчав, ответил я, и, не замечая немого вопроса Левы, скрылся в раздевалке.

— Ты куда? — пытался остановить меня Виктор, когда я одевшись появился из дверей, но я, извинился и, сославшись на работу, вышел под звездное небо и зашагал в сторону поселка ПМК.

В окнах у Насти не было света, но после моего стука она тотчас открыла дверь, как будто знала, что это я и никого другого просто не может быть. В темноте я нашел ее губы и поцеловал так, что сам чуть не задохнулся, чувствуя после всех этих свадебных страданий потребность в ласке любимой женщины, желание ощутить тепло ее большого, горячего тела, прильнувшего к моей груди.

— Дурачок! — едва слышно выдохнула Настя. — Я чуть не задохнулась, сумасшедший. Пойдем скорее, я тебя накормлю.

— Я же со свадьбы, глупенькая, сыт до безобразия.

— Ну, пойдем, чего мы у порога-то.

Я снова облапил Настю, вдыхая лавандовый запах ее волос и пьянея от ощущения нежности к этой дорогой и любимой мною женщине.

— Пашенька, ну, погоди, любимый... ну, хоть разденься! Соскучился, мой маленький, давай я тебе помогу. Не торопись...ах!

Горя от нетерпения, я бросил пальто прямо на пол, отшвырнул куда-то ботинки и, подхватив Настю на руки, понес в комнату. Обхватив меня за шею и прерывисто дыша, она зашептала мне в ухо:

— Тяжело ведь, давай я сама... ох, не могу!

Но я уже почти ничего не соображал и не слышал.

Мы лежали, укрывшись одной простыней, оглушенные и опустошенные тем безумством, которое только что пережили. Яркие звезды подмигивали нам сквозь квадрат незанавешенного окна с уже начинающего светлеть безоблачного неба.

— Может быть, чаю попьем, а то мне скоро идти, — я оперся на локоть и поцеловал Настю в прикрытые ресницами глаза. — Или лучше поспи, на работу скоро, а я дома попью.

— Полежи минуточку, я сейчас встану, — ответила Настя и, помолчав немного, неожиданно добавила. — А мне муж письмо прислал.

— Какой муж? — не сразу сообразил я.

— Обыкновенный, который груш объелся.

После этой фразы я, наконец, обрел способность адекватно воспринимать реальность. Муж! Я припомнил, что где-то в прошлой жизни у Насти был муж. И ребенок, который сейчас гостил у бабушки. Тишина в комнате была такой, что было слышно тиканье часов у соседки за стенкой. Мне показалось, что она была готова вот-вот взорваться. Но ничего не произошло и я, совершенно обескураженный, задал идиотский вопрос:

— Ну, и что?

— Да, ничего.

Напряжение повисло в комнате, оно было вязким, не давало дышать. Я судорожно откинул простыню.

— Куда ты, Пашенька, полежи, — Настя обняла меня, прижавшись к плечу горячей грудью. — Сейчас я поднимусь, попьем чаю и пойдешь. Ты что, обиделся? Ну, и зря! Я же не собираюсь ему отвечать.

— Да не, не обиделся, — промямлил я не слишком убедительно.

— Обиделся, обиделся, я же чувствую! — затормошила меня Настя, покрывая лицо поцелуями. — Глупенький, я же тебя люблю! Ну-ка, быстро улыбнуться, хватит хмуриться!

Потом мы сидели на кухне, и пили чай, а получасом позже я уже летел по просыпающемуся городку строителей к общежитию, начиная жить уже другой, привычной и обыденной жизнью.

День четвертый. Лето

Проснулся я рано и, не открывая глаз, лежал и прислушивался к тишине, наполнившей спящее общежитие. Слышно было лишь мерное брнчание куска окалины от сварки в отопительной трубе теплового пункта за стеной. Для душа нужна была горячая вода и бойлер не отключали даже на лето. На душе скребли кошки, будущее уже не казалось ясным и безоблачным. «Плевать! Сначала схожу в отпуск, а там будет видно», — проскользнула первая четкая мысль. Окончательно проснувшись, я начал перелистывать в уме события вчерашнего дня...

...Выскочив из столовки я бросился к дороге, голосуя, едущей со стороны гаража и поднимающей клубы пыли, машине. Она резко притормозила у обочины и я, заб-

равшись в кабину, поздоровался с шофером и Геннадием, сидевшим рядом:

— Добросите?

— А, ты что, без транспорта?

— Да, нет, просто Юра в отпуске, а сменщика я забыл предупредить. Слышал, всех субподрядчиков собрали, из всех трестов. Видно, Родин на совещании разборки будет делать.

— Наслышан. Черного кобеля не отмыть до бела, надел — хуже горькой редьки. Во сколько совещание?

— В девять. Только тогда уж не черного, а рыжего.

— Один хрен!

— Это точно!

Развернувшись и высадив нас у ворот комбината, зилок лихо развернулся и полетел на базу. На территории было тихо, пахло только что напиленным тесом. Смена с четырехрамника уже уехала, а автобус с нашими рабочими мы обогнали по дороге.

— Хорошо! — произнес Геннадий Николаевич, подставляя лицо под лучи уже начинающего припекать солнца. — Сейчас бы, куда-нибудь на природу махнуть, с удочкой посидеть.

— Пошли, будет тебе и белка, будет и свисток, рыбачок! — и мы зашагали к пакетоформировочному цеху, где с недавнего времени в один ряд были выставлены вагончики всех участков, включая субподрядчиков.

— Чтобы не бегать и не искать каждого по отдельности! — заявил старик Родин. — И на охране, заодно, сэкономите.

Проходя мимо склада смол, мы одновременно услышали странные, заунывные звуки, доносящиеся, как будто из-под земли.

— Слышал? — спросил Геннадий.

— Угу, — кивнул я, — только не пойму, откуда это.

Новый, теперь уже с подвыванием звук раздался почти из-под ног. Переглянувшись, мы одновременно шагнули к открытой горловине ливневого колодца, крышка которого валялась рядом. На глубине почти шести метров в бетонной, центрифугированной трубе колодца сидела наша сторожиха с бутылкой красного в руке и, раскачиваясь, жалобно подвывала.

— Ух, ты! Как только шею не сломала, бедолага?

— Там песка конус насыпался — вот и самортизировала.

— Мягкая посадка, что и говорить, даже поллитра не разбилась.

Услышав голоса, сторожиха завывала еще громче, временами переходя на лай.

— Надо бы ее как-то достать, — Геннадий Николаевич оглянулся. — Дима, — окликнул он проходящего Краснопалова, — подойди сюда!

Подошедший бригадир заглянул в колодец и все понял:

— Как же ее оттуда, болезную, выволочь?

— Слушай, а может лесенку по-быстрому сколотить?

— Не, у нее ноги затекли сидючи, не подняться ей по лесенке, да и не в себе она.

— Вот, что, — решительно предложил я, — возьми мужиков человека четыре и веревку у кладовщицы — одного спустите, ну, а потом по очереди поднимите.

— Вот это — вернее будет, — и Краснопалов отправился за веревкой.

— Я скорую вызову, вы ее погрузите, не бросайте, а то еще окочурится! — крикнул я ему вслед.

— Погрузим, не беспокойся.

— Ну, я пошел скорую вызывать, давай до обеда! — я повернул к своей прорабке.

Позвонив по телефону, я вышел на воздух, решая куда идти сначала. Поздоровавшись кивком головы, серой мышкой прошмыгнула в вагончик Анечка. Она так и не простила мне равнодушия и вероломства с той самой Витькиной свадьбы, но, кажется, уже почти утешилась, переключив все свое внимание и нерастраченную нежность на нашего нового мастера Семена Яковлева. Ах, Сенечка такой, Сенечка этакой, а не хотите ли Сенечка кофию! Тьфу, нечистая! А, впрочем, уж не ревную ли я? Этого еще не хватало. Пусть у девчонки будут хоть какие-то радости, она этого заслужила. Я достал пачку сигарет, прикурил и направился к ДСП, где бригада Белкина заканчивала, начатую еще в прошлом году, кровлю. Взлетев по лестнице наверх, я тут же наткнулся на Настю, с которой не виделся дня четыре.

— Привет! — я улыбнулся, как можно шире. — Как дела? — и уже в полголоса, — Не соскучилась?

— Здравствуйте, Павел Андреевич! — Настя показала глазами на подходящего бригадира, но что-то такое, неестественное, промелькнувшее в ее голосе меня настрожило.

— Доброе утро, Иван Иванович!

— Доброе, доброе, Павел Андреевич! — бригадир протянул руку. — Ты бы, Настюха, слетала до кладовицы — все рукавицы в битуме, возьми пар десять, — повернулся он к Насте.

— Хорошо, Иван Иваныч, и гвозди кончились.

— Не потащишь же ты гвозди, скажи Петру, пусть сам сходит. Перекурим, начальник?

— Только что выбросил.

— Ну, тогда так посиди, погода, вишь какая — петь хочется!

— Давай посидим, а то в десять опять шею мылить начнут.

— Родин что ли?

— Он самый. Ну, как тут у вас дела?

— Да, нормально, ты не волнуйся, когда мы тебя под-
водили? Через две недели можешь вести заказчика на
приемку, — бригадир как-то странно посмотрел на меня,
и я нутром почувствовал неладное.

— Вот за это спасибо, Иван Иваныч! Только что-то
ты глаза прячешь, давай, говори, что еще случилось?

Бригадир присел на поддон, приглашая меня сделать
то же самое. Я устроился рядом.

— Тут, понимаешь, такое дело, — он мгновение по-
молчал, — у Насти муж приехал.

Он посмотрел на меня и, увидев мою растерянную
физиономию, торопливо продолжил:

— Ты, Паша, только сгоряча дров не наломай. Я по-
нимаю, что непросто все это, но и ее понять можно: отец
имеет право видеть свое дитя.

— Где он раньше-то был? — откашлявшись, глухо
спросил я.

— Чужие дела потемки, начальник. Что там у них
было, и что будет — не нам решать. Ты главное не бес-
покой ее сейчас, глядишь, все само утрясется. Она — жен-
щина правильная, не девчонка, пусть сама решает. А как
решит — так тому и быть. Я правильно мыслю?

Я сидел молча, раздавленный свалившейся на меня
новостью, не зная, что и отвечать. В голове крутились
несвязные мысли, никак не желавшие выстраиваться в
строгий логический ряд.

— Ну, ладно, ты тут посиди немного, а я пойду к бри-
гаде, — поднялся Иван Иванович. — Не переживай, ко-
мандир, все образуется.

Белкин ушел, а я еще минут десять сидел, переваривая в себе обиду, или еще что-то, и не мог решить, плакать мне, или смеяться. С одной стороны умом я понимал: бригадир прав, но, как говорится, сердцу не прикажешь, а оно подлое ныло не на шутку. Шум стройплощадки наконец привел меня в чувство, я поднялся и, спустившись вниз, продолжил обход бригад.

К десяти у штабного вагончика собралось все местное и прибывшее из других городов и весей начальство.

— Здорово, Паша! — ко мне подошел начальник управления монтажников Стас Рубцов, мой хороший приятель. — Сто лет тебя не видел.

— Привет! Ты когда приехал?

— Да вчера еще. Как тут у вас?

— Воюем, сейчас сам увидишь. Вечером посидим?

— Обязательно. А Геннадий где, не в отпуске?

— Здесь, сейчас подойдет, да и кто ему отпуск летом даст, ты что, очумел.

— Анечка как себя чувствует?

— А что с ней делается, цветет.

— Ей тут наши девушки посылочку передали.

— После обеда передашь, она сейчас в управление поехала наряды сдавать.

К вагончику подъехал «уазик» из которого вышли Родин, начальник управления Виктор Михайлович и главный инженер нашего треста Степанян. Все приглашенные вслед за начальством втиснулись в вагончик. Мы с Геннадием устроились на скамейке возле самой двери.

— Товарищи! — начал Родин. — Мы пригласили вас, чтобы обсудить ход строительства и выявить причины

сдерживающие его. Руководство главка не удовлетворяет положение дел по освоению выделенных капитальных вложений...

Под монотонную речь Родина я отключился и заново начал переваривать все, что сегодня так неожиданно свалилось на меня. Слова бригадира повергли меня в шок, и я все прикидывал, как же мне вести себя с Настей. Конечно, решать придется ей, но ведь и я в этой истории, как бы не посторонний. Почему она мне сама ничего не сказала, не знала, или решила не тревожить понапрасну. Хотя, чего пугаться, я же обо всем знал с самого начала.

— ...необходимо шире применять бригадный подряд. Овечкин, ты бы еще захрапел! Тебе что, не интересно?

— А я, что, я ничего.

— Сиди и слушай, у тебя дела тоже не ахти, под шлиф-машину фундамент заporоли!

— Уже исправили.

— Вот, вот, а сразу сделать, как положено — тямю не хватает! Прошу всех руководителей подразделений высказаться по существу.

Начался рутинный разговор о несвоевременном снабжении, нехватке людей и прочей белиберде. Я скосил глаза и начал наблюдать в приоткрытую дверь за возней щенков недавно оценившейся суки нашей сторожихи, прижившейся прямо тут же, под вагончиком. Не сторожихи, естественно, а суки. Мне было не до тонкостей стилистики, а просто тошно. И грустно. И хотелось напиться. Фундамент под шлифовальную машину мы действительно чуть не заporоли, хорошо, послушались совета Геннадия Николаевича, и верхний обрез залили чистой цементной смесью. Но, то ли она при твердении

деформировалась, то ли еще что, а подгонять ее по сотным отметкам пришлось, строгая топором, под ехидные улыбки технадзора.

...а у Геннадия Николаевича, и вовсе бардак. Как вы можете объяснить, что распредкамера аэротенок треснула. Я даже знаю, что вы мне скажете: бетон фуфло, мужики пьяные, а вы где были?

— Антон Семенович, я же вам вчера объяснял.

— Болтать, не работать, Геннадий Николаевич, пора и честь знать.

— А здесь вы не правы, Антон Семенович! Без вас тут тоже ничего не стояло, однако — стоит, — сорвался Геннадий.

— Вы мне кончайте эту демогогию разводить. Вы где вчера вечером были, когда мы тут сидели?

— А, когда вы тут сидели?

— Вы что, издеваетесь!? Или за придурков нас держите? Или считаете, что дисциплина не для вас?

— Да ничего я не считаю.

— Пить меньше надо!

Вот тут я встrepенулcя и почувствовал, что сейчас что-то будет.

— А, при чем тут пить?

— От вас с Овечкиным и сегодня разит, Геннадий Николаевич!

— А, вы, что, нам наливали, Антон Семенович? Нет. Ну, тогда и засуньте язык в одно место!

— Вы как со мною разговариваете, Геннадий Николаевич?! Что вы себе позволяете?!

Я окончательно очнулся и приготовился к интересному кино.

— А вы? Кто вам дал право так со мною разговаривать?

— Похмеляться с утра надо — настроение будет лучше!

— А вы налейте — я похмелюсь! Языком молоть — много ума не надо.

И тут Родин вдруг молча открыл тумбу стола, достал початую бутылку коньяка и стакан, так же молча налил его почти до верху и, пододвинув к краю столешницы, сказал короче некуда:

— На!

Геннадий поднялся, подошел к столу и, не смущаясь, в полной тишине на глазах очумевших от его нахальства присутствующих выпил залпом. У меня аж слюна заполнила рот, и я невольно сглотнул ее, вызвав всеобщее веселье.

— Спасибо, Семен Антонович, давно коньяка не пробовал!

— Садись, садись, бедолага, а то, гляжу, вот-вот померет! — махнул рукой Родин и уже серьезно продолжил. — А порядок наведи, пожалуйста! Продолжим.

Я приготовился снова слушать, а на душе стало еще муторней. На улице пригревало солнышко, чирикали дерущиеся воробьи, а в сумраке штабного вагона до сих пор, казалось, пахло промозглой сыростью замороженных зимою стен. Все больше в душе нарастало желание бросить все к черту и удрать подальше, куда-нибудь в лес, чтобы забыться.

— ...Овечкин, ты что, издеваешься что ли? — пробил-ся сквозь путаницу мыслей голос Родина. — Будь добр встать, когда с тобой начальник говорит! Совсем оборзел, дальше некуда!

И тут неожиданно для всех, а самое главное и для самого себя, я выдал?

— А, пошли вы все!

Хлопнув дверью, я выскочил на улицу. В меня словно бес вселился.

— Овечкин, вернитесь! — донеслось из вагончика, но я уже рванул, не разбирая дороги к цеху, размахивая руками вслед отъезжающему от него самосвалу. Уже в кабине, придя в себя, я понял, что мне остается делать.

— Юра, ты меня у конторы высади.

В приемной я написал заявление на увольнение и вручил его под роспись, вытаращившей от изумления глаза, Наталье. Потом зашел в отдел труда, сказал Анечке, что Стас привез ей посылку и направился в столовую — неожиданно проснулся зверский аппетит. Когда я уже доедал второе, в дверях появился Витька.

— Ну, ты даешь, Паш! Родин аж позеленел от злости, говорят!

— А что, закончилось совещание?

— С пол часа назад. Что делать думаешь?

— В отпуск пойду, два года не был.

— А дальше?

— К соседям прорабом приглашали, может быть туда, а может быть совсем уеду, надоели до чертиков эти севера, пора обстановку менять.

— Ты, это, не руби с плеча! Обдумай все спокойно.

— Да, я уже спокоен, как слон, не суетись, садись лучше кушать.

Подошла с подносом Анечка.

— Здравствуйте, Виктор Петрович. Разрешите?

— Садись, дорогая, садись! Слышала, как наш Паша отличился?

— Нет, — насторожилась Анечка, — а что случилось?

— Да он в расстроенных чувствах дал начальству... как бы это покультурней сказать... продышаться!

— Кончай трепаться, иди обед бери!

— Аня, ты его пока покарауль, а то он возбужден больно, как бы чего еще не вышло.

— Что случилось, Павел Андреевич? — участливо заглянула мне в глаза Анечка, она прямо светилась вся желанием помочь мне.

«Эх, Анечка, святая душа», — подумал я, — «ударят по правой щеке — подставляй левую!», но вслух сказал другое:

— Не волнуйся, землетрясения не будет! Полаялся с начальством, так не в первый раз.

— А он не сказал, что заявление об уходе написал? — спросил вернувшийся Витька.

— Как заявление? — у Анечки округлились глаза. — А как же участок?

— Свято место — пусто не бывает!

— Это точно, — фыркнул Витька, — была бы шея — хомут всегда найдется! Ладно, все перемелется — мука будет. Как говорится: утро вечера мудренее.

— Сейчас не вечер, — неожиданно сказала Анечка, — сейчас — обед!

— Хорош хоронить-то меня! Ты лучше расскажи, как Валя?

— На сохранении лежит, вчера положили.

— Ой, Виктор Петрович, а в какой палате?

— В гинекологии, а в какой палате, еще и сам не знаю.

— Мальчики, вечером все идем к Вале! — безапелляционно заявила Анечка. — Вы знаете, в каком сейчас состоянии находится женщина, поддержка ей, как воз-

дух. Так что, ищите яблоки, апельсины и вперед. Когда у них часы посещения?

— После пяти.

— Значит, в шесть встречаемся у больницы!

Вернувшись после обеда на площадку, я постарался не встретиться до вечера ни с кем из власти предрежающих и мне это удалось. Пару раз на горизонте маячил неугомонный Родин, но каждый раз мне удавалось улизнуть по спасительным пожарным лестницам. Правда, по телефону меня выловил главный и обругал дураком:

— Ты, что, ничего лучше заявления об уходе не придумал. Какая блоха тебя укусила? Я понимаю, у всех нервы, но и сдерживаться надо!

Не мог же я ему объяснить, что у меня проблемы с любимой женщиной. Это было моим и никому не должно было быть до этого никакого дела. Правда, встретившись в шесть часов у больницы с Анечкой, я понял, что все мои страдания и прочая мура — секрет полишенеля: в нашей деревне все тайное быстро становилось достоянием общестственности.

— У Насти муж приехал, я слышала? — Анечка отвела взгляд.

— Ну и что?

— Ничего. — И после минутного молчания. — Паша, ты не расстраивайся, все образуется.

— Что вы все меня жалеете! — взорвался я. — Сам как-нибудь разберись, без сопливых! Извини, нервы.

— Я понимаю.

— Что за базар, орешь, аж за километр слышно? — подошедший Виктор держал в руке букет незабудок.

— Ничего, — Анечка глубоко вздохнула. — Где это вы, Виктор Петрович, цветы добыли?

— Из леса, вестимо, Анечка! Возле нашего места, где день строителя отмечаем, нарвал.

— Красивые. Только, наверно, не разрешат в палату, в гинекологии с этим строго.

— Ну, тогда — на, держи!

— Давайте сначала Вале покажем, ей приятно будет, а потом я их на участке поставлю, пахнут они замечательно.

— Ну, что, пошли? — я подхватил авоську с фруктами, висевшую на заборе. — Глядеть бодрее, нечего Валю в дела наши грешные посвящать, ей сейчас волноваться вредно.

Вечером мы с Витькой выпили понемножку, но настроения не было, и я ушел часов в восемь. Вернувшись в общагу, я поторчал часа полтора у телевизора, отбил настойчивые, любовные наскоки Галки и, отправившись к себе в келью, попытался забыться с «Тремя мушкетерами», которых я обнаружил, забытых кем-то, у телевизора. Заново переживая приключения храбрых вояк, я и заснул...

...Лучи солнца, почти не заходящего за горизонт в это время года, отразились от зеркала, повешенного на двери, и, ослепив меня, вывели из состояния внутренней созерцательности, в которой я находился с момента пробуждения. Пора вставать, я взглянул на часы, половина седьмого. Быстро умывшись и побрившись, я надел свежую рубашку и, почистив туфли, отправился в столовую. Война войной, а обед по расписанию.

— Привет, Паша! — улыбнулась из-за стойки Надежда. — Ты чего это хулиганить вздумал?

— О чем ты, Надя? — я прикинулся, что ничего не понимаю.

— Да о вчерашнем.

— Вот, блин, ни фи́га в нашей деревне не скроешь. А что вчера-то случилось?

— Ты Ваньку-то не ломай! Все судачат, как ты Роди́на послал куда подальше.

— А, что я его ножиком пырнул, не говорят?

— Тебе бы все зубоскалить! Ешь, давай, а то на работу опоздаешь.

— А, я сейчас человек свободный, куда хочу, туда и лечу.

— Это, когда заявление подпишут, а раньше не рыпайся.

— Да, видал я их всех в гробу!

— Не кипятись, тебе, что, трудовую испохабить хочется? Работай спокойно, а там видно будет.

— Понял я все, понял, Надя! Сейчас позавтракаю и рвану совершать трудовые подвиги.

— Иди, уж, баламут! — Надя махнула рукой.

Не успел я выйти из столовой и прикурить сигарету, как подъехала машина.

— Дуй на РБУ, грузи полкуба раствора и к каменщикам, — скомандовал я шоферу. — Потом на участок заскочи.

— А вы как доберетесь?

— Автобусом, как все.

Без пятнадцати восемь я уже подходил к участку, подъехав на попутной бортовой. В вагончике находился Юрка и еще какой-то незнакомый паренек.

— Здорово! Бригады обошел?

— Да. Павел Андреевич, здравствуйте! А нам тут мастера прислали. Вот, Прохоров Павел Васильевич.

— Наконец-то. Ну, здорово, тетка! Откуда сам-то будешь?

— Из Тюмени.

— Родом оттуда, или как?

— Учился, в инженерно-строительном.

— А здесь как оказался?

— Брат в леспромхозе работает, механиком, к нему и приехал.

— Работал где-нибудь, или не пришлось.

— В НИИПЛесдреве с полгода.

— Ладно, это дело наживное. Располагайся пока, а потом я тебя в курс дела введу. Юра, позвони на склад, там вчера контейнер с краской пришел, договорись с Валентиной, а то всю растащат, не успеем оглянуться. Потом пройдитеесь с Павлом, покажи ему объекты.

Дверь открылась и в вагон впорхнула Анечка.

— Вы тут пока знакомьтесь, я скоро подойду.

— А вы куда, Павел Андреевич? Вас там, у штаба Роди́н искал.

Вот уж с кем встречаться мне совсем не хотелось.

— На кудыкину гору, Анечка! Если появится здесь, скажите — уехал на базу. Да, если прозвонит Виктор Петрович, я — на котельной, пусть туда перезвонит.

Я вышел из вагончика и, оглядываясь, быстро направился мимо цеха в сторону котельной. Мимо проскочила стайка отделочниц из Веркиной бригады, поздоровавшись на ходу. У котельной я встретил Белкина и мы пошли смотреть, как продвигается отделка бытовых помещений. Переговорив с бригадиром и обсудив с ним все вопросы, требующие немедленного решения, я направился в цех ДСП к бетонщикам, намереваясь на самосвале, подвозящем бетон, добраться до управления и выяснить судьбу своего заявления. Выйдя из лестничной клетки на улицу, я лицом к лицу столкнулся с, открывающим дверь, Роди́ным. Посторонившись, я принял благообразный, но вполне независимый вид и поздоровался:

— Здравствуйте, Антон Семенович!

— Здорово, Овечкин! — как ни в чем не бывало, приветствовал меня Родин. — Вот ты где, оказывается.

— А где же мне еще быть?

— Ладно, ладно, не ерепенься! Разговор есть. Пойдем-ка, к Белкину, там и поговорим.

— Отчего не поговорить, пойдете.

Мы поднялись на третий ярус, где Белкин в одной из комнат бытовых устроил нечто вроде столовой. Сам бригадир сидел за столом и пил чай. При нашем появлении он встал, поздоровался с Родиным за руку и предложил присесть, выпить чаю.

— Чай — это хорошо! — сказал, усаживаясь, Родин. — Садись, Паша, в ногах правды нет. Плесни-ка кипяточку! Разговор у нас пойдет вот о чем...

— Мне может выйти, Антон Семенович? — поднялся бригадир.

— Да нет, сиди, Иван Иванович, секретов особенных нет. Мы тут с руководством треста посоветовались и решили предложить Овечкину должность главного инженера у соседей.

Я чуть не захлебнулся чаем, закашлявшись, и бригадир пару раз крепко хлопнул меня по спине.

— А что, правильно, Антон Семенович! Он — парень молодой, грамотный, работать умеет, я думаю, справится.

— Да я тоже не сомневаюсь, Иван Иванович. Ну, так что, Павел Андреевич, согласен? Или сомневаешься?

Я с трудом обрел дар речи:

— Даже не знаю, что и ответить, попробовать, конечно, можно.

— Вот и ладненько, а то я было в тебе сомневаться начал, — Родин поднялся из-за стола. — Я пошел, пожа-

луй, а ты после обеда зайди в управление, кое-какие детали уточнить надо.

— Поздравляю, Паша! — обнял меня Белкин, когда Родин исчез за дверью. — Главный инженер — это уже кое-что!

— Н-да! Не было счастья, так несчастье помогло! Даже как-то не верится. Ты пока помалкивай об этом, Иван Иванович.

— Заметано! А ты, главное, не расслабляйся. Управление новое, люди другие, самое основное — не позволяй себе на шею сесть.

— Там видно будет. А Настя где? — мне хотелось поделиться неожиданно свалившейся на мою голову новостью с близким человеком.

Белкин нахмурился и нехотя выдавил из себя:

— Она отпросилась на сегодня... Ты, Паша, не тревожил бы ее пока, ей и так нелегко.

— А мне?

— Ты — мужик, тебе проще.

— Ладно, пошел я. Ближе к вечеру зайди: наряды подписать надо.

— Зайду.

К обеду о моем предполагаемом назначении знало почти все управление. Я, как мог, скрывал радость, но глуповатая улыбка нет-нет да проскальзывала по лицу. Я даже на обед пошел попозже, чтобы не объясняться с каждым встречным и не кивать, как китайский болванчик, в ответ на поздравления. Но не тут-то было.

— Поздравляем, Паша! — вывернулись невесть откуда Виктор и Геннадий Николаевич. — С тебя банкет!

— Какой банкет? Будет приказ — будет и банкет.

— Куда он денется, приказ-то? Кончай зажимать магарыч, Паша! Вечером у меня, — тоном, не терпящим возражений, заявил Геннадий, — жена пельмени готовит, а горячее с тебя.

— Вечером, так вечером. Ладно, ребята, идите, мне еще в контору надо.

— Ты нос только не задирай, а то мы его тебе быстро на место внедрим.

— Да, кончайте вы!

В управлении я быстро прошел в отдел кадров, стараясь никому не попадаться на глаза. Заполнив анкеты, я выскочил на улицу и тут же наткнулся на нашего начальника.

— Поздравляю, Овечкин! Смотри, не подведи!

— Спасибо, Виктор Михайлович! Я постараюсь.

— Вот-вот, постарайся, не урони честь управления!

— Ну, так я пойду?

— Иди. Ты на площадку? Передай Родину: его из главка разыскивали, а то по телефону никак его найти не могу.

— Хорошо, Виктор Михайлович! Я побежал.

— Беги, беги, — улыбнулся начальник.

Перед тем, как уехать, я забежал к Насте, но дома ее не застал. Соседский мальчишка лет шести пояснил мне, что тетя Настя куда-то ушла с незнакомым мужчиной, и тем самым погрузил меня в мрачные мысли. Картины рисовались одна, хуже другой, и выхода из представленных в них сюжетах для меня не было. Кончай, сказал я себе, ты же мужчина. Круто развернувшись, я отправился на РБУ, и на первом попавшем самосвале уехал на участок. Видимо, вид у меня был не ахти, отчего Анечка вздохнула так горько, что я поневоле очнулся.

— Белкин не был?

— Звонил с котельной, сейчас подойдет.

— Ну, как осваиваешься? — спросил я, окончательно придя в себя, моего нового тезку. — Юра все показал?

— Почти все, Павел Андреевич, — вмешался Юрка, — только на водоочистке не были.

— И как впечатление?

— Нормально, — ответил новоиспеченный мастер.

— Ну, раз нормально — значит, все будет в порядке.

Вошедший Белкин еще раз со всеми поздоровался, и присел возле Анечки, разбираться с нарядами. Юрка принялся болтать по телефону с какой-то новой своей пассией, а я вышел на воздух, покурить. Пригревало, почти не заходящее за горизонт в это время года, солнышко, на четырехрамнике визжали пилы, вгрызаясь в стволы. Пахло древесной прелью и цементной пылью. Я сидел молча, курил и думал. Появившийся из вагончика Белкин присел рядом. Через минуту рядом с нами, на скамейку пристроилась дожидаящая попутного транспорта Анечка. Все молчали, погруженные в собственные мысли. От цеха, в сторону проходной, громко смеясь и переговариваясь, торопливо шагала парочка, видимо, опаздывая на рейсовый автобус. Высокий, черноволосый мужчина в светлой куртке поддерживал под руку женщину, едва достающую ему до плеча, и в которой я издали с ужасом узнал Настю. Она смотрела на своего спутника снизу вверх, прижавшись щекою к плечу, и ничего не замечала вокруг. Каждое его слово вызывало у нее вспыхивающую на лице широкую, открытую улыбку, а глаза светились неподдельной радостью. Они прошли мимо, не обратив никакого внимания на нас, занятые только собой. Земля покачнулась и мир поплыл

у меня перед глазами. Пытаясь привстать, я почувствовал, как на плечо мне легла тяжелая рука Ивана Ивановича, припечатав меня к скамейке.

— Спокойно, Паша! — негромко, но твердо, произнес бригадир. — Прежде, чем что-нибудь сделать, подумай, как это отразится на ней. Спокойно! Не рвись!

Боковым зрением я увидел, ставшие совершенно круглыми от удивления и потухшими от жалости, испуганные глаза Анечки и горько усмехнулся про себя: «Дон Жуан гребаный! Еще жалеть начнут, не дай бог». Шумно выдохнув, я отвернулся, не желая, чтобы меня видели таким растерянным и подавленным.

— Все в порядке, бригадир, не суетись!

Я вновь достал сигареты, бригадир чиркнул зажигалкой, и мы замолчали, прислушиваясь к тому, что творится у нас внутри, в самой сердцевине, жадно вдыхая горький табачный дым. И боль постепенно отступила. Легкий, предвечерний ветерок играл волосами непокрытой головы, перебирая их своими чуткими пальцами, природа затихала, готовясь к ночному отдыху, и только стройка гроыхала тут и там, нарушая гармонию простого и вечного. А может быть все и к лучшему? Я посмотрел на Анечку и почти осязаемо почувствовал, как душевное тепло и сопереживание, сидящих рядом со мною людей, переполняет меня, вытесняя горечь потери и вызывая непреодолимое желание жить. Теплая Анечкина ладонь прикоснулась к моей руке, я вздрогнул и очнулся. Чего зажурился, хлопец? Жизнь еще не кончилась: бывает и хуже. Все пройдет, Пашка! И это – тоже.

сентябрь–ноябрь 2003 г.

ПАЛЬТО

История эта случилась в конце далеких пятидесятих прошлого века. Я с родителями жил тогда в маленьком, захолустном городке на юге Амурской области, куда мы попали по долгу службы отца, и учился не то в третьем, не то в четвертом классе. Городок был серый и пыльный, почти без зелени, окруженный со всех сторон степью, с редкими, окаймленными густым тальником озерами. В городке, в те далекие времена, располагался большой военный гарнизон, обосновавшийся после войны. Позже, вокруг него, как грибы, начали строиться дома и домишки, объединяясь со временем в, так называемые, «нахаловки», где проживал самый разнообразный люд: от обслуживающего персонала воинских частей, до вышедших на свободу из сталинских лагерей зеков. Зеки тоже в свою очередь делились на бандюганов и политиков, и в «нахаловках» жили группами, обособленно друг от друга. Вот из такой семьи «врага народа» происходил, например, мой самый закадычный друг Витька, с которым мы учились в одном классе. Впрочем, и мой дед по материнской линии тоже был этим самым «врагом», отсидев «десятку», где-то под Соловками. В семье об этом вспоминать не любили, да и кто в то время болтал лишнее?

Мы втроем ютились в однокомнатной квартире трехэтажного кирпичного дома, где проживали точно такие же семьи военных летчиков и служащих частей. Школа, где мы с друзьями учились, находилась в одном квартале от дома, и утром, выскочив из дома, я успевал за пять минут покрыть это расстояние. Дорога проле-

гала мимо импровизированного базарчика, расположившегося прямо на обочине, где тетки из «нахаловок» бойко торговали семечками, кедровыми орешками, парным молоком и всякой всячиной, а зимой мама покупала здесь свежую, еще не остывшую свинину, которую мы потом жарили на большой сковороде с картошкой к ужину. Зимой молоко замораживали в мисочках, и, когда оно замерзло, на поверхности образовывался бугорок из масла, отгрызть который очень хотелось, но было опасно, могли наказать, хотя это и считалось особым шиком. Еще здесь продавали так называемую серу, которую варили из сосновой живицы. Когда ее начинаешь жевать, во рту появляется особая горечь с терпким хвойным запахом, которая со временем пропадает, а сама сера, изначально бежевого, мутного цвета, становится перламутровой. Сера считалась любимым лакомством детворы, после отваренных лесных яблочек-дичков по пять копеек за стакан. Школа наша была деревянной, одноэтажной, рубленной из круглого леса и почерневшей от времени и непогоды. Только двери и окна с резными наличниками голубели свежей краской на сером фоне. Внутри был один длинный и широкий коридор, окна которого выходили во внутренний двор. А по другую сторону коридора располагались классы, где мы, собственно, и занимались. Отапливалась школа огромными, до потолка круглыми печами обтянутыми листовым железом и крашенными черным, лоснившимся лаком. С утра в школе пахло березовым дымком, в печах еще алели рубиновые угли, а истопник дядя Вася то, открыв дверцу печи, шевелил их, чтобы быстрее прогорели, то манипулировал печными заслонками, стараясь

не выпустить накопившееся тепло. А тепло в школе было всегда, даже в самые лютые морозы, чего не скажешь о нынешнем времени, судя по телевизионным передачам.

В тот осенний день я, как всегда, вернулся из школы после обеда, перекусил оставленными мамой котлетами с мятой картошкой, дожидавшимися меня на кухне завернутыми в телогрейку, у батареи, и, набросив на плечи выдавшее виды пальто из шинельного сукна, полученного отцом для пошива формы, вылетел во двор, где меня уже ждали Витька и Генка. Генка жил в соседнем подъезде, учился в параллельном классе, отец у него тоже где-то служил.

— Что делать будем? — спросил Генка, больше для порядка, так как мы еще в школе договорились идти на пустырь, играть в «чику» с нахаловскими ребятами. — Деньги достали?

Я вытащил из кармана пригоршню мелких монет, накопленную за неделю, а Витька достал целый бумажный трояк. Подсчитав наши общие ресурсы и оставшись ими вполне довольными, мы бодро отправились на пустырь, где уже вовсю шла игра. Человек шесть пацанов примерно одного с нами возраста азартно швыряли битую и под громкие возгласы колотили ей по стопке мятых пятаков и гривенников, рассыпанных в пыли. Заправлял всем процессом Жора из шестого «б» по прозвищу Бендера. Откуда у тринадцатилетнего мальчишки было такое странное прозвище, никто не знал, да особо и не интересовался. Бендера — и Бендера. Мы подошли степенно, не спеша, как и полагалось опытным игрокам.

— Почему играем? — спросил Генка, сплюнув для солидности под ноги.

— По десять копеек, — ответил Жора, доставая пачку шикарных папирос «Люкс», от одного вида которой мы просто обалдели. Папиросы имели длиннющий мундштук, лежали в коробке зеленого, переливающегося цвета, да еще под золотистой фольгой. После «Беломора», который в основном курили наши отцы, папиросы, конечно, производили впечатление.

Такие папиросы позволял себе курить только комэска, Иван Никифорович, по нашим представлениям — начальник недостижимой величины. Жора щелчком выбил из коробки папиросу, щелкнул зажигалкой из винтовочной гильзы, и закурил, пуская дым в небо:

— Играть будете, или как?

Мы переглянулись и молча поставили на кон три мятых гривенника. Жора на правах победителя предыдущего розыгрыша отошел к проведенной на песке черте и бросил свинцовую биту, которая прилипла, как приклеенная, к земле, не долетев до сложенных в стопку монет сантиметров десять—пятнадцать. Жора победно улыбнулся и с гордым видом подошел к кону:

— Ну, кто будет бросать?

Мы переглянулись, Генка поднял биту и протянул мне:

— Давай, Женя!

Я подошел к рубежу, прицелился и бросил, проговорив про себя заклинание, обращенное неизвестно к кому, но действующее безотказно. Бита упала рядом с отметкой Жоры. Он коршуном подлетел к бите и, подняв ее, закричал:

— Я бью!

— Это почему? — вмешался Генка, указывая на отпечаток в пыли. — Пусть Женька бьет!

Жора набычился и попер на Генку грудью:

— Ты чего, сопляк, у меня ближе!

— У тебя, что, куриная слепота? — Генка нагнулся и ткнул пальцем в отпечаток. — Очки купи! Давай битую, пусть Женька начинает.

Жора в растерянности от такой наглости плюгавой мелкоты, за которую он нас считал с высоты своих тринадцати лет, повертел головой, ища поддержки у своих приближенных, испуганно сбившихся в кучку от предчувствия неминуемой драки, и, видимо, найдя ее, пнул наклонившегося Генку ногой под зад. Генка кувыркнулся носом в пыль.

— Ах, ты так! — завопил Витька, и, не долго думая, треснул Жору прямо по носу.

Они схватились, повалившись на землю, и я бросился помогать Витьке, не обращая внимания на то, что мне сзади кто-то уже вцепился в воротник. Через пять минут возни в пыли обе наши компании разбежались в разные стороны и с почтительного расстояния начали угрожать друг другу всевозможными, страшными карами.

— Погодите, гады, вот я скажу брату, — кричал Жора, — он с вами разберется!

— А я отцу! — вторил ему Витька.

Наконец, нам все это надоело, и мы направились к себе во двор, зализывать полученные раны.

— От матери попадет, — мрачно высказался Генка, рассматривая оторванный карман и лопнувшую брючину.

— Да, ладно, не убьют, — успокоил я.

Моими потерями был надорванный воротник пальто и расцарапанная от подбородка до уха щека.

— Может, домой пойдем? — предложил Витька. — А то у меня отец с работы вернуться должен, выпорет, если увидит.

Под глазом у Витьки багровела приличная ссадина, обещавшая вскоре превратиться в хороший синяк. Попрощавшись, мы невесело расползлись по домам.

— Так, — только и вымолвила мама, разглядев мой потрепанный, диковатый вид, — раздевайся, Аника-воин. Иди в ванну, умойся, а то скоро отец вернется, что мы ему скажем? Давай пальто-то, приберу пока. А ты, милый, садись-ка за уроки, шесть часов почти.

Через полчаса вернулся со службы отец, и мы сели ужинать, а после ужина мама вдруг позвала меня в комнату, служившую одновременно и спальней. Раскрыв дверцу шифоньера, она поставила меня перед зеркалом и достала изнутри новое, светлое, в крупный рубчик демисезонное пальто.

— Примерь, пожалуйста. Хотела сделать тебе сюрприз, но раз так получилось, носи на здоровье.

Я просто остолбенел от такого поворота дел.

— А, ничего, — оглядев меня, сказал папа, — солидно!

Мама рассмеялась и поцеловала папу, а я с восхищением крутился туда-сюда перед зеркалом, не веря своим глазам. Такое пальто я видел только раз в Благовещенске, куда мы с мамой ездили однажды за продуктами на медицинском пикапе, который выделило командование части для семей военнослужащих перед каким-то праздником.

— Ну, хватит крутиться перед зеркалом, как девчонка, — наконец сказала мама. — Пойдем, поможешь убрать мне посуду, и ложись спать: утром рано в школу.

Вполне счастливый, что все прошло благополучно, и что все мои подвиги не были оценены по достоинству, я отправился на кухню, помогать маме мыть посуду. Уже засыпая, я представлял себе, как завтра появ-

люсь в школе в таком шикарном наряде, и как вытара-
щит от удивления глаза Верка Симонова, моя тайная
и безответная любовь.

Утром я до зеркального блеска начистил свои кирза-
чи, и, наскоро позавтракав, вылетел на улицу, выслушав
на прощание утренние наставления мамы: как я должен
себя вести в школе, и чего не должен делать. Ветер го-
нял по улице опавшие листья, и я подумал, что неплохо
бы слетать после школы на озеро, пока не наступили
заморозки, и половить ротанов, а то, когда берега уже
прихвачены льдом, закидушку не вытащить: будет ре-
зать леску. Придя к заключению, что мысль совсем не
плоха, я бодро зашагал в сторону школы вдоль длинно-
го забора и цепи дощатых туалетов, неизвестно почему
не спрятанных в глубине дворов, а выходящих фасад-
ной стороной прямо на улицу. Хотя и в этом было опре-
деленное удобство. Если в тетради появлялась, как все-
гда нежеланная и неожиданная двойка, на пути домой я
безо всякого зазрения совести заходил в одно из таких
сооружений, и недрогнувшей рукой опускал злополуч-
ную тетрадь прямо в очко, полагая, что лишний раз не-
рвировать родителей ни к чему. И, действительно, это
проходило до поры, до времени, пока на очередном ро-
дительском собрании мама не узнавала подробности
моих школьных успехов. После этого я дня три оставал-
ся без гулянья, и усиленно зубрил предметы, в которых,
по мнению отца, не преуспел. Но родительские собра-
ния случались раза три—четыре в год, а двойки появля-
лись гораздо чаще, поэтому, цель, как всегда, оправды-
вала средства.

— Здорово! — приветствовал меня встретившийся у школы Витька, под глазом у которого уже проявился густо припудренный старшей сестрой фиғнал.

— Здорово! Ну, как ты?

— Нормально. У матери с сеструхой какие-то дела были, а пока они вернулись, я спать завалился. Тебя с обновой, что ли?

— Да, вот, мать купила пальто новое.

— Ничего фасончик.

— Привет, мужики! — подскочил запыхавшийся Генка. — Чего стоите, пять минут до звонка осталось.

— Успеем. — Витька потрогал синяк. — Не здорово заметно?

— Почти не видно. Пошли после уроков на озеро, порыбачим? — обратился я к приятелям.

— Давайте.

— Тогда в три встречаемся у бревен. Червей накопай, — сказал я Витьке, который единственный из нас имел какой-никакой огород.

День в школе прошел, как обычно, а Верка, та и вовсе не обратила на меня никакого внимания, чему я не особенно расстроился, предвкушая вечернюю рыбалку.

Озеро находилось километрах в двух от городка, на краю полевого аэродрома, где в подковообразных, грунтовых, поросших густой травой капонирах стояли зеленые ЛИ-2 и серебристые летающие крепости, бомбардировщики ТУ-4, охраняемые часовыми. Но стояли они на противоположной стороне летного поля и ходить туда нам строго воспрещалось. Запрет этот выполнялся всеми беспрекословно, его нарушение грозило страшными карами: это тебе не двойка в тетради. А, потом, как дети

военных, мы понимали, что с часовыми шутить опасно. Возле озера, почти на берегу тоже были капониры, но самолеты тут уже давно не ставили, и местные жители здесь купались и ловили весной карасей, а в остальное время года ротанов, пресноводных бычков. Летом на капонирах густо произрастали бледно-розовые шампиньоны, которые мама жарила почти до хрустящей корочки, а я с удовольствием поглощал, тем более, что это был мой непосредственный прибыток в семью. Озеро было мелководным, разделенным на две части камышовой полосой, в которой при нересте шуршали и плескались довольно приличные карасики. А по первому, еще прозрачному льду мы с пацанами пробивали лунки и, лежа на льду, наблюдали, как в глубине, между водорослей прятались бычки, ожидая подходящей добычи. Они никогда сразу не бросались на кусочек сала, одетого на крючок, а, выждав некоторое время, выскакивали из зарослей, и, быстро схватив подрагивающую добычу, тут же ее выплевывали, возвращаясь на прежнее место. Так могло продолжаться до нескольких раз. Наконец, самый смелый хватал приманку и, замерев на месте, начинал ее заглатывать. Когда белый кусочек исчезал из вида окончательно, можно было вытаскивать рыбку на лед. Рыбалка в это время была особенно любима. Подводный мир, открывавшийся во всей своей красе в окошке лунки, будоражил воображение, пробуждая в памяти картины, описанные в романах Жуля Верна и Александра Беляева. В темных провалах между неподвижными водорослями чудились жутковатые обитатели тропических морей, и скользящая над самым дном подводная лодка «Наутилус», ведомая капитаном Немо.

В три часа, возле огромного штабеля леса, выгруженного рядом с железнодорожным тупиком, я встретился с приятелями. Весело болтая о том, о сем, мы бодро направились по шпалам к цели нашего предприятия.

— Червей накопал? — спросил я, семенящего рядом, Витьку.

— А то! Конечно, накопал.

— Я тут Бендеру видел, — сообщил Генка, — злой, как собака, и морда опухла. Видно здорово ты ему, Вить, приложился.

— А, пусть не мухлюет, хмырь болотный!

— Надо, мужики, вместе сейчас походить, а то подкараулят где-нибудь, я этих нахаловских знаю.

— Не трусь!

— Пацаны, гляньте, что я нашел, — Витька протянул руку.

На ладони у нашего товарища лежал тридцати двух миллиметровый снаряд от авиационной пушки, правда, без гильзы, но с виду совершенно новый, с красным, нарисованным колечком вокруг юбки.

— Ух, ты! — восхищенно выдохнул Генка. — Где взял?

— Возле авиа мастерских на свалке наши пацаны нашли, а я у них выменял за три патрона.

— Здорово, вот, наверно, бабахнет, если в костер бросить?

— Наверно, — Витька аккуратно завернул снаряд в тряпицу и спрятал в карман.

Часа через два, наловив десятка по два некрупных рыбешек, мы порядком продрогли на сыром, пронизывающем насквозь осеннем ветру и собрались у разведенного Генкой загодя маленького костерка. Подбросив пару тут же найденных досок в огонь, мы с жаром начали обсуждать достоинства и недостатки улова каждого.

— Не, у меня самый крупный, — горячась, доказывал Генка, — размером может и такой же, но гораздо толще, нечего и говорить! Были бы весы, тогда и спорить было не о чем.

— Ладно, не спорьте, все равно мелочь, — подвел я черту под их перепалкой.

— Нет, Жень, посмотри, мой как-то крупнее выглядит, — Витька протянул мне ротана. — Смотри, ну чем не красавец?

— А, давайте, лучше испытаем патрончик, посмотрим, что получится, — предложил я. — Не жмоться, на что он тебе сдался.

— Приделаю бикфордов шнур, да возле школы бабахну!

— Где ты, во-первых, шнур возьмешь, а, во-вторых, ты знаешь, как его шнуром взорвать? И, вообще, у школы рвать опасно, по головке не поглядят.

А здесь, и нет никого, и в костре он обязательно срабатывает, когда накалится.

Витька с недоверием посмотрел сначала на меня, потом на Гену, и нехотя, борясь с охватившим его сожалением, достал снаряд и развернул тряпицу. Осмотревшись по сторонам и никого поблизости не заметив, мы подбросили дров в огонь, и, сунув снаряд в костер, укрылись за бруствером ближайшего капонира. Как ни странно, ничего не произошло. Выждав еще минут пять, мы покинули свое убежище и осторожно, останавливаясь через каждые два—три метра, вновь приблизились к костру.

— А, может, еще подождем? — опасливо предложил Генка.

— Он, наверно, испорченный, — сказал я, — а то бы давно рванул.

— Сам ты испорченный, — обиделся Витька, я же за него два патрона от винтаря выложил.

— А, чего же он тогда?

Витька поднял с земли тополиную ветку, обломал лишние сучки и тонким концом пошуровал в углях. Снова ничего не произошло.

— Точно, испорченный! — подытожил Генка.

В этот момент угли в костре разбросало коротким и звонким хлопком. Снаряд подпрыгнул и завертелся на месте, разбрызгивая во все стороны белые, отливающие голубым, капли. Генка заорал благим матом, пытаясь смахнуть одну такую каплю, попавшую ему на щеку, чуть пониже глаза. То же самое пытался проделать и я: десятка два таких же капель попали мне на новое пальто. Невредимым остался только Витька. Он не сразу сообразил, что надо делать, а потом схватил корчащегося от боли Генку и потащил его к воде.

— В воду, давай, в воду! — заорал он мне.

Я сбросил пальто с плеч и принялся пригоршнями плескать на него воду из озера, толком ничего не соображая. Когда я кое-как справился с тушением своей обновы, Витьке удалось смыть горящий фосфор с Генкиной щеки. Тот сидел на пустом ящике возле воды, куда его посадил Витька, и, покачиваясь из стороны в сторону, тихонько подвывал в такт покачиваниям. Горючая смесь почти до кости прожгла ему кожу на щеке. Я поднял пальто с земли и увидел, что все оно светится мелкими, обожженными дырами, как решето.

— Трассирующий был, — утвердительно сказал Витька.

Я промолчал, только сейчас с ужасом осознав, что произошло, и рисуя в голове страшные картины расплаты. Генка, переставший выть, осторожно трогал пальцем кожу вокруг ожога, не переставая всхлипывать и шмурыгать носом.

— Не трогай, — остановил его Витька, один, не потерявший чувства реальности, — а то еще инфекцию занесешь. На, — он протянул Генке тряпицу от снаряда, — прижми!

Генка попытался прижать, но тут же отбросил:

— Больно!

— Лучше не трогай, — сказал я, наконец-то пришедший в себя, — ожоги надо жиром смазывать. Я один раз ладонь обварил, так мне бабушка гусиным салом смазывала, на второй день уже почти и не болело.

— Тут сало не поможет, — глубокомысленно промолвил Витька, осмотрев Генкин ожог. — В санчасть его надо, до кости прожгло.

— Собирайтесь быстро, пошли в санчасть! — я набросил на плечи грязное, дырявое пальто и начал собирать снасти и улов.

Через час мы уже выходили из гарнизонной санчасти, у Генки на щеке красовался белый тампон, перехваченный крест накрест полосками пластыря.

— Ну, что, по домам? — невесело спросил Витька.

— Ох, и влетит мне дома! — запричитал Генка. — Мать убьет!

— Ты ей сразу все не рассказывай, — посоветовал я, — скажи, что порезался, а потом видно будет.

Мы попрощались и понуро разбрелись по домам, поклявшись не говорить в школе ни слова, про все, что с нами случилось.

Я тихонько, как только мог, открыл дверь и бесшумно проскользнул в коридор. Однако мама услышала и спросила из кухни:

— Женя, это ты? Снимай обувь, я только что полы вымыла. Умывайся и иди сюда, я тебе пончики из столовой принесла.

— Хорошо, мама, — ответил я, как можно бодрей, чем и насторожил ее.

Она вышла из кухни с тарелкой в руках и перекинутым через плечо полотенцем. Я увидел, как округлились ее глаза, когда она увидела меня, съежившегося от недобрых предчувствий у двери. Тарелка выскользнула у нее из рук и рассыпалась осколками по полу. Я втянул голову в плечи и тихонько заскулил.

— А, ну рассказывай, паршивец, что произошло!? — наконец вымолвила мама и глаза ее загорелись недобрым блеском.

Она отвесила мне подзатыльник и я заскулил еще жалобней.

— Вот придет отец, он с тобой разберется! Рассказывай, кому сказала! — повысила голос мама.

И мне пришлось во всех подробностях рассказать о нашей злополучной рыбалке. Когда я дошел до того, как Генке прожгло щеку, мама всплеснула руками и прижала их к груди, как будто защищаясь от чего-то. Понуро опустив голову, я, наконец, закончил. В воздухе повисла тягостная тишина, и вдруг я неожиданно понял, что мама плачет. Я поднял глаза, и, увидев, что из ее широко открытых глаз бегут крупные, беззвучные слезы, испугался еще больше.

— Что ты, мамочка, что ты? — захныкал я сам, целуя ее в мокрые щеки. — Ну, не надо, мамочка!

Но она продолжала молчать, только крепко прижала меня к своей груди и погладила ладонью по голове. Наконец, мы оба успокоились, и мама, вытерев передником

лицо, сказала ровным голосом, в котором прозвучало что-то такое, от чего мне захотелось заплакать снова:

— А, если бы с тобой что серьезное случилось, как бы я отцу в глаза посмотрела?

Она помолчала, вопросительно глядя на меня, и продолжила:

— Снимай пальто, давай спрячу. И смотри, отцу не проболтайся, он — не я, выпорот так, что долго на одно место не сядешь. Ступай, умойся и иди делать уроки, а я пока блинов настряпаю. Если здорово хочешь кушать, возьми на кухне пончики.

— А, может, уху сварим? — я показал на свой улов, но мама только горестно махнула рукой и ушла на кухню.

Через час со службы вернулся отец, и мы, все вместе, ужинали на кухне. Они с мамой говорили о чем-то своем, и, то и дело, громко хохотали над сказанным. Я смеялся вместе с ними, хотя и не все понимал по молодости лет. На душе у меня было светло и спокойно, а перенесенные муки совести отошли куда-то на дальний план.

С тех пор прошло почти пятьдесят лет. Временами я плохо помню, что случилось со мной несколько дней назад, а события тех далеких дней, когда мама была еще живой, молодой и красивой, а папа высоким и сильным, нет да нет, отчетливыми картинками с малейшими подробностями возникают в памяти. И я иду звонить папе на другой конец страны, чтобы справиться о его здоровье, и напомнить, прежде всего, себе о том, что есть кто-то на этом свете, кто все так же считает меня маленьким и готов взвалить все мои невзгоды и заботы на себя. А мир, еще вчера серый и тусклый, после этого снова становится добрым и цветным.

1—16 декабря 2003 г.

МАХНЕМ, НЕ ГЛЯДЯ!

Стояло настоящее бабье лето. Тайга, раскинувшаяся вокруг поселка, окрасила себя во все цвета радуги. Пурпурно-алые листья осин пробивались яркими мазками на фоне почти фиолетовых елей, а желтые, с розовыми вкраплениями кроны манжурского ореха парили в голубом небе над одетыми в красную медь кленами. Густой подлесок из маленьких дубков и фундука не пропускал любопытных в загадочную глубину уссурийского разнолесья, где ежедневное существование всего живого протекало по своим, установленным природой, законам.

Пекарня, куда я каждый день бегал за хлебом, располагалась метрах в пятистах от окраины, и дорога туда пролегла в самом настоящем заповедном лесу. Ветви деревьев смыкались над ней, где-то в недосыгаемой вышине, и сквозь листья почти не просвечивало по-осеннему белесо-голубое небо. Возвратившись из школы, я наскоро кушал и, получив от мамы талон на хлеб вместе с напутствием не потерять его, отправлялся выполнять мою домашнюю обязанность. Нельзя сказать, что она слишком меня тяготила: прогулка по свежему воздуху еще никому не вредила, а к тому же появлялась возможность проверить, что там делается в лесу. А в лесу каждый день происходили чудеса. Огромный белый пион, который я обнаружил на спрятавшейся за густым орешником полянке, открыл свой второй бутон, а под его тенью, как по волшебству, проклюнулся крепкий, круглоголовый боровичок, росший не по дням, а по часам. Маленькие, величиной с копеечную монету плоды яблони-дичка, стоявшей на краю поляны, с каждым днем становились все краснее и краснее, хотя и оставались

такими же кислыми и вяжущими рот. Длинные лозы лимонника, обвившие старый клен, были обвешаны мелкими гроздьями с желто-оранжевыми, полупрозрачными ягодами терпкими на вкус и пахнущими каким-то лекарством. Когда было время, можно было тихо посидеть на упавшем стволе кедра и, если повезет, увидеть, как спешит куда-то ежик, или суетятся маленькие мышки, заготавливающие что-то на зиму. А иногда на поляну прилетал здоровенный филин. Он беззвучно сидел на ветке и вертел головой из стороны в сторону, моргая своими круглыми, желтыми глазами. Навестив свои заповедные места и удостоверившись, что там все в порядке, я топал на пекарню.

Хлеб мы получали по карточкам прямо здесь, где его пекли, магазинов в поселке никаких не было. Хлеб всегда был горячим, и огромное удовольствие доставляла съеденная тут же лоснящаяся корочка, оторванная от буханки. Мама, конечно, ворчала, когда видела объеденные углы, но не очень. Когда я отламывал ломоть, от буханки поднимался пар, и лишь одно было не совсем приятным: примешивающийся запах дуста, которым обрабатывали муку при перевозке, чтобы не завелся клещ.

В этот день я, как всегда, навестил свою поляну, получил хлеб, и уже выходил к поселку, когда заметил что-то в воде, на краю глинистого кювета. Засунув руку в коричневую жижу и изнывая от любопытства, я извлек из канавы совершенно целую, резиновую маску от армейского противогаза. «Вот это — да!» — закрутилось в голове. Такой штуки ни у кого во всем нашем первом «а» не было. Ополоснув находку тут же, в канаве я скорехонько направился домой. Увидев меня с грязным кус-

ком резины в одной руке и хлебом в другой, мама, естественно, возмутилась и приказала немедленно выбросить эту дрянь, но, увидев у меня в глазах слезы, смилостивилась и отправила в ванную мыть руки:

— Ты, прежде чем натягивать это на лицо, вымой-ка, как следует, противогаз с мылом. Да, желательно не один раз!

Счастливый, что все обошлось, я отправился в ванную комнату и там почти полчаса драил маску щеткой, проявив ее нежный, светло-зеленый цвет. После обеда я отправился гулять во двор, где беззастенчиво начал хвастать перед ребятами своей находкой.

— Подумаешь! — высказался с завистью, явно уязвленный, Витька, мой сосед по парте. — Зато, у меня патроны к автомату есть!

И он, раскрыв ладонь, предъявил на обозрение десятков новеньких, отливающих медью патронов.

— Ух, ты! Где взял?

— Много будешь знать — быстро состаришься! — спрятав патроны в карман, многозначительно ответил Витька.

— Ну и ладно, — обиделся я, — не хочешь говорить, не надо. Обойдемся и без тебя!

Я, было, повернулся, чтобы с гордостью удалиться, но Витька перехватил меня за рукав курточки:

— Не обижайся! Это мы вчера с ребятами возле японского склада нашли, там еще избушка была заколоченная. Колька через окошко лазил, достал какие-то приборы в чемоданчиках все в увеличительных стеклах. Сказал, что когда разберется, что к чему, принесет показать.

В тайге, действительно, находилось множество плохо зарытых японских складов и дотов, оставшихся еще с времен оккупации этих мест самураями, и мы, рыская

по лесу, частенько находили такие захоронения. Здесь можно было раскопать все, что угодно: от противопехотной мины, до снарядов среднего калибра. У меня лично в коллекции был самурайский меч, правда, обломанный ровно пополам, но не утративший своей притягательной силы. Рукоятка была оплетена тонкими, медными нитями, а на лезвии еще сохранились какие-то значки и иероглифы. Папа сказал, что это обыкновенная офицерская шашка, но я все равно считал ее про себя мечом. У Витьки имелся проржавевший пистолет типа «парабеллум», который мы целую неделю отмачивали в керосине, но так и не сумели отделить деталь от детали. Поэтому, неработающий пистолет служил реквизитом для игры в войну, и его до сих пор не отобрали взрослые.

— Махнем, не глядя! — предложил Витька, протягивая горсть боеприпасов.

Надо сказать, что школу этой осенью поразила эпидемия неизвестной болезни, поразившей всех без исключения: от мала, до велика. Меняли все подряд: шило на мыло, котят на попугаев, а английские булавки на гербарии, собранные летом.

— Не, — поразмыслив, ответил я, не без основания полагая, что за такое богатство, какое имелось у меня на руках, можно выменять у ребят что-нибудь посущественнее.

В это время мама позвала меня делать уроки, и мы распрощались с Витькой до завтра.

Утром вместе с учебниками и тетрадями я упаковал в портфель и противогаз. В школе все, кто только мог и кому я позволил, мерили резиновую маску и давали советы, как ее использовать впоследствии.

— Надо будет шлангов достать и летом на озере под водой плавать, — предложил самый умный из нас, Саша

Быков, круглый отличник и рассудительный товарищ. — Здорово! Можно посмотреть, как рыбы плавают и вообще.

— Не, — возразил Витька, — она великовата: воду пропускать будет.

— А, нужно это место бинтом притянуть, и нормально будет.

— Бинтом не получится, он же тряпочный — промокнет! Надо из шар-пилота резиновых полос нарезать, тогда, может быть, получится.

— Быстро в класс! — скомандовала подошедшая Анна Васильевна, наша классная мама. — Сейчас звонок будет! А, ты, Степанов, спрячь подальше свою игрушку, а то старшие отберут. Дома играть будете.

После уроков я быстро пообедал и, схватив свою драгоценность, отправился во двор, где меня уже дожидался Витька.

— Ну, что, не надумал? — он снова потряс передо мной желтой россыпью сверкающих гильз.

Я пока не надумал, и мы отправились на пустырь, где должен был появиться Колька со своим таинственным прибором, который он добыл из заброшенного склада. На пустыре малышня играла в классики, а ребята постарше в ножички, азартно втыкая лезвие в землю и отрезая куски отвоеванной территории. Заметив у меня маску, Семен из пятого «б» сделал попытку произвести реквизицию, но мы с Витькой благоразумно отодвинулись под защиту, играющих в домино за грубо сколоченном из строганных досок столом, свободных от службы летчиков. Наконец появился Колька и, махнув рукой, позвал нас за собой.

— Ну, что? — спросил нетерпеливо Витька, когда мы остановились на опушке. — Разобрался с прибором?

— А, то! — гордо ответил Колька.

— Ну, и для чего он?

— Сейчас расскажу, — Колька извлек из-под куста зеленый, фанерный чемоданчик и щелкнул замками. — Смотрите.

Прибор состоял из пары оптических труб, соединенные друг с другом под углом двумя пластинами с массой призм и колесиков, расположенных между ними, и нескольких верньер сбоку, которые вращались во все стороны. Колька заглянул в окуляр одной из труб, покрутил верньеры и протянул аппарат мне:

— На, гляди!

Я заглянул в трубу и увидел плывущие по голубому небу белые облака.

— Ну, как, видел?

— Видел... облака... ну, и что?

— Держи, Вить, может, ты поймешь?

Витька взял прибор и, прижав его к глазу, покрутился из стороны в сторону:

— Здорово! — он передал оптику Кольке.

— Что здорово? — я смотрел, не понимая, то на Кольку, то на Витьку.

Витька с сожалением, как на тупицу, посмотрел на меня и пояснил:

— Им же из-за угла смотреть можно!

Только теперь до меня дошло, что, поставив трубы под прямым углом, можно было действительно видеть, что твориться за углом здания, не обнаруживая при этом себя. «Вот это вещь! — промелькнуло в голове. — Это, конечно, не просто резина, а прибор! И прибор — что надо!»

— Махнем, не глядя! — я протянул Кольке маску от противогаза.

Колька неторопливо сложил аппарат в чемоданчик, застегнул защелки и неожиданно сказал:

— Давай!

Я прямо-таки ошалел от неожиданности. «Вот это по-везло», — мелькнуло в голове.

— Чего это он? — спросил я Витьку, когда Колька ускакал по своим делам.

— Так они их штук восемь из склада достали, — пояснил мне приятель.

— А! — только теперь до меня дошло, почему так легко совершился этот обмен.

Стало немножко грустно и обидно: можно было и поторговаться. Но, что вышло, то вышло, и мы, покрутив, пока не надоело, прибор, пошли в сторону двора, где уже начался футбольный матч смешанных команд из взрослых ребят и отдыхающих от службы летчиков.

— Что это у тебя? — спросил мой сосед по квартире, Саша Моисеев.

— На, погляди! — протянул я чемоданчик.

Вокруг тут же собралась кучка ребят. Покрутив верньеры и поглазев в окуляры Саша сложил все на место и предложил:

— Махнем, не глядя?

— А, что дашь?

— Я сейчас, — Саша убежал и через пару минут вернулся. — Вот, держи.

Он протянул мне кусок ленты от авиационной пушки в которой масляно блестели штук двадцать новеньких снарядов. Не показывая вида, что ошарашен этим великолепием, я неторопливо разглядывал предмет обмена, прикидывая, как бы повыгоднее сменить прибор.

— Ну, что, меняем? — нетерпеливо спросил Саша.

— Давай! — махнул я рукой, протягивая чемоданчик.

Витька с завистью смотрел, как я второй раз за день ухитрился не прогореть с этими обменами. Засунув ленту под курточку, пока никто не видел, мы с приятелем удрали в ближайшие кусты, чтобы подробнее разглядеть мое новое приобретение.

— Ух, ты! — только и смог произнести Витька, прикинув руками вес снарядов. — Это — вещь! А если в костер засунуть, то вообще.

— Завтра рванем штуки три, — согласился я, прилаживая ленту через плечо, наподобие партизанов, которых видел в каком-то фильме о войне. — Ладно, до завтра! Мне домой пора, а то мать ругаться будет, я еще уроки не делал.

— Бывай!

Мы попрощались с Витькой, и я вприпрыжку побежал домой, вполне довольный прожитым днем. Открыв тяжелую дверь подъезда, я вошел в полутемный вестибюль и тут же был оглушен громким криком:

— Стоять!

Напуганный, не совсем соображая, что происходит я замер на месте. Со второго этажа по лестнице спускался адъютант командира дивизии лейтенант Колышкин, а за ним и сам командир, наш сосед по площадке, Василий Иванович Белов.

— Стоять, мальчик, стоять! — уже спокойнее повторил лейтенант, осторожно приближаясь ко мне.

— Колышкин, сними с него потихоньку снаряды. Только потихоньку, — командир нервно провел ладонью по лицу. — Ты где это взял?

— Нашел, — заныл я жалостливо, уже ясно понимая, что через секунду лишусь своей драгоценности.

— Опять полигон после стрельб не зачистили, олухи! — начал закипать Василий Иванович. — Напомни мне,

я дежурному вместе с руководителем кое-что оторву, — повернулся он к адъютанту.

— Так точно! — лейтенант свернул снятую с меня ленту и бросился открывать дверь.

Мрачный, с тяжелыми предчувствиями я поднялся домой и сел молча за уроки, чем несказанно удивил маму.

— Учись, учись, сынок, — погладила она меня по голове, — а я тебе пирожков с капустой напеку, проголодался поди?

Но даже любимое лакомство в этот час не обрадовало меня. Как же так, такой удачный день и так нелепо закончившийся?! А вечером вернулся отец и выпорол меня.

— Этот стервец комдива напугал, а тот мне выговорил. И где он только снаряды нашел? — пояснил он маме. — Два дня дома сидеть, а свежим воздухом пусть на балконе дышит! И чтобы больше никаких боеприпасов!

Я забился за шкаф в угол и молча плакал. Слезы горячими струйками стекали по щекам, а от обиды и несправедливости судьбы в горле стоял ком. Здесь мама и нашла меня.

— Ну, ничего, ничего, — обняла она меня, успокаивая, — отец не со зла. Пойдем, я тебя покормлю, да и поздно уже.

Я молчал, прижавшись к ее теплой груди, и постепенно приходил в себя, защищенный от неожиданных превратностей мира этими объятьями. Ничего, ничего, у меня есть прекрасный перочинный нож, купленный отцом, завтра поторгуюсь и махну, не глядя, на маску. Маска, все-таки, лучше ножа! И решив это, я окончательно повеселел.

02.01.04 г.

РИКОШЕТ

Николай окончательно разругался с женой. И это в канун Нового года! Жена, не долго думая, приделалась, накрасилась и ушла к маме, оставив мужа отмечать праздник в гордом одиночестве. Они были женаты второй год, детей у них не было и что-то постоянно не клеилось в их семейной жизни. Жена была из семьи военного моряка, единственная дочь, и в характере ее было слишком много от отца командира, а терпеть постоянное давление на свою личность Николай не желал. Поэтому размолвки и споры возникали постоянно, неизвестно из-за чего, и по самым незначительным пустякам. Махнув рукой на все и смирившись с тем, что праздник испорчен окончательно, Николай приготовился одиноко коротать время у телевизора. Он достал из серванта купленную неделю назад бутылку армянского коньяка, нарезал лимон, колбасу, и, разложив все на журнальном столике, развалился в глубоком кресле.

Звонок в дверь раздался неожиданно. «Кого, это, черт принес?» — лениво подумал Николай, медленно поднялся и вышел в коридор. Он сбросил дверную цепочку, пристегнутую для предотвращения внезапного появления жены, и открыл дверь. На пороге стоял Сашка, бывший одноклассник, и его хороший приятель, которого он не видел, пожалуй, больше года. Рядом с Сашкой стояла улыбающаяся, миловидная особа в короткой лисьей шубе, из-под которой торчали вполне приличные ножки в длинных, выше колен, белых сапогах.

— Здорово, Николай! — полез с поцелуями Сашка — Сколько лет, сколько зим! Чего встал, как столб, приглашай!

Он ввалился в прихожую, втаскивая за собой Николая:

— Да, ты чего, как не живой? Знакомься, это — жена моя, Наташа. Натаха, поцелуй друга, а то он какой-то застывший!

Шикарная особа на мгновение прижалась к Николаю и чмокнула его в щеку, обдав запахом модных в последнее время духов.

— Проходите, — очнувшись наконец от Сашкиного напора, пригласил Николай.

— А, ты, что, один? — спросил приятель, заглядывая в комнату.

Николай ничего не ответил, неопределенно пожал плечами, и вытащил из серванта еще две рюмки:

— Давайте, за наступающий что ли? Присаживайтесь в кресло, Наташа.

— А, где у вас супруга, Коля? — спросила девушка.

— Волной смыло! — хохотнул Сашка, по виду товарища понявший, что в квартире недавно пронеслась гроза. — Кончай кваситься, Никола, баба с воза, кобыле легче. У него супруга военная, — пояснил он жене, — с придурью, как батальонный старшина.

— Кончай зубоскалить, — сказал Николай, разливая в рюмки. — Вам, Наташа, дать что-нибудь запить?

— Спасибо, не надо.

— Ну, тогда — с праздником! Давай, Александр Петрович, как в старые, добрые времена!

— Будь здоров! Ты вот что, собирайся, и поехали.

— Куда?

— Есть одно место, где тепло и весело!

— Не, неудобно без приглашения.

— Поехали, Николай, кончай кочевряжиться, что ты тут, как сыч, сидеть будешь. Наташа, подключайся!

— Правда, Коля, поехали! — сказала Наташа и улыбнулась. — Там у ребят хорошо, а, где десять человек гуляют, одиннадцатый не помешает.

Николай еще несколько мгновений попытался сопротивляться, но вскоре сдался и ушел в ванную переодеваться.

Через час компания вышла из трамвая на другом конце города. Было около одиннадцати, и улицы заметно опустели: все добрые люди уже сидели за праздничными столами.

— Здесь рядом, — пояснил Сашка, и через пять минут они вошли в полутемный подъезд, а еще через минуту открывали дверь в квартиру.

Шумная, уже порядком разогревшаяся компания встретила их веселыми возгласами и обычной праздничной атмосферой. Николая усадили между двумя симпатичными девчонками, и через мгновение он уже знал, что одну зовут Лена, а другую Света, и что они работают вместе с Наташей на центральном городском переговорном пункте.

— А вы откуда Наташу знаете? — поинтересовалась Лена.

— Я Сашу знаю, учились вместе в одном классе. А с Наташей только сегодня познакомился.

— Вон, значит, как. А пойдете танцевать!

К двенадцати Николай уже перезнакомился со всеми, а с Леной даже пил на брудершафт и целовался. После двенадцати все высыпали во двор кататься с горки, и, в очередной раз кувыркнувшись в сугроб с Наташей, Николай неожиданно почувствовал на своих губах ее прижавшиеся, жаркие губы. Поцелуй обжег его, и он

воровато оглянулся по сторонам, не видел ли кто. Но все веселились, ничего не замечая, а Сашка, вообще, скрылся куда-то с хозяйкой дома, пухлой Тamarой, подругой его жены. Сделав вид, что ничего не произошло, Николай отошел в сторону и закурил, наблюдая за играющими, как дети, гостями. К нему подошла запыхавшаяся Наталья и, лукаво посмотрев в глаза, спросила прямо и дерзко:

— Что, испугался, Коля?

— А чего мне пугаться? — Николай прикинулся, что не понял вопроса.

— Меня, Коля, меня! — засмеялась Наталья и, швырнув ему в лицо горсть снега, хохоча, вновь побежала к горке.

Николай докурил сигарету, никак не решив окончательно, как себя вести дальше с этой заполошной особой, но тут позвали назад, к столу, и праздник покатился дальше под веселые песни и звон хрусталя. Часам к пяти компания уgomонилась и разбрелась спать, кто, куда сумел приткнуться. Николай свернулся калачиком на паре стульев возле батареи и кое-как дотянул до того времени, как гости начали оживать вновь. Откуда-то появился пьяный Сашка и, выслушав раздраженные упреки Натальи, исчез вновь. Снова пили и играли в бутылочку, а часам к пяти опившаяся, утомленная компания начала таять. Николай засобиравлся домой, но Сашка никак не возвращался, а уехать одному, бросив приятелей, было как-то не по-людски. Попив предложенного кем-то из женщин чая с лимоном и почувствовав себя бодрее, Николай отправился на кухню, и присев на подоконник у открытой форточки, закурил, не заметив, как рядом оказалась Наташа. В глазах ее прыгали чертики, и, вообще, вид был какой-то шалый.

— Дай затянуться, — девушка решительно забрала сигарету у Николая и, глубоко затянувшись, закашлялась.

Он попытался похлопать ее по спине, но она вдруг вновь на мгновение прижалась к нему тугим и горячим телом, от чего его снова бросило в жар. Он хотел что-то сказать, но Наталья уже отпрянула от него и, как ни в чем не бывало, поправляла прическу, чему-то улыбаясь про себя. На кухне повисло молчание.

— Осуждаешь? — вдруг произнесла Наташа, скорее утвердительно, чем спрашивая. — Вижу, осуждаешь! А, что прикажешь делать, если собственный муж гуляет, как мартовский кот? Милуется где-то с Тamarкой, кобель пьяный, устроил себе праздник. Так, что делать, Коленька?

Николай промычал что-то не членораздельное и положил руку Наталье на плечо, пытаясь успокоить и как-то ободрить девушку, а та снова прижалась к нему и горячо зашептала на ухо:

— Ты не осуждай меня, Коля, так уж получилось. Поцелуй меня лучше, если не противно.

Николай прикоснулся к Наташиным губам, и горячая волна прокатилась по всему телу, сжигая остатки неловкости перед товарищем, жену которого он сейчас целовал. Кто-то зашевелился у кухонной двери, и они отпрянули друг от друга, тяжело дыша. Наталья достала пудреницу, деловито припудрилась и подкрасила помадой губы.

— Домой пора ехать, — ровным голосом сказала она, поразив Николая мгновенным превращением распаленной красотицы в уравновешенную матрону, — в гостях хорошо, но пора и честь знать! Поедемте, Коля, Саша позже, видимо вернется.

Она улыбнулась Николаю одними глазами, кивнув в сторону двери, и у него отлегло от сердца. «Все не так уж и плохо», — подумал он позже, одеваясь в прихожей. Но чувство вины и раскаяния за все, что случилось не оставляло его до конца. Нехорошо как-то.

Дня через три ему на работу позвонила Наталья — откуда только узнала телефон? — и пригласила на новогодний вечер к себе на работу.

— А Саша будет? — спросил Николай, надеясь получить утвердительный ответ и развеять все, вновь возникшие сомнения, но не дождался.

— Саша занят! Мы с его сестрой Валей будем, вы ведь с ней знакомы. Ну, так как, придете?

— Конечно! — только и смог выдавить из себя Николай.

— Ну, тогда мы вас ждем на остановке ровно в восемь, не опаздывайте, а то придется полчаса следующего автобуса ждать.

Дома Николай тщательно и долго брился и гладил брюки с рубашкой, чем явно вызвал раздражение вернувшейся с работы жены.

— Куда это ты, на ночь, глядя, Дон Жуан недоделанный? — язвительно спросила жена, но Николай промолчал, решив не скандалить и не портить себе настроения.

— Ну-ну! — только и промолвила супруга, когда он обувал начищенные ботинки в прихожей. — Смотри, ключ не потеряй, а то на улице ночевать будешь!

Николай молча вышел, тихо, с облегчением закрыл входную дверь, и шумно выдохнул воздух из легких. Отношения с женой в эти дни стали вовсе никакими и, видимо надо было принимать какое-то решение, а он все

тянул, надеясь на что-то. Жена почти каждый день уходила к теще, или еще куда, и продолжать жить в таком унижительном положении, не было ни какого смысла.

На остановку он пришел минут за пять до срока и успел перекурить до прихода девушек.

— Какой вы красивый! — поздоровавшись и чмокнув его в щеку по старому знакомству, защebetала Валентина, которую он едва узнал — так повзрослела за год.

Они сели в подошедший автобус и почти час ехали до центра, где и находился телеграф, и где работали Наташа с Вале́й. Раздевшись в раздевалке, они поднялись на второй этаж и сразу попали в атмосферу праздничного бала. Зал пестрел от ярких нарядов девушек, кружившихся по паркету, гремел оркестр, а посередине стояла огромная, метров в пять елка и переливалась всеми огнями радуги. В буфете продавали шампанское и коньяк, на закуску — бутерброды с икрой, и уже через полчаса, кружась с Натальей в вальсе, Николай начисто позабыл все свои угрызения совести. Он беспрерывно шутил, рассказывал анекдоты и флиртовал с многочисленными знакомыми своих спутниц. Потом они играли в какие-то детские игры вместе с полупьяненьким Дедом Морозом и усталой от вина и непрерывных знаков внимания многочисленных ухажеров Снегурочкой. Где-то в темном закутке огромного здания они долго и страстно целовались с Наташей, плотно прижимаясь друг к другу и чувствуя, что последние проблески благоразумия покидают их. А потом она сказала:

— Пойдем ко мне домой, мама на дежурстве!

Он давно ждал этих слов, но, услышав их, вздрогнул от неожиданности. И они долго шли, смеясь и целуясь,

по ночному, засыпанному сугробами городу, пугая случайных прохожих и собак, которые провожали их долгим, недоуменным лаем. А потом все произошло, как во сне, о котором он вспоминал весь следующий день и никак не мог вспомнить всех деталей в точности: картина вчерашнего дня виделась каждый раз какой-то смазанной и не реальной. Мучаясь и переживая, что ничего, что с ним случилось, уже не будет никогда, он, наконец, решился и позвонил Наталье на работу, но на другом конце телефона ответили, что Наталья Александровна в отгуле и будет дежурить только завтра во вторую смену. Выяснив, что смена заканчивается в двенадцать, Николай решил, что завтра встретится с Наташей, а там будь, что будет, он уже не представлял своей дальнейшей жизни без этой женщины. Сердце его билось громко и часто, когда он вспоминал ее теплые, пухлые губы и слова: «Дурачок, ну куда ты торопишься? У нас еще все впереди!»

На следующий день, около двенадцати он прохаживался около служебного подъезда телеграфа, нервно оглядываясь на каждый скрип открывающейся двери и боясь ненароком пропустить предмет своих ожиданий. Наконец, на крыльцо выпорхнула стайка смеющихся девушек, в одной из которых Николай узнал Наташу. Он окликнул ее из темноты, и она подошла неуверенно, не сразу узнав его со света. А, узнав, обрадовалась и, громко попрощавшись с подругами, подхватила Николая под руку, и почти потащила за собой по темной аллее, вдоль набережной.

— Как хорошо, что ты меня встретил! Я, так по тебе соскучилась! Ну, не хмурься, любимый, я не могла по-

звонить — ты же мне не оставил своего рабочего телефона! А домой я позвонить постеснялась, вдруг жена трубку поднимет.

Николай припомнил, что он, действительно, впопыхах не записал ей свой телефон, и у него отлегло от души. Все придуманные за эти два дня обиды и подозрения отлетели куда-то прочь, оставив только ощущение счастья и покоя от близости дорогого существа и возможности видеть его вновь. На такси они доехали до микрорайона, где жила Наташина мама, и долго целовались в темном подъезде, ожидая, когда погаснет свет в ее окне, горящий даже в этот поздний час. А потом осторожно, стараясь не скрипнуть половицей, пробрались в Наташину комнату. Но мать услышала и спросила, кто пришел, на что Наталья ответила, что это — она. Не удовлетворенная таким коротким ответом мать вышла на кухню и недовольно загремела посудой:

— И что это за дело: при живом муже каждый раз у матери ночевать? И, когда все это кончится?

Наталья шепотом приказала Николаю затаиться и не беспокоиться, и, набросив на плечи халат, вышла к матери.

— Ну, что ты, мама все ругаешься, знаешь ведь, что в это время до нас не добраться!

— Все я знаю! Вот увидишь, все эти ночные отлучки плохо кончатся! Замужняя женщина, а так себя ведешь!

— Ну, хватит, мама, иди спать, завтра тебе на работу. И я устала, пойду отдыхать.

— Отдыхай, отдыхай! Только помни, что я тебе сказала.

— Хорошо, мама, спокойной ночи!

Вернувшись в комнату, Наталья закрыла дверь на шпингалет и нырнула под одеяло:

— Соскучился, милый? Мама беспокоится о моей нравственности, а зять, как всегда прав!

Николай молча обнял замерзшую женщину, и начал ласкать ее сразу отяжелевшее тело, опять взлетая куда-то высоко и безоглядно, выбросив из головы все посторонние, нет-нет, да беспокоящие совесть мысли.

— Поцелуй меня покрепче, милый! Вот так!..

Дома у Николая становилось все невыносимей. Супруга демонстративно не замечала его, да и он лишний раз старался не попадаться Дарье на глаза. Она все чаще и чаще оставалась ночевать у своей мамы, а он по-прежнему равнодушно воспринимал эти отлучки, позволявшие ему оставаться наедине с мечтами о новой любви, так неожиданно и волшебно свалившейся ему прямо в руки.

— Ты бы хоть полы когда вымыл, скотина, надоело за тебя грязь вывозить! — выговаривала ему жена, но он не обращал никакого внимания на эти раздраженные тирады.

Свои обязанности по дому он всегда выполнял вовремя и в полном объеме, и все эти претензии воспринимал не более, чем вспышки уязвленного женского самолюбия. Полы, как полы, ничего особенного, у некоторых бывает и похуже. Все чаще у Николая мелькала мысль о разводе, но он старательно гнал ее прочь, считая себя в какой-то мере ответственным за этот, не совсем сложившийся брак. И, чем черт не шутит, а вдруг все наладится? Да, и Наташа, как не обидно, не совсем свободна. Он как-то пытался завести с ней речь о переходе к каким-то новым, более прочным взаимоотношениям, но она только рассмеялась, постаравшись тут же

перевести разговор на что-то более приятное. Хотя, и не убила в нем эту, беспокоящую его мысль насовсем, до конца, оставляя призрачную надежду.

Как-то, возвращаясь с работы, он зашел в кафе «Глобус», выпить в баре рюмку коньяка, но тут же был вынужден незаметно удалиться, заметив в глубине зала собственную супругу, танцевавшую со своим банковским начальником и весело болтающую с ним о чем-то. «Слава Богу, не заметила!» — подумал он, и в его душе ничего не шевельнулось. В другой раз он случайно выяснил, что теща на две недели уезжала в гости к Дарьиной сестре, в Питер, но при очередном появлении жены в доме ни словом не обмолвился, что все знает, хотя жена искренне и правдоподобно передала ему привет от мамы.

— Спасибо! — только и произнес он.

— Хам ты! — высказалась на это жена. — Даже не поздравил маму с Новым годом! Гад и хам!

Николай не стал возражать, так как торопился на свидание к Наташе и был в приподнятом настроении, которое не хотел портить...

Незадолго до дня Советской армии неожиданно позвонил Сашка и пригласил к себе домой:

— Выпьем, посидим, кое-кто из ребят будет.

Николай попытался отказаться, не представляя себе, что он должен делать и как себя вести в подобной ситуации, но Сашка был непреклонен:

— Приходи, а то обижусь! И Наталья просила передать, чтобы обязательно приходил.

— У меня и дамы нет, что я там делать буду?

— За Валентиной ухаживать, она уже выросла! — засмеялся Сашка. — Не дрейфь, я Наталью попрошу, она кого-нибудь из подруг пригласит. Короче, к семи жду!

Двадцать третьего, ровно в семь Николай позвонил у калитки частного дома с флигерем и громадной верандой, где жил с родителями и сестрой его одноклассник. Огромный волкодав, выскочив из будки, залаял на него, что было силы, как будто почувствовал, что этому нечестному человеку не место в этом солидном и вполне респектабельном доме. Выскочившая из дома в наброшенном на плечи пальто Наташа оттащила волкодава в вольер, и провела Николая в дом, по пути успев поцеловать его, и не на шутку заставить испугаться. «Ты что?!» — только и успел прошептать он, но она лишь беззаботно махнула рукой, пропуская его вперед. В гостиной, за празднично накрытым столом уже сидели несколько человек во главе с Сашкой и, похоже, не дожидаясь остальных, причащались.

— Здорово, Коля! Давай к нам. Налей, Дима!

— Как-то неудобно без хозяев, — пытался возразить Николай, но его никто не слушал.

— За тех, кто в море и на суше! — поднял рюмку, пришедший с кухни Сашин отец, Петр Васильевич.

Мужчины поднялись со стульев, и выпили, стоя. Женщины, наконец, закончившие воевать на кухне с закуской, чинно устроились за столом и все пошло своим чередом. Через час начали танцевать, а через два — горланить песни. В разгар веселья, когда все уже достаточно набрались, Наталья вытащила Николая на веранду и, прижав его к каким-то стоящим за дверью ящикам, горячо зашептала:

— Что так долго не звонил, Коля? Забыл что ли? Истосковалась я! — она поцеловала Николая долгим, захватывающим дух поцелуем и тут же, отпрянув, продолжила. — Приходи завтра меня встречать, мама в больнице, дома никого нет.

— Хорошо! — только и смог выдохнуть из себя Николай.

Наташа улыбнулась и в этот момент скрипнула входная дверь. Девушка успела отступить на пол шага, и на веранду вышел Петр Васильевич с большой эмалированной миской в руке:

— Кто тут?

— Это — я, папа, и Николай. Курим, — нашлась Наталья.

Николай внутренне попытался собраться и принять беззаботный вид, но это не слишком получилось.

— Сходила бы, дочка, в подпол, за капусткой, а то закончилась, — сказал Петр Васильевич.

— Хорошо, папа! — Наталья взяла миску и выскочила за дверь.

Напряженное молчание повисло в воздухе.

— Не ожидал я от тебя этого, Николай, — глухо произнес Петр Васильевич, — не по-людски это.

Он помолчал еще минуту и, махнув рукой, как будто отрубая что-то, вошел в дом и громко хлопнул дверью. Николай готов был сгореть от стыда. Он незаметно пробрался к вешалке, схватил в охапку одежду, и выскочил на улицу, проклиная все на свете. У калитки его перехватила Наташа:

— Ты куда?

Николай, сбивчиво объяснил девушке, что произошло, и, выслушав ее совет на все плюнуть, шагнул со двора.

— Позвони завтра, не забудь! — услышал он вслед.

«Вот, блин, не было печали, — размышлял Николай, шагая по тропинке к остановке, — влип, как кур в ощи! Как теперь Сашке в глаза смотреть?»

Лицо горело так, что впору было прикладывать снег... Жены дома, как обычно, не было, и он обрадовался этому: не хватало, чтобы Дарья увидела его в та-

ком виде. «Вот бы, позлобствовала», — промелькнула мысль. Он быстро юркнул в кровать и долго не мог заснуть, переваривая все случившееся. Но, вскоре, организм взял свое, и он забылся беспокойным сном до утра.

На следующий день он, проклиная себя, снова позвонил Наташе, и шальная, непредсказуемая жизнь полетела дальше, грозя перевернуть, где-то на повороте. Сашка, видимо, узнав кое-что от отца, перестал звонить окончательно, а Наталья с каждой встречей становилась все мрачнее и задумчивей.

— Что с тобой, дорогая? — пытался выяснить при каждом коротком свидании Николай, — но Наталья все больше отмахивалась от этих вопросов, или переводила разговор на шутки. И однажды это случилось:

— Знаешь, Коля, не звони мне больше!

Николай стоял оглушенный этой короткой фразой, не зная, что делать с трубкой телефона, а Наташа, помолчав, продолжала:

— Саша все знает, но обещал забыть, если мы больше не будем встречаться... любит он меня... прости, если можешь...

— А, как же я — обрел дар речи Николай.

— Не знаю. Прости! — Наталья положила трубку.

Николай долго слушал короткие гудки, пытаясь обратиться с мыслями, потом положил трубку и направился в кабинет, к кульману. Вид у него был, видимо, не ахти. Лаборантка Верочка всплеснула руками и только и сумела вымолвить:

— Что с вами, Николай Сергеевич, может валидолу?

— Спасибо, не надо.

Он кое-как доработал до конца дня и, выпив рюмочку, которая слегка успокоила его, с ребятами из сосед-

него отдела, отправился домой. На улице уже стояла настоящая весна. Лужицы растаявшего снега не замерзали даже ночью, а набухшие почки тополей вот-вот были готовы выстрелить первыми, клейкими от смолы листочками. Возле «Глобуса» он снова заметил свою жену, садящуюся в такси с каким-то наглаженным, солидным мужчиной, но в душе его оставалось так же пусто и безразлично, как в тот момент, когда он услышал из телефонной трубки это самое, тихое «прости!» Навстречу ему шли люди, они смеялись, переговаривались, торопились куда-то по своим делам, а он шел, вдыхая терпкий, весенний воздух и ни о чем не волновался. В душе все умерло: и горькая до слез обида, и боль новой потери, и абсолютная неопределенность будущего. Осталась только пустота.

Открыв дверь в дом, он первым делом вынес и вывалил в мусоропровод кухонное ведро, потом помыл, оставленную с утра посуду, налил в стакан минералки и включил своих любимых «Битлз». Затем подошел к окну и поглядел на загорающуюся первыми ночными огнями улицу. «Почему так бывает, – подумал Николай, – когда в жизни появляется что-то хорошее и светлое, ему на смену тут же спешит темное и гадкое? Или, так уж устроен человек, что не может по-другому?» Так и не получив ответа на свои вопросы, он задернул на окне занавески, поправил сползшую со стола скатерть, выключил магнитофон, и, продернув в пряжку, привязал к батарее тонкий, кожаный пояс, оставленный случайно в пустом шкафу женой.

05.01.04 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Таежный родник	5
«Когда мне хочется прилечь...»	7
«Отпущенья грехов не проси...»	9
Артист	10
Не грусти	12
Любимым	13
Осенний Юган	14
Родному городу	15
Сюжет о женских руках	16
Дорога домой	18
Пьеса для одного	20
«Огоньки уходящего поезда...»	22
Ступень	23
Маме	24
«Как следствие прожитых лет...»	26
Тунис	27
Под шум дождя	29
Полет	30
«В дни, когда щемит в груди...»	31
Вальс осени	33
Солнечный зайчик	34
Окно	35
Фортуна и Фемида	37
Дорожный романс	39
Альфа и омега	40
Сыну	41
Зигзаги	42
«Надломленный твоим непониманьем...»	44
Реквием собаке по имени Кирьян	45
На Арантуре	47
Нищий	48
Октябрь	50
«Было ли это...»	51
«Странные бывают повороты...»	53
Картина	54

Рыбалка в предзимье	56
«Разгулялся я по свету, Боже мой...»	58
Монолог в турецкой харчевне	60
«То печальные песни на тризне...»	62
Молитва	64
К истокам	65
«Их подсчитают штабисты подушно»	67
Этюд	68
«Мое больное поколение...»	69
Жалея вас, или монолог бывшего члена партии	71
«Девчонка юная...»	73
Эмигрант	75
«Амба! Прошлое вышло в тираж...»	76
«Он умер почти...»	77
«С мыслями о Боге и душе...»	79
Сюжет	80
Еврейские страдания	81
«Мы летим параллельным курсом...»	83
Музыка	84
«Что дается годами...»	85
«Жизнь, как не странно...»	86
Откровения избирателя	87
Весенняя гроза	89
«Мы рождены в кровавый век...»	90
Баллада о последнем рубле	91
«Написаны стихи...»	94
Старики	95
Раздумья у телевизора	96
Баллада о кресле	98
«Мне говорят: не пей»	101
«Привычное не требует ума...»	103
Сапоги	105
«Помнишь, друг мой, далекую ту весну...»	107
В ресторане	108
«Вместе давно тянувшие...»	111
«Всем нам знакомо чувство разлуки...»	114
Жертва суицида	116
Горе-демократам	119

Смерть Иисуса	121
Метро	123
«К Крещению – вновь холода...»	125
«Устало сердце и внезапно встало...»	126
Забывтое	127
«По скользкой, узенькой тропинке...»	129
«Гудит огонь простужено в печи...»	130
«...и гнали их на Соловки...»	131
Раскаянье	132
Рождение	133
«Мы уйдем, перемен не заметив...»	134
Детям	135
Музыка в переходе	137
«Отзвенели дождями веселыми...»	139
Ефросинья	141
Костер в ночи	143
Монолог постояльца общежития	146
Трамвайная рапсодия	148
Via de la Rose	150
«Бормотанья, советы...»	151
Мокрый вальс	152
Песенка о счастье и беде	154
«Эко прыгал старичок, слюнькой брызгал...»	155
Лестница	157
Туманы	159
«...Мне на глаза положат пятаки...»	161
Жертва спортивного азарта	163
«Не терпит время пустоты...»	165
«То – хлеба сверх меры...»	167
«Вздыхает за окном зима...»	168
«Зачем предназначалась жизнь моя...»	170
Ночной кошмар	171
«Все смертные, кто на клубок...»	174
«Бросить пить совсем? А, надо ли»	175
«Странный путь, что куда-то торят...»	178
«Скорбим по прежним временам...»	179
«Дни становятся длиннее...»	180
«В этом доме, где живу ныне...»	181

«Поступил на Дантеса донос...»	182
«Спасибо Вам, товарищ Галич...»	183
Воскресенье	184
«В ночном окне ни зги, ни огонька...»	186
Монолог пессимиста	187
Выбор	189
Размышления в приемной	192
Творец истории	193
«Выстыло жилье, погасла печь...»	194
«Россия к нам то ласкова, то снова...»	195
«Какой стоит мороз!»	196
«Нас потопом стращали...»	197
«Вагон качнется, поезд тронется...»	199
«Прошлое погибло. Копий нет»	200
Монумент	202
Наш паровоз	204
«Душный воздух застыл»	210
Весна	212
«Ах, какая женщина со мной»	214
Поиск истины	215
Исторические миниатюры	219
Четыре дня прораба Паши Овечкина. Повесть	249
Пальто. Рассказ	337
Махнем, не глядя! Рассказ	352
Рикошет. Рассказ	361

187	188	189	190	191	192	193	194	195	196	197	198	199	200	201	202	203	204	205	206	207	208	209	210	211	212	213	214	215	216	217	218	219	220	221	222	223	224	225	226	227	228	229	230	231	232	233	234	235	236	237	238	239	240	241	242	243	244	245	246	247	248	249	250	251	252	253	254	255	256	257	258	259	260	261	262	263	264	265	266	267	268	269	270	271	272	273	274	275	276	277	278	279	280	281	282	283	284	285	286	287	288	289	290	291	292	293	294	295	296	297	298	299	300	301	302	303	304	305	306	307	308	309	310	311	312	313	314	315	316	317	318	319	320	321	322	323	324	325	326	327	328	329	330	331	332	333	334	335	336	337	338	339	340	341	342	343	344	345	346	347	348	349	350	351	352	353	354	355	356	357	358	359	360	361	362	363	364	365	366	367	368	369	370	371	372	373	374	375	376	377	378	379	380	381	382	383	384	385	386	387	388	389	390	391	392	393	394	395	396	397	398	399	400	401	402	403	404	405	406	407	408	409	410	411	412	413	414	415	416	417	418	419	420	421	422	423	424	425	426	427	428	429	430	431	432	433	434	435	436	437	438	439	440	441	442	443	444	445	446	447	448	449	450	451	452	453	454	455	456	457	458	459	460	461	462	463	464	465	466	467	468	469	470	471	472	473	474	475	476	477	478	479	480	481	482	483	484	485	486	487	488	489	490	491	492	493	494	495	496	497	498	499	500
-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

Сдано в набор 5.04.2004 г. Формат 60x84, 1/16. Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman Суг. Усл. печ. листов 21,6. Заказ № 1816. Тираж 250.
ГУП СО «ПО «Север», г. Серов, ул. К. Маркса, 19.

4 10 112 004
Окружная библиотека

